Gore ot Uma;
komediia.

A. S. Griboedov

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3337
.G7
G6
1912

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
APR 20 1978	APR 2 0 '78		
Form No. 513			

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/goreotumakomedia00grib

2379 а/20

ГОРЕ ОТЪ УМА

КОМЕДІЯ

А. С. ГРИБОѢДОВА.

MC PG3337 C .G7 G6 1912

Текстъ Жандровской рукописи, хранящейся въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ имени Императора АЛЕКСАНДРА III въ Москвѣ.

Съ приложеніемъ двухъ портретовъ и пяти снимковъ съ рукописи.

Редакція, введеніе и примѣчанія

Н. К. ПИКСАНОВА.

Изданіе Л. Э. Бухгеймъ.

Москва. 1912.

Печатано въ типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰, въ Москвѣ.

Иллюстраціи исполнены у Р. Голике и А. Вильборгъ, въ С.-Петербургѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ редактора. *Стр.*

Введеніе . . . . . I—LXX

I. Грибоѣдовъ и А. А. Жандръ III
II. Внѣшняя судьба рукописи XXVII
III. Значеніе Жандровскаго текста въ творческой исторіи „Горя отъ ума“ XL

Текстъ Жандровской рукописи . . . . . 1—140

Примѣчанія . . . . . 141—151

Къ иллюстраціямъ 151

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Жандровская рукопись „Горя отъ ума“ чрезвычайно важна какъ для творческой исторіи славной комедіи, такъ и для установленія ея дефинитивнаго текста. Въ этомъ своемъ значеніи она стоитъ въ одномъ ряду съ двумя другими редакціями: Музейнымъ автографомъ и Булгаринскимъ спискомъ, а иногда и превосходитъ ихъ. Однако, въ то время, какъ эти двѣ рукописи давно изданы, Жандровская рукопись не только не издана, но и не изучалась сколько-нибудь внимательно. Все, что говорилось о ней въ печати, весьма скудно, иногда же совершенно ложно. Такимъ образомъ, комментированное изданіе этого текста является насущной очередной задачей грибоѣдовской исторіографіи. Оно имѣетъ и самостоятельный научный интересъ и вмѣстѣ съ тѣмъ является естественнымъ дополненіемъ академическаго изданія сочиненій А. С. Грибоѣдова, куда Жандровскій текстъ могъ войти только отрывками, въ отдѣлѣ варіантовъ. Характерныя особенности языка и пунктуаціи рукописи, дающія много цѣнныхъ чертъ для сценическаго воплощенія пьесы,

вызовутъ, несомнѣнно, вниманіе къ ней и со стороны дѣятелей русскаго драматическаго театра.

Лучшимъ способомъ воспроизведенія текста былъ бы, конечно, фототипическій, но по своей дороговизнѣ онъ недоступенъ при такомъ огромномъ числѣ страницъ. Другой способъ, описательный, тотъ именно, какимъ дважды воспроизведенъ въ печати Музейный автографъ комедіи, достаточно точенъ, но громоздокъ и лишенъ наглядности, такъ какъ не даетъ зрительнаго образа оригинальнаго текста. Поэтому мы прибѣгли къ новому типографскому пріему, впервые примѣняемому нами къ печатному воспроизведенію обширнаго текста. Онъ даетъ возможность, не обращаясь къ длиннымъ и дробнымъ описаніямъ, слѣдить наглядно за всѣми авторскими исправленіями въ текстѣ. Снимки, прилагаемые къ нашей книгѣ, познакомятъ читателя и съ внѣшнимъ видомъ рукописи.

Настоящее изданіе обязано своимъ появленіемъ въ свѣтъ прежде всего любезному разрѣшенію Управленія Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ, въ Библіотекѣ коего хранится Жандровская рукопись въ особомъ отдѣлѣ имени А. С. Грибоѣдова. Управленію Музея и его Библіотеки, въ лицѣ князя Н. С. Щербатова и А. И. Станкевича, мы приносимъ нашу первую благодарность. Безкорыстной любви къ литературѣ и книгѣ Л. Э. Бухгейма изданіе обязано своимъ матеріальнымъ осуществленіемъ.

Главныя работы по изученію Жандровской рукописи происходили въ стѣнахъ Императорской Академіи Наукъ, куда рукопись была временно прислана изъ Москвы для нашего пользованія; Академіи Наукъ редакторъ обязанъ вообще многообразной, постоянной и давней поддержкой въ его изслѣдованіяхъ по Грибоѣдову. Редакторъ признателенъ также администраціи архивовъ: Государственнаго, Сенатскаго, Министерства Народнаго Просвѣщенія, Рукописнаго Отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки, Департамента Полиціи, равно какъ многимъ лицамъ, доставившимъ цѣнные матеріалы и содѣйствовавшимъ разнообразно полнотѣ изданія: дочери и сыновьямъ покойнаго А. А. Жандра—В. А. Бибиковой и А. А. и В. А. Жандръ, Н. П. Барышникову, А. А. Бахрушину, И. А. Бычкову, П. Л. Ваксель, А. В. Всеволожскому, И. А. Кубасову, Б. Л. Модзалевскому. Вл. И. Немировичу-Данченко, В. И. Саитову, Н. Е. Стеблинъ-Каменской, П. К. Симони, Б. Г. Скамони, П. Е. Щеголеву, П. И. Щукину.

ВВЕДЕНІЕ.

I. Грибоѣдовъ и А. А. Жандръ.

Въ духовномъ складѣ Грибоѣдова одной изъ самыхъ выразительныхъ чертъ была та, которую хочется обозначить стариннымъ русскимъ словомъ: дружелюбіе. Отрадно наблюдать, сколько вниманія, заботъ и нѣжности проявлялъ этотъ, въ общемъ суровый, человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ друзьямъ. Строгій къ людямъ и скептическій, онъ рѣдко кого дарилъ своей интимной дружбой, зато, сдѣлавъ выборъ, окружалъ друга всѣми богатствами своего горячаго сердца.

Видное мѣсто въ кругу друзей поэта занималъ Андрей Андреевичъ Жандръ. Когда они познакомились, точно сказать трудно, но несомнѣнно—вскорѣ по пріѣздѣ Грибоѣдова въ Петербургъ въ 1815 году[1]). Грибоѣдовъ тогда только что оставилъ военную службу и изъ бѣлорусскаго захолустья впервые пріѣхалъ въ сѣверную столицу—въ надеждѣ славы и добра. Среди петербургскихъ литераторовъ и театраловъ онъ не могъ не встрѣтиться съ Жандромъ.

Андрей Андреевичъ былъ старше Грибоѣдова на нѣсколько лѣтъ и къ тому времени уже прошелъ трудную житейскую школу[2]), но сохранилъ всю полноту душевной бодрости

---

[1]) См. „Воспоминанія о незабвенномъ А. С. Грибоѣдовѣ“ *Ѳ. В. Булгарина*. „Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ“ 1830, № 1, стр. 8—9.

[2]) По происхожденію изъ дворянъ, но никогда не имѣвшій ни родового, ни благопріобрѣтеннаго имѣнія, онъ началъ свою службу въ 1803 году, четырнадцати лѣтъ, съ самаго маленькаго чина: копіистомъ въ „Комитетѣ, учрежденномъ для поверхностнаго обозрѣнія всеподданнѣйшихъ прошеній, принесенныхъ на рѣшенія департаментовъ Правитель-

и страсть къ литературѣ и театру. Онъ не былъ тогда и никогда не сталъ профессіональнымъ писателемъ и не оставилъ по себѣ замѣтнаго слѣда въ словесности, но былъ литературно образованъ, владѣлъ стихомъ, переводилъ съ французскаго и охотно выступалъ въ журнальной полемикѣ[1]). По своимъ литературнымъ вкусамъ онъ былъ пуристомъ русскаго языка и нѣсколько тяготѣлъ къ шишковизму, на ряду съ кн. А. А. Шаховскимъ и П. А. Катенинымъ. Грибоѣдовъ тоже былъ склоненъ къ литературному старовѣрству, и быть можетъ именно это обстоятельство дало внѣшній толчекъ къ сближенію. Скоро новые знакомые стали друзьями и вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими литераторами и театра-

ствующаго Сената"; потомъ послѣдовательно былъ подъканцеляристомъ, канцеляристомъ, регистраторомъ, письмоводителемъ; только черезъ десять лѣтъ службы онъ сталъ коллежскимъ секретаремъ (31 декабря 1812 г.). Въ іюнѣ 1819 г. опредѣленъ правителемъ канцеляріи въ Военно-счетную экспедицію; въ надворные совѣтники произведенъ 19 мая 1824 г.; съ 14 октября 1827 г. служилъ начальникомъ отдѣленія Артиллерійскаго департамента Морского министерства, потомъ начальникомъ отдѣленія канцеляріи Начальника Морского Штаба; съ 1 мая 1836 г.—директоръ Канцеляріи Морского Министерства. Съ тѣхъ поръ Жандръ уже сталъ въ ряды крупной бюрократіи; въ 1843 г. получилъ чинъ тайнаго совѣтника, съ 1856 г.—присутствовалъ въ Сенатѣ и умеръ (1873) въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника (Формулярные списки А. А. Жандра въ Сенатскомъ Архивѣ).

[1]) Укажемъ нѣкоторыя изъ литературныхъ работъ Жандра: 1) Письмо къ Н. И. Гречу, „Сынъ Отечества" 1822, ч. LXXVIII, стр. 82—85; 2) О переводахъ комедій Le mariage de Figaro и представленіяхъ ея въ С.-Петербургѣ по переводу Баркова. Ibidem, 1829, ч. CXXIV, стр. 348—358, ср. 444—446; 3) Полемика съ Як. Толстымъ. Ibid. 1823, ч. LXXXIV, стр. 310—312; ч. LXXXV, стр. 32—35, 83—128; 4) Стихотворенія „Къ моей Музѣ" и „Минуты жизни". „Сѣверная Пчела" 1827 №№ 2 и 8.—Пьесы А. А. Жандра указаны у *П. Арапова,* Лѣтопись русскаго театра, стр. 209, 292, 347, 358. Ср. Указатель статей серьезнаго содержанія, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ прежнихъ лѣтъ. Изд. *Н. Бенардаки и Ю. Богушевича.* Вып. I: „Сынъ Отечества" 1812—1852. СПБ. 1858 (по азбучному списку авторовъ).—С. А. Венгеровъ. Источники словаря русскихъ писателей, т. II, стр. 374.

лами образовали особый кружокъ, стоявшій въ сторонѣ отъ шумѣвшаго тогда „Арзамаса“, но не примыкавшій близко и къ „Бесѣдѣ любителей русскаго слова“. Какъ жилъ тогда этотъ небольшой кружокъ, разсказываетъ намъ одинъ изъ членовъ его, ближайшій другъ Грибоѣдова, Степанъ Никитичъ Бѣгичевъ: „Всегдашнее наше и почти неразлучное общество составляли Грибоѣдовъ, Жандръ, Катенинъ, Чипяговъ и я. Всѣ они, кромѣ меня, были въ душѣ поэты, много читали, знали хорошо европейскую литературу и отдавали преимущество романтикамъ. Въ дружескихъ бесѣдахъ часто сообщали они другъ другу планы будущихъ своихъ сочиненій, но мало писали, да и не имѣли времени для этого отъ своихъ служебныхъ занятій. Всѣ мы любили очень театръ, часто его посѣщали и оканчивали нашъ вечеръ, т.-е. до 2-хъ и 3-хъ часовъ утра, у князя Шаховскаго, бывшаго тогда директоромъ театра. Хозяинъ былъ очень любезенъ, всегда веселъ, и разговоръ его о всѣхъ предметахъ былъ занимателенъ и разнообразенъ, но болѣе любилъ онъ говорить о литературѣ. Въ домѣ его встрѣчались разнообразныя и разнохарактерныя лица. Тутъ можно было увидѣть и литератора, и артиста, и даровитаго актера, и хорошенькую актрису, и шалуна офицера, а иногда и ученаго академика. Веселая и беззаботная была тогда жизнь наша! Я, при старости моей, до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ времени!“ [1])

На почвѣ театральныхъ интересовъ и затѣй у Грибоѣдова и Жандра возникло въ 1817 году маленькое литературное предпріятіе, о которомъ узнаемъ изъ одного письма Грибоѣдова; кстати сказать, это первое извѣстіе о Жандрѣ въ дошедшей до насъ перепискѣ Грибоѣдова, и оно свидѣтельствуетъ, какими уже близкими друзьями они тогда были. 19 октября 1817 года Александръ Сергѣевичъ пишетъ къ

[1]) Записка объ А. С. Грибоѣдовѣ, *С. Н. Бѣгичева*. „Русскій Вѣстникъ“ 1892, № 8, стр. 309—310.

П. А. Катенину въ Москву: „Андрей Андревичъ послѣдній вторникъ является на вечеръ къ Шишкову, слушаетъ Тасса въ прозѣ, и благополучно спитъ, потомъ приходитъ ко мнѣ и бодрствуетъ до третьяго часа ночи. Я его какъ душу люблю, и жалѣю, а самъ я регулярно каждый вторникъ боленъ. Читалъ ты Жандровъ отрывокъ изъ Гоѳоліи въ „Наблюдателѣ"?—Безподобная вещь, только одно слово и къ тому же риѳма пребогомерзская: *говяда*. Видишь ты въ Библіи это значитъ стадо, да какое мнѣ дѣло?... [1]) Я теперь для него Семелу Шиллерову перевожу слово въ слово, онъ изъ нея вѣрно сдѣлаетъ прелестную вещь—это для бенефиса Семеновой. Я ей же въ бенефисъ отдаю Les fausses infidélités. Для Вальберховой я сдѣлалъ четыре сцены, которыми Жандръ очень доволенъ". Когда подстрочный переводъ „Семелы" былъ готовъ, Андрей Андреевичъ изложилъ его въ стихахъ, и отрывки этого переложенія вскорѣ были напечатаны въ „Сынѣ Отечества" въ сопровожденіи характернаго для тогдашнихъ литературныхъ нравовъ „письма въ редакцію" самого Грибоѣдова: „Вы знаете прекрасныя сцены Шиллеровой Семелы. По усиленной просьбѣ моей, А. А. Жандръ согласился перевести ихъ на русскій языкъ и добавить отъ себя, чего недостаетъ въ подлинникѣ. Вообще онъ обогатилъ цѣлое новыми, оригинальными красотами. И въ отрывкѣ, который при семъ препровождаю, лирическое во второмъ явленіи отъ слова до слова принадлежитъ ему."[2]). Вскорѣ и

[1]) Отрывокъ изъ „Гоѳоліи"—переводъ изъ трагедіи Расина „Athalie", сюжетъ коей почерпнутъ изъ Библіи (книга „Паралипоменонъ"); напечатанъ въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ" 1817 г., № 14.

[2]) „Сынъ Отечества" 1817, кн. 51, стр. 231 (21 декабря). Позднѣе, 11-го февраля 1818 года, жандровскій „вольный переводъ" „Семелы" данъ былъ на сценѣ въ бенефисъ Семеновой, вмѣстѣ съ „Притворною невѣрностью". См. *П. Араповъ*. Лѣтопись русскаго театра, стр. 263. Ср. *В. Стасовъ*. Русскіе и иностранныя оперы въ Россіи, стр. 35. Подстрочный переводъ „Семелы", сдѣланный Грибоѣдовымъ, къ сожалѣнію, не сохранился.

Александру Сергѣевичу пришлось обратиться къ содѣйствію Жандра. Въ письмѣ къ Катенину Грибоѣдовъ упоминалъ, что готовилъ къ бенефису Семеновой переводъ комедіи „Les fausses infidélités“ Барта. Чтобы не опоздать къ сроку, Грибоѣдовъ привлекъ къ переводу и Андрея Андреевича. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ С. Н. Бѣгичеву въ письмѣ отъ 15-го апрѣля 1818 года: „Посылаю тебѣ *Притворную невѣрность*, два экземпляра, одинъ перешли Катенину. Вотъ, видишь-ли, отчего сдѣлалось, что она переведена двумя: при отъѣздѣ моемъ въ Нарву, Семенова торопила меня, чтобъ я не задержалъ ея бенефиса, а чтобъ меня это не задержало въ Петербургѣ, я съ прозьбой прибѣгнулъ къ другу нашему Жандру. Возвратясь изъ Нарвы, я нашелъ, что у него только переведены сцены двѣнадцатая и XIII-я; остальное съ того мѣста, какъ Рославлевъ говоритъ: *Я здѣсь, все слышалъ, и все знаю,* я самъ кончилъ. Впрочемъ и въ его сценахъ есть иное мое, такъ какъ и въ моихъ его перемѣны; ты знаешь, какъ я связно пишу; онъ безъ меня переписывалъ и многихъ стиховъ вовсе не могъ разобрать и замѣнилъ ихъ своими. Я иные уничтожилъ, а другіе оставилъ: тѣ, которые лучше моихъ. Эту комедійку собираются играть на домашнихъ театрахъ, ко мнѣ присылали рукописные экземпляры для поправки, много переврано, вотъ что заставило меня ее напечатать“.[1]) Какъ видимъ, Грибоѣдовъ самъ признавалъ достоинства перевода Жандра, и дѣйствительно, два явленія пьесы, переведенныя Андремъ Андреевичемъ не уступаютъ, по качеству стиха, остальнымъ.

[1]) „Притворная невѣрность. Комедія въ одномъ дѣйствіи въ стихахъ. Переведена съ французскаго А. Грибоѣдовымъ и А. Жандромъ. Санктпетербургъ, въ типографіи Н. Греча“. 1818, 59 стр. Цензурное дозволеніе 7-го февраля 1818 г. О постановкѣ пьесы см. *П. Араповъ.* Лѣтопись русскаго театра, стр. 263; ср. „Сѣверная Пчела“ 1830, № 3; 1831, №№ 100 и 104; *А. Вольфъ.* Хроника петербургскихъ театровъ, часть I.—Письмо Грибоѣдова воспроизводимъ, съ исправленіями противъ обычнаго печатнаго текста, по автографу, любезно сообщенному намъ П. Л. Вакселемъ.

Такъ отношенія новыхъ знакомыхъ связывались въ крѣпкій узелъ личной пріязни и совмѣстныхъ литературныхъ работъ. Здѣсь своевременно добавить, что было третье лицо, поддержавшее и еще болѣе закрѣпившее этотъ дружескій союзъ. Въ домѣ Андрея Андреевича полноправной хозяйкой жила Варвара Семеновна Миклашевичъ, женщина замѣчательная по своей незаурядной судьбѣ, большимъ дарованіямъ, открытому и сильному характеру и добротѣ сердечной. Эти черты привлекали къ ней симпатіи многихъ, въ томъ числѣ А. С. Пушкина; особенно любили ее кн. А. И. Одоевскій и Грибоѣдовъ. Варвара Семеновна принимала близкое участіе въ литературныхъ интересахъ того времени; ниже намъ придется упоминать о нашумѣвшемъ тогда ея рукописномъ романѣ „Село Михайловское“, здѣсь укажемъ, что она не мало переводила для театра.[1]) Въ своей привязанности Грибоѣдовъ не раздѣлялъ Андрея Андреевича и Варвары Семеновны, а въ письмахъ часто обращался сразу къ нимъ обоимъ. Домъ Варвары Семеновны и Жандра былъ едва ли не единственнымъ семейнымъ домомъ, гдѣ Грибоѣдовъ въ 1815—1818 годахъ постоянно находилъ привѣтъ и ласку.

Въ томъ же письмѣ, гдѣ поэтъ разсказывалъ Бѣгичеву о сотрудничествѣ съ Жандромъ въ „Притворной невѣрности“, онъ сообщаетъ и о своей „непритворной печали“: министерство иностранныхъ дѣлъ хочетъ послать его въ Персію, секретаремъ новой русской дипломатической миссіи. Уклониться отъ этого назначенія не удалось, и вскорѣ Грибоѣдову пришлось покинуть Петербургъ (въ концѣ августа 1818 г.) и разстаться надолго, на цѣлыхъ шесть лѣтъ, съ своими друзьями. Впрочемъ, съ Жандромъ и Варварой Семеновной онъ еще

[1]) Такъ, ею переведены: „Спальня, или полчаса изъ жизни герцога Ришелье“, комедія въ 1 дѣйствіи. Спб. 1824; „Завѣщаніе, или кто кого перехитритъ“, комедія въ 1 дѣйствіи Мариво. Спб. 1824. Ср. *П. Араповъ*. Лѣтопись русскаго театра, стр. 354, 359—360; Кн. *Н. Н. Голицынъ*. Библіографическій словарь русскихъ писательницъ. Спб. 1889, стр. 173.

встрѣтился въ Москвѣ, гдѣ останавливался проѣздомъ на Востокъ. Изъ письма къ С. Н. Бѣгичеву отъ 5 сентября 1818 г. узнаемъ, что Жандръ даже жилъ тогда въ домѣ Настасьи Ѳедоровны Грибоѣдовой: „Жандръ у насъ еще живетъ, только я не видалъ его, онъ спасается гдѣ-то съ Варварой Семеновной". Въ Москвѣ Андрею Андреевичу пришлось стать невольнымъ свидѣтелемъ тяжелой сцены между Настасьей Ѳедоровной и Александромъ Сергѣевичемъ; объ этомъ самъ Грибоѣдовъ сообщилъ Бѣгичеву въ письмѣ отъ 18 сентября: „спроси у Жандра, какъ однажды, за ужиномъ, матушка съ презрѣніемъ говорила объ моихъ стихотворныхъ занятіяхъ и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, отъ того, что я не восхищаюсь Кокошкинымъ и ему подобными".

Удаляясь отъ родины все дальше и дальше, Грибоѣдовъ увозилъ съ собою теплыя воспоминанія о друзьяхъ, и въ его письмахъ съ дороги не разъ упоминается имя Жандра: то ему поручаются денежныя дѣла, то шлется просьба подписаться на театральныя афишки, то просто поклонъ. Добравшись наконецъ до Тегерана, въ коротенькомъ письмѣ къ Катенину отъ 26 марта 1819 г. Грибоѣдовъ приписываетъ: „Жандра поцѣлуй", а годомъ позже, изъ Тавриза, спрашиваетъ Катенина: „Жандрикъ мой какъ живетъ? въ 1820-мъ году прежнимъ ли святымъ молится?"

Затѣмъ прошло еще нѣсколько долгихъ лѣтъ въ скитаніяхъ по Персіи и Кавказу, въ духовномъ одиночествѣ. Въ 1823 году Александръ Сергѣевичъ получилъ возможность вернуться къ родному Сѣверу. Сюда Грибоѣдовъ привезъ „Горе отъ ума", и славная комедія быстро стяжала автору блестящіе тріумфы. Всѣ искали знакомства и расположенія прославленнаго поэта, но самъ онъ вернулся въ Петербургъ инымъ, чѣмъ былъ въ 1818 году,—замкнутымъ, скептическимъ, строгимъ къ себѣ и другимъ, и съ трудомъ шелъ теперь на сближеніе и дружбу. Въ зенитѣ своей популярности онъ писалъ (4 февраля 1825 г.) сосланному въ деревню Катенину:

„живу я точно какъ ты въ Кологривѣ, очень уединенно, рѣдко съ кѣмъ вижусь изъ старыхъ моихъ знакомыхъ, съ большимъ числомъ изъ нихъ не возобновилъ прежнихъ короткихъ связей, вновь ни съ кѣмъ не дружусь, лѣта не тѣ, сердце холоднѣе". Охлажденное сердце поэта, однако, берегло еще теплое чувство къ старымъ друзьямъ. Изъ нихъ въ первомъ ряду стояли А. А. Жандръ и В. С. Миклашевичъ. Нѣтъ прямыхъ свѣдѣній, какъ встрѣтились друзья послѣ долгой разлуки, но изъ краткихъ упоминаній въ письмахъ Грибоѣдова знаемъ, что Жандръ усиленно звалъ Александра Сергѣевича къ себѣ жить, и хотя Грибоѣдовъ и не поселился у него, очевидно, чтобы не стѣснять пріятеля, всегда жившаго небогато, но корреспонденцію просилъ адресовать на Жандра, постоянно бывая у него.[1]) Жандру онъ подарилъ тогда драгоцѣнную рукопись „Горе отъ ума", воспроизведенію и оцѣнкѣ коей посвящена эта книга; съ Жандромъ же затѣялъ было переводъ „Ромео и Юлій" Шекспира[2]). Живой, энергическій темпераментъ Грибоѣдова заражалъ медлительнаго Жандра, и подъ вліяніемъ друга Андрей Андреевичъ засѣлъ за переводъ „Венцеслава" Ротру. Объ этомъ самъ Грибоѣдовъ пишетъ Катенину отъ 17 октября 1824 г.: „Жандръ пробудился отъ усыпленія, переводитъ Венцеслава необыкновенно хорошо, безъ риѳмъ и тѣмъ лучше выходитъ".[3])

---

[1]) Конечно, и Жандръ часто заходилъ къ Грибоѣдову; однажды, зазвавъ Андрея Андреевича къ себѣ обѣдать, Грибоѣдовъ принудилъ лѣниваго друга написать нѣсколько строкъ Бѣгичеву (см. письмо Грибоѣдова къ Бѣгичеву отъ 17-го января 1825 года).

[2]) Эта затѣя, впрочемъ, разстроилась, такъ какъ Жандръ не зналъ англійскаго языка и собирался переводить съ французскаго, а Грибоѣдовъ находилъ, что такъ „перекрайвать Шекспира дерзко".

[3]) Что именно Грибоѣдовъ склонилъ Жандра къ переводу (первое дѣйствіе трагедіи напечатано было тогда же въ „Русской Таліи" на 1825 г.) свидѣтельствуетъ Катенинъ въ письмѣ къ Бахтину отъ 26 января 1825 г., очевидно со словъ самого Жандра. См. Письма *П. А. Катенина* къ Н. И. Бахтину подъ ред. А. А. Чебышева. Спб. 1911, стр. 74. А. С.

Быть можетъ не безъ воздѣйствія Грибоѣдова и В. С. Миклашевичъ взялась тогда за переводы; именно во время пребыванія Грибоѣдова въ Петербургѣ въ 1824 г. переведены ею пьесы, указанныя выше; онѣ имѣли значительный успѣхъ[1]).

Въ Петербургѣ Грибоѣдову жилось невесело. Ни тріумфы „Горя отъ ума", ни увлеченіе танцовщицей Телешовой, ни ласка друзей—не могли побѣдить въ немъ мрачнаго расположенія, которое наростало все сильнѣе и сильнѣе. Поэтъ думалъ найти разсѣяніе въ путешествіи и въ маѣ покинулъ Петербургъ, чтобы черезъ Кіевъ и Крымъ проѣхать на Кавказъ. Легко предположить, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ путешествіи, Александръ Сергѣевичъ неоднократно писалъ Жандру и Варварѣ Семеновнѣ; но эти письма, какъ и многія еще другія, не дошли до насъ. Зато сохранилось большое письмо Грибоѣдова къ Андрею Андреевичу уже съ Кавказа, изъ станицы Екатериноградской, отъ 18 декабря 1825 года,—одно изъ тѣхъ дружескихъ, теплыхъ и нѣжныхъ писемъ, которыя былъ такой мастеръ писать этотъ суровый человѣкъ. Вотъ нѣсколько выдержекъ оттуда[2]). „Андрей любезнѣйшій, я только нынѣче получилъ почту твою отъ 19-го окт., а когда моя пойдетъ и черезъ кого доставить въ Георгіевскъ не знаю, но досугъ есть, и пишу. Философія твоя чуть было меня не прослезила, милый другъ мой, къ

Пушкинъ также очень цѣнилъ переводъ Жандра; см. его замѣтки по поводу „Бориса Годунова" (1831) и письмо къ П. А. Катенину 1825 г. въ Перепискѣ Пушкина, изд. Императ. Академіи Наукъ, т. I. стр. 284. Ср. статью кн. А. И. Одоевскаго въ „Сынѣ Отечества" 1825, ч. XCIX (перепечатана въ сочиненіяхъ *Одоевскаго*, Спб. 1893, стр. 73—76).

[1]) Письма *П. А. Катенина*, стр. 57 и 67.

[2]) Печатаемъ письмо по автографу, хранящемуся теперь въ московскомъ музеѣ А. А. Бахрушина, которому приносимъ искреннюю благодарность за сообщеніе грибоѣдовскихъ бумагъ. Въ печати письмо впервые появилось, съ нѣкоторыми неисправностями, въ изданіи сочиненій Грибоѣдова подъ редакціей И. А. Шляпкина, Спб., 1889, т. I, стр. 175—177.

чему ведетъ насъ эта жизнь? Оглянись, съ тобою умнѣйшая, исполненная чувства и вѣрная сопутница въ этой жизни, и какъ разнообразна и весела когда не сердится. У тебя я, я и я, а нашъ Александръ Одоевскій? — И когда мы не вмѣстѣ, есть о комъ думать. Avec ce cortége d'amis on ne s'ennuye pas, mon coeur, въ томъ и счастіе, чтобы сердце не оставалось пустое. Да хотя бы у насъ только и назначенія было тебѣ ко мнѣ писать, а мнѣ любоваться твоею эпистоліею, такъ есть за что благодарить Бога"... „Коли походъ въ Чечню не состоится, то я долѣе не выдержу какъ ни люблю А. П. [Ермолова]. Но по совѣсти сказать, на что я ему надобенъ? Вотъ вамъ, напр. я точно необходимъ, теперь самъ вижу, испыталъ, что такое разлука, тянетъ обратно, увѣренъ, что встрѣтятъ меня съ тою же горячностью съ которою провожали, а быть кому нибудь въ утѣшеніе куда пріятно!! Сдѣлай милость, объяви мнѣ искренно или вы лучше скажите мнѣ, милый другъ Варвара Семеновна, отъ чего нашъ Александръ такъ страстно отзывается мнѣ о В. Н. Т..... Ночью сидитъ у ней, и оттудова ко мнѣ пишетъ, когда уже всѣ дѣти спать улеглись... Не давайте ему слишкомъ увлекаться этою дружбою, я по себѣ знаю, какъ оно бываетъ опасно... Прощайте, милыя мои безцѣнныя существа. Какое у васъ движеніе въ Петербургѣ!!—А здѣсь... Подождемъ. Варвара Семеновна понуждайте нашего лѣнивца [т.-е. Жандра], чтобы не отставать отъ Одоевскаго, я передъ вами на колѣна становлюсь. Пишите къ дальнему другу и родственнику вашего избранья. Сто разъ благодарю васъ, что няньчите Вильгельма, [Кюхельбекера], чуръ не заглядываться, тотчасъ треснется головою объ полъ"...[1])

Когда писалось это письмо, Грибоѣдовъ еще не зналъ, что „движеніе въ Петербургѣ" уже оборвалось четыре дня тому назадъ, катастрофой 14-го декабря. Увы, Варвара Се-

[1]) Кюхельбекера съ Варварой Семеновной познакомилъ именно Грибоѣдовъ. „Русская Старина" 1883, VIII, 270.

меновна не въ силахъ была сберечь ни Александра, ни Вильгельма; Одоевскій уже былъ арестованъ, та же участь скоро ожидала и Кюхельбекера. А 22 января 1826 года, въ крѣпости Грозной, на Кавказѣ, былъ арестованъ и другой Александръ,—Грибоѣдовъ; 11-го февраля онъ уже сидѣлъ въ Петербургѣ, на гауптвахтѣ Главнаго штаба.

Жандръ не былъ замѣшанъ въ декабристскія организаціи, но и ему и Варварѣ Семеновнѣ пришлось пережить одинъ жуткій моментъ. Въ день четырнадцатаго декабря князь А. И. Одоевскій явился къ Жандру совершенно растерянный и подавленный только что случившимся на Сенатской площади. Варвара Семеновна обласкала своего любимца, передала ему значительную сумму денегъ (700 рублей), а самъ Жандръ снабдилъ его своимъ штатскимъ платьемъ. Переодѣтый Одоевскій могъ бы, такимъ образомъ, бѣжать, но неосторожно забрелъ еще въ домъ къ одному родственнику и былъ имъ выданъ. Изъ показаній самого же кн. Александра Ивановича императору Николаю стало извѣстно содѣйствіе Жандра побѣгу декабриста, и скромнаго чиновника могла ждать тяжелая кара. Но государь, вызвавъ къ себѣ Жандра, удовлетворился его объясненіями и предалъ дѣло забвенію. [1]) Къ этимъ свѣдѣніямъ, взятымъ изъ изустной традиціи, закрѣпленной потомъ въ печати, мы теперь можемъ добавить нѣсколько данныхъ, доселѣ не бывшихъ извѣстными и почерпнутыхъ нами изъ архивныхъ источниковъ. Оказывается, А. А. Жандръ не только объяснялся съ государемъ, но

[1]) Этотъ эпизодъ съ переодѣваньемъ Одоевскаго разсказывается на разные лады. Передаютъ, что на вопросъ Николая Павловича, почему Жандръ не выдалъ Одоевскаго, Андрей Андреевичъ отвѣчалъ: „И Вы, Ваше Величество, на моемъ мѣстѣ не выдали бы!“ Полное собраніе сочиненій *А. С. Грибоѣдова,* подъ редакціей И. А. Шляпкина, 1889, т. I, стр. 407—408 (по разсказу П. П. Жандръ); „Русская Старина“ 1874, май, стр. 157, примѣч. Ср. „Историческій Вѣстникъ“ 1909, апрѣль, стр. 154; *Н. А. Котляревскій.* Декабристы кн. А. П. Одоевскій и А. А. Бестуевъ. Спб. 1907, стр. 23—24.

и былъ арестованъ. Въ „Алфавитѣ членамъ бывшихъ злоумышленныхъ обществъ“, составленномъ въ 1827 году и бывшемъ настольной справочной книгой для императора Николая I, читаемъ: „*Жандръ* (Андрей Андреевичъ), надворный совѣтникъ, правитель Канцеляріи Военно-счетной Экспедиціи. Требованъ къ отвѣту по тому случаю, что вечеромъ 14 декабря, послѣ разсѣянія мятежниковъ, принялъ къ себѣ одного изъ нихъ, князя Одоевскаго, и далъ ему способъ уйти изъ города, снабдивъ его платьемъ и деньгами. О существованіи общества и замысловъ мятежа не зналъ.—Содержался на главной гауптвахтѣ съ 16 декабря. Черезъ нѣсколько дней послѣ ареста, по Высочайшему повелѣнію, освобожденъ“ [1]). Эта справка составлена на основаніи особаго „дѣла“ о Жандрѣ, хранящагося въ Государственномъ Архивѣ въ общемъ составѣ дѣлъ о декабристахъ. Арестованный 16-го декабря, Андрей Андреевичъ былъ допрошенъ генераломъ Левашовымъ и на вопросы: почему помогъ Одоевскому, зналъ ли Рылѣева и о тайныхъ обществахъ—отвѣчалъ: „Князь Одоевскій въ сентябрѣ мѣсяцѣ спасъ родственницу мою, вытаща ее изъ воды, гдѣ она тонула, послѣ чего изъ благодарности не могъ я отказаться подать ему руку помощи, тѣмъ болѣе, что родственница [2]) была тутъ. За всѣмъ тѣмъ чувствую свою вину, въ коей признаюсь. Рылѣева я знаю около года, но общества тайнаго не вѣдалъ, въ чемъ готовъ дать присягу. Что здѣсь показана вся истина, въ томъ подписуюсь. Надворный совѣтникъ Жандръ“. [3])

Ту же смѣлость и благородство проявили Жандръ и Миклашевичъ и въ отношеніяхъ къ арестованному Грибоѣдову. Въ тѣ дни, когда въ Петербургѣ каждый трепеталъ при мысли быть заподозрѣннымъ въ связяхъ съ декабристами, Андрей Андреевичъ и Варвара Семеновна имѣли мужество постоянно

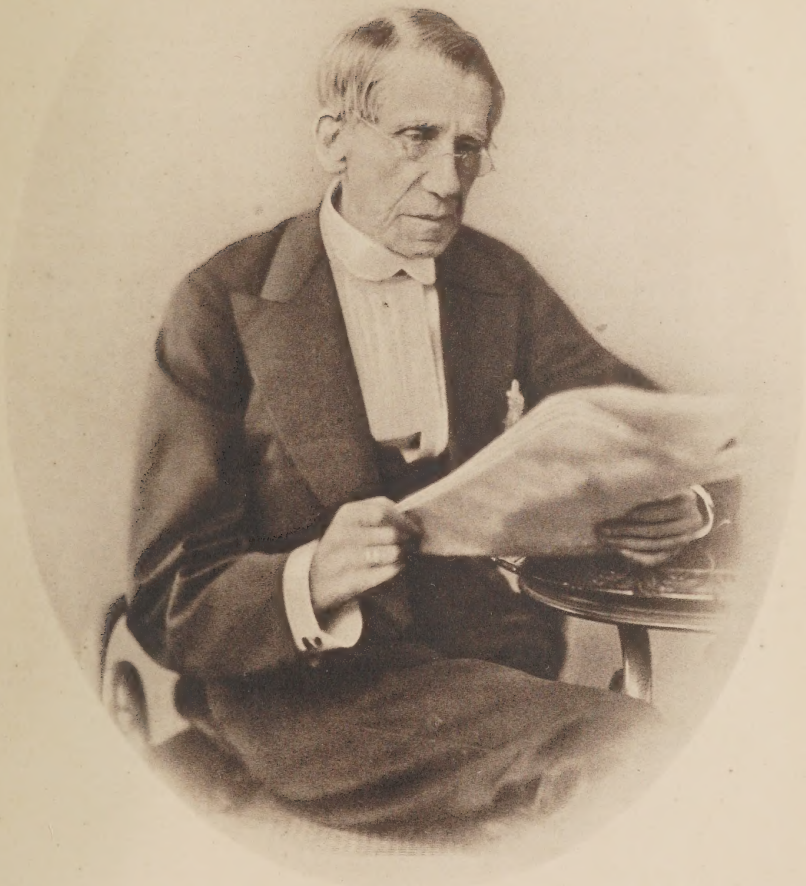
[1]) Государственный Архивъ. I, В. Алфавитъ, стр. 235.
[2]) Т.-е., конечно, В. С. Миклашевичъ. *Н. П.*
[3]) Государств. Архивъ, I. В. № 217.

принимать въ своемъ домѣ Грибоѣдова, тайкомъ приходившаго по вечерамъ къ нимъ изъ-подъ ареста. [1]) Біографическая традиція передаетъ даже, что при посредствѣ Жандра Грибоѣдову удалось въ Петербургѣ спрятать отъ начальства пакетъ своихъ бумагъ, привезенный фельдъегеремъ съ Кавказа. Обо всемъ этомъ Д. А. Смирновъ разсказываетъ устами Жандра: „Слухъ объ арестѣ Грибоѣдова распространился... Черезъ нѣсколько дней послѣ этого ко мнѣ является одинъ, вовсе мнѣ до того времени незнакомый человѣкъ, нѣкто Михаилъ Семеновичъ Алексѣевъ, черниговскій дворянинъ, приноситъ мнѣ поклонъ отъ Грибоѣдова, съ которымъ сидѣлъ вмѣстѣ въ Главномъ штабѣ, и пакетъ бумагъ, пріѣхавшихъ изъ Грозной. Какъ же все это случилось? Грибоѣдовъ, когда его привезли, успѣлъ какими-то судьбами сейчасъ же познакомиться съ Алексѣевымъ, который сказалъ ему, что его въ самомъ скоромъ времени выпустятъ, потому что онъ взятъ по ошибкѣ, вмѣсто родного брата своего екатеринославскаго губернскаго предводителя [2]). Грибоѣдовъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ отлично: въ пять минутъ очаровалъ Алексѣева совершенно, передалъ ему пакетъ, ска-

[1]) Нѣкоторыя подробности о жизни Грибоѣдова на гауптвахтѣ Главнаго штаба см. въ біографіи его при I т. академическаго изданія его сочиненій; отдѣльно: *Н. Пиксановъ*. А. С. Грибоѣдовъ. Біографическій очеркъ. Спб. 1911, глава: „Подъ слѣдствіемъ“.

[2]) Объ Алексѣевыхъ въ „Алфавитѣ членамъ бывшихъ злоумышленныхъ обществъ“ читаемъ: 1) Алексѣевъ, отставной коллежскій совѣтникъ, „взятъ былъ по показанію Матвѣя Муравьева-Апостола, что Алексѣевъ принадлежалъ къ масонской ложѣ, въ Полтавѣ Новиковымъ учрежденной и служившей разсадникомъ для тайнаго общества. Но по изысканію Комиссіи оказалось, что онъ къ тайному обществу не принадлежалъ и о существованіи онаго не зналъ“. Содержался у дежурнаго генерала съ 8-го февраля 1826 г.; 21 февраля освобожденъ съ аттестатомъ. 2) Алексѣевъ (Дмитрій Ларіоновъ), статскій совѣтникъ, Екатеринославскій губернскій предводитель, былъ присланъ въ Петербургъ 19 февраля, по связи съ Полтавской ложей, но тогда же былъ освобожденъ. Государств. Арх. I. В. Алфавитъ, стр. 7—9.

залъ мой адресъ и просилъ доставить этотъ пакетъ ко мнѣ. Алексѣевъ все исполнилъ свято... Этотъ добрый и славный человѣкъ Алексѣевъ бывалъ у меня и послѣ нѣсколько разъ, передавая же мнѣ пакетъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ мнѣ приказаніе Грибоѣдова—сжечь бумаги. Однако я на это не рѣшился, а только постарался запрятать этотъ пакетъ такъ, чтобы до него добраться было невозможно,—я зашилъ его въ перину. Когда Грибоѣдова выпустили, мы пакетъ достали и разсматривали бумаги; въ немъ не оказалось ничего важнаго, кромѣ нѣсколькихъ писемъ Кюхельбекера. Но исторія Грибоѣдовскаго сидѣнья этимъ далеко не кончается. Я вамъ говорилъ уже, что слухъ объ его арестѣ распространился быстро. Вдругъ доходятъ до меня такія слова: „Помилуйте, говоритъ одинъ:—что это за вздоръ въ городѣ болтаютъ, будто бы Грибоѣдовъ взятъ: я его сейчасъ видѣлъ на Невскомъ проспектѣ!“—„И я тоже“, говоритъ другой. „А я видѣлъ въ Лѣтнемъ саду“, говоритъ третій. Что же вышло? Содержавшихся въ Главномъ штабѣ возили допрашивать изъ штаба въ Петропавловскую крѣпость. Однимъ изъ помощниковъ главнаго правителя дѣлъ военно-судной комисіи былъ нѣкто Ивановскій... Тамъ, по окончаніи допроса, Ивановскій всегда говорилъ курьеру: „Я самъ отвезу Александра Сергѣевича“, и они возвращались въ Штабъ черезъ Неву, Лѣтній садъ и Невскій проспектъ—это, вотъ видите, для прогулки. Да это ли одно было. Разъ дежурный генералъ Потаповъ обходилъ ночью комнаты заключенныхъ; къ Грибоѣдову стучались, стучались,—нѣтъ отвѣта. „Не прикажете ли выломать дверь?“ спрашиваетъ адъютантъ.—„Нѣтъ,—отвѣчаетъ Потаповъ,—не надо; вѣрно, крѣпко заснулъ!“ Онъ очень хорошо зналъ, что Грибоѣдова не было.—А то разъ является ко мнѣ со штыкомъ въ рукѣ. „Откуда ты это взялъ?“ спрашиваю я съ изумленіемъ. „Да у своего часового.“—„Какъ у часового?“—„Такъ, у часового“. „По крайней мѣрѣ зачѣмъ?“—„Да вотъ пойду отъ тебя ужо ночью, такъ оно, знаешь, лучше,



Андрей Андреевичъ Жандръ

(въ преклонномъ возрастѣ).

Тип. Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

безопаснѣй!“[1]) Жандръ не разсказалъ Смирнову (или этотъ не передалъ намъ) подробностей ночныхъ бесѣдъ съ Грибоѣдовымъ, но безъ труда можно догадаться, что чаще всего они возвращались все къ одному и тому же: къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ. И за себя лично Грибоѣдовъ не зналъ, чѣмъ кончится дѣло; минутами онъ опасался, что ему „воли еще долго не видать“ и что онъ „вѣроятно будетъ отправленъ съ фельдъегеремъ“. Участь же другихъ, болѣе скомпрометтированныхъ, и вовсе была неизвѣстна. Среди нихъ было не мало дорогихъ и близкихъ и Грибоѣдову, и Жандру, и Миклашевичъ. И мысли, и бесѣды троихъ друзей неизбѣжно вращались въ одномъ кругѣ страшныхъ вопросовъ[2]).

Отсидѣвъ четыре съ лишнимъ мѣсяца подъ арестомъ, Грибоѣдовъ былъ выпущенъ на свободу и прожилъ еще нѣкоторое время въ Петербургѣ, на дачѣ у Булгарина. На Кавказъ онъ уѣхалъ, успѣвъ пережить всѣ перипетіи Верховнаго уголовнаго суда, ужасъ казни пятерыхъ и ссылки по тюрьмамъ и рудникамъ остальныхъ декабристовъ. Его скорбь о погибшихъ друзьяхъ, несомнѣнно, раздѣляли Андрей Андреевичъ и Варвара Семеновна; ниже мы еще узнаемъ, какъ они заботились о ссыльныхъ друзьяхъ. Но въ перепискѣ Грибоѣдова за послѣдующее время долго не встрѣчаемъ писемъ

[1]) „Историческій Вѣстникъ“ 1909, мартъ, стр. 1052—1055. Разсказы Д. А. Смирнова со словъ А. А. Жандра, С. Н. Бѣгичева, Б. И. Іона не всегда точны и снабжены произвольными беллетристическими вставками, въ чемъ мы убѣдились, изучая черновые автографы Д. А. Смирнова, хранящіеся въ музеѣ А. А. Бахрушина въ Москвѣ; въ печати разсказы его воспроизведены Н. В. Шаломытовымъ, очевидно, по бѣловымъ копіямъ, уже ретушированнымъ, такъ что довѣряться Смирнову вполнѣ нельзя. Но въ данномъ случаѣ Смирновъ едва ли далеко уклонился отъ истины, такъ какъ его подтверждаютъ другіе источники.

[2]) Несомнѣнно, память А. А. Жандра хранила много цѣнныхъ подробностей о декабристахъ. Со словъ его вдовы И. А. Шляпкинъ записалъ, что Жандръ „уже 70 лѣтъ собирался писать мемуары о 14 декабря, написалъ, но, прочтя все написанное, сжегъ въ каминѣ“. Сочиненія *Грибоѣдова*, изд. 1889 г., т. I, стр. 408.

къ Жандру и его благородной подругѣ. Въ письмѣ къ Бѣгичеву въ деревню отъ 9 декабря 1826 г. (изъ Тифлиса) Александръ Сергѣевичъ вскользь упоминаетъ: „Въ перепискѣ-ли ты съ Андреемъ? Онъ отъ меня ни строчки не имѣетъ. Невозможно". Эти слова загадочны; трудно объяснить, почему невозможно было тогда переписываться съ Жандромъ. Быть можетъ, Грибоѣдовъ боялся перлюстраціи писемъ? Булгарину, однако, онъ находилъ возможнымъ тогда писать[1]). Какъ бы то ни было, почти два года не отмѣчены ни однимъ письмомъ Грибоѣдова къ Жандру и Миклашевичъ. За это время Александръ Сергѣевичъ испыталъ много тяжелаго. Переживъ въ 1826 г. въ Петербургѣ катастрофу декабристовъ, онъ и на Кавказѣ не могъ отдохнуть душой. Здѣсь онъ вовлеченъ былъ въ борьбу между Паскевичемъ и Ермоловымъ, испыталъ острое охлажденіе съ Алексѣемъ Петровичемъ и потомъ втянулся во всѣ трудности войны съ персіянами, „несчастной, медленной и безотвязной".

Наконецъ, былъ заключенъ Туркманчайскій трактатъ, созданный, можно сказать, всецѣло Грибоѣдовымъ, и Александръ Сергѣевичъ повезъ его въ Петербургъ. Здѣсь его ждала новая встрѣча съ друзьями—и новое принудительное назначеніе. Неожиданно для себя, по Высочайшей волѣ Грибоѣдовъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ-резидентомъ въ Персію и долженъ былъ покориться судьбѣ и собираться снова въ далекій путь. Поэтъ не заблуждался въ исходѣ своей скитальческой жизни, и поразительны тѣ яркія предчувствія, какія онъ испытывалъ съ момента своего назначенія. Въ тотъ же день, когда оно состоялось, поздно вечеромъ, онъ пришелъ къ Жандру, разбудилъ его и сказалъ: „Прощай, другъ Андрей! Я назначенъ полномочнымъ министромъ въ Персію, и мы болѣе не увидимся".

---

[1]) Упоминанія о Жандрѣ встрѣчаются въ письмѣ къ Булгарину отъ 16 апрѣля 1827 г.

Собираясь въ отъѣздъ, Грибоѣдовъ оставилъ Варварѣ Семеновнѣ въ своемъ родѣ литературное завѣщаніе—относительно ея романа „Село Михайловское“. Объ этомъ хорошо освѣдомленный Н. И. Гречъ разсказываетъ: „Одаренная твердою памятью, пылкимъ воображеніемъ и необыкновеннымъ даромъ слова, она разсказывала въ тѣсномъ дружескомъ кругу видѣнное и испытанное ею, увлекая всѣхъ слушавшихъ ее и содержаніемъ описываемаго ею и вѣрностью и живостью разсказа. Въ числѣ ихъ былъ незабвенный Александъ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, любившій и уважавшій Варвару Семеновну какъ родную мать, да и она любила его какъ сына. Онъ внимательно слушалъ разсказы о ея молодости, о тогдашнемъ бытѣ и нравственно-грустномъ состояніи ея родины въ то время. Услышавъ же исторію ужаснаго преступленія одного помѣщика, онъ сталъ убѣдительно просить ее написать свой разсказъ объ этомъ необыкновенномъ происшествіи. Варвара Семеновна рѣшилась исполнить его желаніе, и въ преклонныхъ лѣтахъ занялась трудомъ, который требовалъ бы силъ юныхъ и свѣжихъ. Грибоѣдовъ успѣлъ, предъ послѣднимъ выѣздомъ своимъ изъ Петербурга (въ 1828 году), прочитать первыя главы „Села Михайловскаго“, и именемъ дружбы убѣждалъ Варвару Семеновну окончить начатое. Она исполнила свое обѣщаніе въ 1836 году“ [1]). Надо добавить, что въ лицѣ молодого Рузина Варвара Семеновна изобразила нѣкоторыя черты Грибоѣдова. Романъ понравился и Пушкину, и Жуковскому.

---

[1]) „Село Михайловское, или помѣщикъ XVIII столѣтія“. Сочиненіе *В. С. М...ой*. Спб. 1865, предисловіе, стр. I—II. Новое изданіе романа: *В. С. Миклашевичъ*. Село Михайловское. (Романъ въ 4-хъ частяхъ). Спб. 1908; здѣсь, стр. 1—24, приложенъ біографическій очеркъ, составленный *И. Даниловымъ* (первоначально въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1900, іюль). Ср. *Е. А. Бобровъ*. А. С. Пушкинъ и В. С. Миклашевичъ. „Сборникъ Учено-литературнаго Общества при Юрьевскомъ Университетѣ“, т. XIII (1908), стр. 98—108.

6 іюня 1828 г. Грибоѣдовъ навсегда покинулъ Петербургъ. Жандръ разсказалъ намъ объ этомъ печальномъ днѣ: „Грустно провожали мы Грибоѣдова. До Царскаго Села провожали только двое: А. В. Всеволожскій и я. Вотъ въ какомъ мы были тогда настроеніи духа: у меня былъ прощальный завтракъ; накурили, надымили страшно, наконецъ толпа схлынула, мы остались одни. День былъ пасмурный и дождливый. Мы проѣхали до Царскаго Села и ни одинъ изъ насъ не сказалъ ни слова. Въ Царскомъ Селѣ Грибоѣдовъ велѣлъ, такъ какъ дѣло было уже къ вечеру, подать бутылку бургонскаго, которое онъ очень любилъ, бутылку шампанскаго и закусить. Никто ни до чего не дотронулся. Наконецъ простились. Грибоѣдовъ сѣлъ въ коляску; мы видѣли, какъ она повернула за уголъ улицы, возвратились съ Всеволожскимъ въ Петербургъ и во всю дорогу не сказали другъ съ другомъ ни одного слова — рѣшительно ни одного!“ [1]) Изъ Москвы, посылая (12 іюня) Булгарину послѣднія дѣловыя порученія, Грибоѣдовъ не забылъ приписать: „Андрея, нашего благороднаго, славнаго и почтеннаго малаго, Андрея обними за меня“. А изъ Новочеркасска отъ 24 іюня онъ набросалъ торопливое, но, какъ всегда, теплое письмо самому Жандру, гдѣ жалуется на трудности дороги въ знойное лѣто, разсказываетъ о посѣщеніи мимоѣздомъ матери въ Москвѣ, сестры и Бѣгичева („съ которымъ много о тебѣ толковали“) въ деревнѣ. „Разстались друзьями, разстаюсь и съ тобою, мой другъ, знай, что я живъ. Варварѣ Семеновнѣ поклонъ, поцѣлуй и почтеніе“.

Въ Тифлисѣ произошло важнѣйшее въ интимной жизни поэта событіе: онъ сдѣлалъ предложеніе Нинѣ Александровнѣ Чавчавадзе и получилъ согласіе ея и родителей. Разсказывая объ этомъ Булгарину въ письмѣ отъ 24 іюля, Грибоѣдовъ заключаетъ: „Хорошо ли я сдѣлалъ? Спроси милую мою Варвару Семеновну и Андрея“. Отвѣта друзей онъ, разу-

[1]) Изъ неизданныхъ матеріаловъ Д. А. Смирнова. „Историческій Вѣстникъ“ 1909, мартъ, стр. 1057—1058.

мѣется, не дожидался, женился и вскорѣ изъ Тифлиса выѣхалъ съ молодою женою въ Персію. По дорогѣ остановившись въ Эчміадзинѣ, поэтъ написалъ (17 сентября) Варварѣ Семеновнѣ очаровательное письмо, проникнутое любовью къ женѣ, которая „по обыкновенію смотритъ мнѣ въ глаза, мѣшаетъ писать, знаетъ, что пишу къ женщинѣ, и ревнуетъ". „Бросьте вашего Трапёра и Куперову Prairie, мой романъ живой у васъ передъ глазами, и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лицо—другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, но въ быту, въ родѣ жизни, въ различныхъ похожденіяхъ не похожій на себя прежняго, на прошлогодняго, на вчерашняго даже" [1]). Письмо, впрочемъ, случайно не было отправлено своевременно по назначенію и оставалось въ портфелѣ Грибоѣдова, пока изъ Петербурга отъ Варвары Семеновны и Жандра не получилось письмо съ упреками, что Александръ Сергѣевичъ забываетъ своихъ друзей [2]). Друзья обвиняли поэта въ холодности, невниманіи, эгоизмѣ и готовы были думать, что, поглощенный личнымъ счастьемъ, онъ забылъ о несчастномъ кн. Александрѣ Ивановичѣ Одоевскомъ, тогда какъ могъ бы хлопотать за него передъ Паскевичемъ. Упреки огорчили Грибоѣдова до слезъ, такъ какъ были несправедливы; за Одоевскаго Грибоѣдовъ уже ходатайствовалъ однажды передъ Паскевичемъ и теперь вновь писалъ ему [3]). Но старая дружба превозмогла обиду, и Александръ Сергѣевичъ отвѣтилъ друзьямъ (3 декабря 1828 г., изъ Тавриза) однимъ изъ прекраснѣйшихъ своихъ писемъ. „Какъ я виню себя, что не послалъ вамъ написанныхъ этихъ строчекъ [т.-е. предыдущаго письма, прилагаемаго теперь]

[1]) Отрывки этого письма, какъ и нижеслѣдующіе, приводимъ по автографу, хранящемуся въ Музеѣ А. А. Бахрушина въ Москвѣ, съ исправленіями и дополненіями противъ обычнаго печатнаго текста.

[2]) Это письмо не дошло до насъ.

[3]) Объ этомъ эпизодѣ см. подробнѣе въ нашей статьѣ: „Къ характеристикѣ Грибоѣдова. Поэтъ и ссыльные декабристы". „Русскія Вѣдомости" 1911, № 263.

три мѣсяца назадъ. Вы бы не сердились на меня, а теперь вѣрно разлюбили, и правы. Не хочу оправдываться, Андрей, ты помоги мнѣ умилостивить нашего общаго друга. Хорошо, что вы меня насквозь знаете, и немного надобно словъ, чтобы согрѣть въ васъ опять тѣ же чувства, ту же любовь, которую отъ васъ, моихъ милыхъ, нѣжныхъ друзей, я испыталъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, и какъ нѣжно, и какъ безкорыстно! Вѣрно сами догадаетесь, неоцѣненная Варвара Семеновна, что я пишу къ Вамъ не въ обыкновенномъ положеніи души. Слезы градомъ льются". Разсказавъ дальше о хлопотахъ за Одоевскаго и о своемъ тяжеломъ положеніи въ Персіи, среди озлобленнаго населенія, Грибоѣдовъ заканчиваетъ: „Наконецъ, послѣ тревожнаго дня, вечеромъ уединяюсь въ свой гаремъ, тамъ у меня и сестра, и жена, и дочь, все въ одномъ миломъ личикѣ; разсказываю, натверживаю ей о тѣхъ, кого она еще не знаетъ, и должна со временемъ страстно полюбить, вы понимаете, что въ нашихъ разговорахъ имя ваше произносится часто. Полюбите мою Ниночьку, хотите ее знать? Въ Malmaison въ Эрмитажѣ тотчасъ при входѣ направо есть богородица въ видѣ пастушки Murillo, вотъ она. Прощайте, неоцѣненный другъ мой, Варвара Семеновна. Не сердитесь, не разлюбите вѣрнаго вамъ А. Г. Отзовитесь словечкомъ. Андрей, обними Чебышева за меня, коли онъ не въ Америкѣ. Другъ и братъ, напиши ко мнѣ поскорѣе". Это глубоко трогательное письмо было послѣднимъ, писаннымъ къ Жандру. Черезъ шесть дней послѣ него, 9 декабря, Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Тавриза къ шаху въ Тегеранъ, а 30 января 1829 г. погибъ тамъ на своемъ посту...

Вѣсть о смерти поэта не могла поразить совершенной неожиданностью Жандра и Варвару Семеновну,—какъ мы знаемъ, Грибоѣдовъ самъ хорошо ихъ къ тому подготовилъ. Между тѣмъ, въ Петербургѣ, въ перебоѣ разнообразныхъ слуховъ и сужденій о причинахъ тегеранской катастрофы, мелькала и такая

версія, что Грибоѣдовъ былъ самъ виноватъ, допустивъ рядъ безтактностей, напримѣръ, принявъ въ миссію двухъ армянокъ изъ гарема Алаяръ-Хана. Большинство не знало, какъ сложны были причины событія, и что печальный исходъ давно предвидѣлся Грибоѣдовымъ и предопредѣлялся со стихійной неизбѣжностью. И можно себѣ представить, съ какою болью въ сердцѣ друзья Грибоѣдова, подавленные его смертью, прислушивались къ легкомысленнымъ и едва ли всегда скромнымъ догадкамъ о его поведеніи въ Тегеранѣ. [1]) Хотѣлось защитить память почившаго друга отъ скороспѣлыхъ нареканій и разсказать всю правду. Но сдѣлать это гласно, въ печати, было невозможно. Истребленіе русской миссіи въ Тегеранѣ было, конечно, оскорбительно для достоинства русской власти, и при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, русское правительство сумѣло бы сурово наказать Персію за униженіе своего престижа. Но теперь это было немыслимо: Россія вела уже войну съ Турціей и не могла создавать въ тылу своей восточной арміи новаго врага. Поэтому русская дипломатія всячески выгораживала шаха и его администрацію изъ отвѣтственности за преступленіе, дѣло объясняла мгновенной вспышкой фанатической черни и даже не прочь была долю вины переложить на самого покойнаго полномочнаго министра.

Потому-то въ русскихъ журналахъ 1829 года мы не находимъ ни одной статьи, посвященной выясненію причинъ тегеранской рѣзни. Друзьямъ поэта оставалось прибѣгнуть къ одному средству, давно испытанному въ условіяхъ старой русской общественности: рукописному памфлету. Такъ возникъ документъ, найденный нами недавно въ дѣлахъ Архива Департамента Полиціи. Вотъ его содержаніе.

---

[1]) Одну изъ такихъ догадокъ излагаетъ по петербургскимъ слухамъ *В. А. Каратыгинъ* въ письмѣ къ П. А. Катенину отъ 24 марта 1829 г. „Русскій Архивъ“ 1871, № 6, стр. 0242—0243; ср. тамъ же, № 1, стр. 188 (Изъ разсказовъ С. А. Соболевскаго).

„Разныя разсужденія и толки между короткими друзьями Грибоѣдова".

„Въ послѣднемъ письмѣ несчастнаго Грибоѣдова изъ Тавриза въ Петербургъ къ друзьямъ находятся слѣдующія строки: «Наблюдаю, чтобы отсюда не произошла какая-нибудь предательская мерзость во время нашей схватки съ турками. Взимаю контрибуцію, довольно успѣшно. Друзей не имѣю никого, и не хочу, должны прежде всего бояться Россіи и исполнять то, что велитъ Государь Николай Павловичъ, и я увѣряю васъ, что въ этомъ поступаю лучше чѣмъ тѣ, которые затѣяли бы дѣйствовать мягко и втираться въ персидскую будущую дружбу. Всѣмъ я грозенъ кажусь, и меня прозвали *сахтиръ*, coeur dur. Къ намъ перешло до 8 т. армянскихъ семействъ, и я теперь за оставшееся ихъ имущество не имѣю ни днемъ, ни ночью покоя, однако охраняю ихъ достояніе, и даже доходы, все кое-какъ дѣлается по моему слову».

„Вотъ нѣкоторое объясненіе той ненависти, которую возымѣли къ Грибоѣдову персидскіе чиновники и дворъ, желавшіе отсрочить уплату контрибуціи, удержать выдачу имущества выходцевъ и даже воспрепятствовать выходцамъ свободный пропускъ въ Россію.

„Одинъ другъ Грибоѣдова, передъ которымъ сей послѣдній не имѣлъ ничего тайнаго и повѣрялъ всѣ свои мысли и чувства, часто съ нимъ разговаривалъ о дѣлахъ персидскихъ, и вотъ что онъ слышалъ отъ Грибоѣдова передъ его отъѣздомъ.

„Противъ Аббаса-Мирзы есть сильная партія при дворѣ, которая хотѣла бы удалить его отъ наслѣдства престола. Эта партія боится, чтобъ Россія не покровительствовала Аббаса-Мирзы и потому старалась и будетъ стараться всегда очернять его передъ Россійскимъ дворомъ. Назначеніе въ Персію посланникомъ пріятеля Аббаса-Мирзы, или по крайней мѣрѣ человѣка, который знаетъ всѣ интриги двора, не могло быть пріятнымъ этой партіи, и она будетъ стараться

по возможности вредить послу. Но какъ Персіяне подлы и трусы, то одною твердостью можно держать ихъ въ уздѣ. Вотъ какъ говорилъ покойный Грибоѣдовъ.

„Одинъ членъ англійскаго посольства въ Персіи, выѣхавшій почти въ одно время съ Грибоѣдовымъ изъ Петербурга, говорилъ ему въ присутствіи друга: „Берегитесь! вамъ не простятъ Туркманчайскаго мира!“—И такъ многіе заключаютъ, что Грибоѣдовъ есть жертва политической интриги“.

Эта анонимная рукопись попала, въ одной изъ копій, въ руки полиціи и генералъ-адъютантъ А. Х. Бенкендорфъ поспѣшилъ препроводить ее къ министру иностранныхъ дѣлъ гр. К. В. Нессельроде (отношеніе № 1291, 22 марта 1829 г.). Въ отвѣтъ онъ получилъ небрежно написанную записку отъ Нессельроде, гдѣ говорится, что министръ недовѣрчиво относится къ версіи друзей Грибоѣдова, старающихся обѣлить его. На этомъ и кончилось дѣло III Отдѣленія по свѣдѣніямъ „о статскомъ совѣтникѣ Грибоѣдовѣ“; авторовъ памфлета разыскивать не стали, такъ какъ текстъ его былъ весьма лойяленъ [1]). Мы же теперь легко можемъ разгадать происхожденіе „записки“—по одной цитатѣ изъ письма Грибоѣдова, въ ней помѣщенной. Цитата взята изъ того письма къ В. С. Миклашевичъ отъ 3 декабря 1828 года, о которомъ рѣчь шла выше,—и только Жандръ да Варвара Семеновна могли быть авторами памфлета. Это они хотѣли защищать память поэта отъ неправды такъ же мужественно и любовно, какъ нѣкогда его самого принимали по ночамъ изъ-подъ ареста.

Съ годами острая боль потери смягчилась, но свѣтлая память о поэтѣ не меркла. Въ 1838 году, когда подготовлялся къ печати пятнадцатый томъ „Энциклопедическаго Лексикона“

---

[1]) Архивъ Департамента Полиціи, 1-ой экспедиціи, № 147: „Свѣдѣнія о статскомъ совѣтникѣ Грибоѣдовѣ“. 1829. Въ концѣ „дѣла“ приложенъ еще одинъ документъ: „донесеніе изъ Орла начальника 5-го Отдѣленія, полковника Жемчужникова, о мнѣніи орловской публики насчетъ убійства г-на Грибоѣдова“ (10 апрѣля 1829 г.).

А. Плюшара, и надо было для него составить статью о Грибоѣдовѣ, кн. В. Ѳ. Одоевскій обратился за свѣдѣніями къ Жандру и Бѣгичеву и получилъ отъ нихъ цѣнныя указанія [1]). Еще позднѣе, въ 1858 г., къ Андрею Андреевичу явился Д. А. Смирновъ, племянникъ и первый изслѣдователь Грибоѣдова, и своими пытливыми вопросами заставилъ разговориться семидесятилѣтняго старика и поразсказать много цѣннаго о поэтѣ [2]). Варвары Семеновны Смирновъ уже не засталъ въ живыхъ, и она не могла подѣлиться съ нимъ своими воспоминаніями. Андрей же Андреевичъ умеръ въ 1873 году, въ глубокой старости, и въ его лицѣ сошелъ въ могилу послѣдній изъ ближайшихъ друзей Грибоѣдова.

Дружелюбіе, связывавшее Александра Сергѣевича Грибоѣдова съ Андреемъ Андреевичемъ Жандромъ и Варварой Семеновной Миклашевичъ, было испытано временемъ: оно длилось полтора десятка лѣтъ и не ветшало, а все крѣпло, хотя за это время сами друзья успѣли возмужать и состариться. Они не были боевыми товарищами, сплоченными единствомъ одной общественной цѣли; ихъ не связывали также матеріальные интересы и выгоды или тѣсная бытовая среда; даже жить въ одномъ городѣ имъ удавалось только урывками. Литературные вкусы и предпріятія тоже не были фундаментомъ этой дружбы, хотя и очень скрашивали ее. Больше всего и прежде всего ихъ единило взаимное уваженіе и живая симпатія, и въ прекрасныхъ качествахъ ихъ душъ эти чувства находили обильное удовлетвореніе.

---

[1]) Неизданная переписка по этому поводу хранится въ бумагахъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, въ Рукописномъ Отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки. Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что статья въ Лексиконѣ не использовала всѣхъ указаній друзей Грибоѣдова.

[2]) Изъ неизданныхъ матеріаловъ *Д. А. Смирнова* къ біографіи А. С. Грибоѣдова. „Историческій Вѣстникъ“ 1909, мартъ и апрѣль.

II. Внѣшняя судьба рукописи.

Любовь и уваженіе къ поэту четы неизмѣнныхъ его друзей сберегли намъ драгоцѣнную Жандровскую рукопись „Горя отъ ума“. Она имѣла свою особую судьбу.

Первые замыслы „Горя отъ ума“ относятся еще къ юношеской порѣ Грибоѣдова. По словамъ Бѣгичева, планъ комедіи и нѣсколько сценъ были набросаны еще въ 1816 г., въ Петербургѣ. Затѣмъ, въ первое пребываніе въ Персіи, поэтъ возобновилъ свои работы и продолжалъ ихъ на Кавказѣ, когда изъ Тавриза переселился туда на службу къ Ермолову. Въ Тифлисѣ, на глазахъ у Кюхельбекера, создавались первые два акта комедіи. Ихъ привезъ Александръ Сергѣевичъ въ Москву, въ мартѣ 1823 года, и здѣсь, по совѣту Бѣгичева, передѣлалъ первый актъ. Лѣтомъ того же года, въ имѣніи Бѣгичева, въ Тульской губерніи, были написаны два послѣднихъ акта, и вчернѣ пьеса была закончена. Вернувшись въ Москву осенью, Грибоѣдовъ продолжалъ обрабатывать текстъ „Горя отъ ума“, но уже читалъ пьесу въ цѣломъ составѣ въ литературныхъ кружкахъ. Покидая Москву для Петербурга (въ концѣ мая 1824 г.), Александръ Сергѣевичъ оставилъ Бѣгичеву автографъ „Горя отъ ума“. Эта драгоцѣнная рукопись, сохранявшаяся въ семьѣ Бѣгичевыхъ, въ 1902 г. поступила въ Московскій Историческій Музей и вскорѣ была тщательно изслѣдована и напечатана извѣстнымъ пушкинистомъ В. Е.

Якушкинымъ [1]). Это самая ранняя изъ дошедшихъ до насъ редакцій „Горя отъ ума“ (по мѣсту храненія мы называемъ ее „Музейнымъ автографомъ“). Въ ней закрѣпились результаты долгихъ и настойчивыхъ трудовъ поэта, но творческія усилія его на этомъ не остановились. Уѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ, чтобы добиться у цензуры разрѣшенія напечатать „Горе отъ ума“, Грибоѣдовъ былъ полонъ мыслей о своемъ любимомъ дѣтищѣ, и отсюда начинается исторія „Жандровской рукописи“.

Переѣздъ былъ тяжелый; „два раза снѣгъ шелъ по дорогѣ, 29 и 30 мая! Я продрогъ, принужденъ былъ ночевать“,— пишетъ Александръ Сергѣевичъ Бѣгичеву (отъ 10 іюня, изъ Петербурга). Но поэтъ любилъ передвиженія и находилъ въ нихъ особую поэзію. Тому же Бѣгичеву онъ писалъ позднѣе: „Вѣрь мнѣ, чудесно всю жизнь свою прокататься на 4-хъ колесахъ, кровь волнуется, высокія мысли бродятъ и мчатъ далеко за обыкновенные предѣлы пошлыхъ опытовъ; воображенье свѣжо, какой-то бурный огонь въ душѣ пылаетъ и не гаснетъ“... Такой именно душевный подъемъ Грибоѣдовъ пережилъ на переѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ, и одно изъ счастливѣйшихъ вдохновеній посѣтило тогда поэта. Онъ самъ объ этомъ разсказываетъ въ письмѣ къ Степану Никитичу: „На дорогѣ пришло мнѣ въ голову придѣлать новую развязку; я ее вставилъ между сценою Чацкаго, когда онъ увидѣлъ свою негодяйку со свѣчою надъ лѣстницею и передъ тѣмъ, какъ ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались, въ самый день моего пріѣзда“ (Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Петербургъ 1-го іюня 1824). Закрѣпивъ

[1]) Императорскій Россійскій Историческій Музей имени императора Александра III. Описаніе памятниковъ. Выпускъ III. Рукопись комедіи *А. С. Грибоѣдова* „Горе отъ ума“. Съ приложеніемъ 5 фототипическихъ снимковъ съ рукописи. Москва. 1903.—Вторично текстъ Музейнаго автографа воспроизведенъ, съ нѣкоторыми (немногими) исправленіями противъ перваго изданія, во второмъ томѣ редактированнаго нами академическаго изданія сочиненій А. С. Грибоѣдова.

новую вставку на бумагѣ, Грибоѣдовъ пересмотрѣлъ и прежній текстъ и съ удовлетвореніемъ взыскательнаго художника писалъ другу: „Кстати, прошу тебя моего манускрипта [т.-е. Музейнаго автографа] никому не читать и предать его огню, коли рѣшишься [Бѣгичевъ, къ счастью, не рѣшился], онъ такъ несовершененъ, такъ нечистъ, представь себѣ, что я слишкомъ восемьдесятъ стиховъ, или лучше сказать риѳмъ перемѣнилъ, теперь гладко, какъ стекло". Грибоѣдовъ обыкновенно писалъ на полулистахъ и плохо берегъ свои рукописи [1]). Становилось вчужѣ страшно за текстъ комедіи. Тогда вступился за нее Жандръ. „Когда Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Петербургъ, разсказывалъ онъ потомъ Д. А. Смирнову,—и въ умѣ своемъ передѣлалъ свою комедію, онъ написалъ такіе ужасные брульоны, что разобраться было невозможно. Видя, что геніальнѣйшее созданіе чуть не гибнетъ, я у него выпросилъ его полулисты. Онъ ихъ отдалъ съ совершенною безпечностью. У меня была подъ руками цѣлая канцелярія; она списала „Горе отъ ума" и обогатилась, потому что требовали множество списковъ. Главный списокъ, поправленный рукою самого Грибоѣдова, находится у меня" [2]). Этотъ „главный списокъ" и есть Жандровская рукопись, подлежащая нашему изученію; она дошла до насъ въ полной сохранности. Зато „ужасные брульоны" исчезли съ поля зрѣнія историковъ Грибоѣдова, и быть можетъ, погибли навсегда [3]). Они были

---

[1]) См. „Русскую Старину" 1909, II, 334. (въ статьѣ *Д. А. Смирнова).*

[2]) Изъ неизданныхъ матеріаловъ Д. А. Смирнова къ біографіи А. С. Грибоѣдова. „Историческій Вѣстникъ" 1909, IV, 153.

[3]) Существуетъ предположеніе, едва ли основательное, что они были подарены Грибоѣдовымъ его двоюродному брату, офицеру Литовскаго полка, С. Н. Тинькову, экономка коего употребила ихъ на оклейку оконъ въ помѣщичьемъ домѣ. *Н. Шаломытовъ.* Неизданное предисловіе Д. А. Смирнова къ „Горе отъ ума". „Русская Старина" 1909, II, 324. Ср. *Н. Макаровъ.* Мои семидесятилѣтнія воспоминанія. Т. I, часть 2-я, стр. 68, примѣчаніе.

бы драгоцѣнны для творческой исторіи „Горя отъ ума“, образуя собою посредствующее звено между Музейнымъ автографомъ и Жандровскою рукописью; впрочемъ, какъ увидимъ ниже, иногда можно догадываться объ ихъ текстуальныхъ особенностяхъ, анализируя эту послѣднюю.

Петербургская публика жадно расхватывала копіи съ Жандровской рукописи. Правда, вскорѣ отрывки комедіи (сцены 7—10 перваго дѣйствія и весь третій актъ) появились въ альманахѣ Ѳ. В. Булгарина „Русская Талія“ на 1825 г. (цензурное разрѣшеніе—15 ноября 1824 г.), но печатный текстъ былъ сильно искаженъ цензурою, а полностью комедія такъ и не могла появиться въ печати, такъ что полные списки цѣнились тѣмъ дороже. До нашего времени сберегласъ одна изъ такихъ рукописныхъ копій, сдѣланная подпоручикомъ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона Фелькнеромъ въ декабрѣ 1826 г.—„со списка, имѣвшагося у близкаго его знакомаго и пріятеля А. А. Жандра, въ чемъ онъ неоднократно удостовѣрялъ“ [1]). У самого Грибоѣдова имѣлся, конечно, свой собственный списокъ „Горя отъ ума“, на который были, можетъ быть, уже нанесены рукою автора новыя исправленія (несомнѣнно, весьма несущественныя). Александръ Сергѣевичъ охотно давалъ свою рукопись копировать, пока не увезъ ее съ собою изъ Петербурга [2]). Но и Жандровская рукопись высоко цѣнилась въ эти годы въ виду своей совершенной авторитетности. Потомъ для нея оказался опасный конкурренъ, скоро оттѣснившій ее на задній планъ: „Булгаринскій списокъ“. Въ 1828 году, въ послѣдній разъ покидая Петербургъ и отчаявшись провести лично свою пьесу на сцену и въ печать, Грибоѣдовъ оставилъ Ѳ. В. Булгарину

[1]) Описаніе этой копіи см. у И. Д. Гарусова въ его изданіи „Горя отъ ума“, Спб. 1875, стр. 19—21.

[2]) Такъ, извѣстно, что Грибоѣдовъ подарилъ тогда списокъ „Горя отъ ума“ А. Д. Кирѣеву, отъ котораго списокъ перешелъ къ П. А. Ефремову. См. „Библіографическія Записки“ 1861, т. III, стр. 394.

списокъ „Горя отъ ума“, на первой страницѣ котораго надписалъ: „Горе мое поручаю Булгарину. Вѣрный другъ Грибоѣдовъ 5 іюня 1828“. Это не былъ автографъ поэта; рукопись переписана канцелярскимъ почеркомъ и довольно безграмотно на теперешній взглядъ. Но копировалась она переписчикомъ несомнѣнно съ авторскаго текста, весьма точно, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей грибоѣдовской пунктуаціи, была просмотрѣна Грибоѣдовымъ и кое-гдѣ исправлена—и такимъ образомъ вполнѣ авторизована [1]). Самъ Булгаринъ очень гордился своимъ спискомъ и былъ даже не прочь преувеличивать его значеніе, распуская слухъ, что это—автографъ Грибоѣдова [2]). Надпись Грибоѣдова на спискѣ стала всѣмъ извѣстна, и Булгаринъ охотно давалъ воспроизводить ее fac-simile въ печатныхъ изданіяхъ „Горя отъ ума“ [3]),—какъ и самый текстъ рукописи былъ неоднократно использованъ въ печати. Но потомъ, позднѣе, вспомнили и несправедливо забытую Жандровскую рукопись,—когда въ 1854 году миновала литературная собственность на „Горе отъ ума“, и издатели, побуждаемые конкурренціей, стали разыскивать оригинальныя, неизданныя редакціи пьесы. Въ 1862 году появилось „второе полное, исправленное“ изданіе комедіи—Николая Тиблена [4]). Въ послѣсловіи къ ея тексту здѣсь читаемъ: „Въ первое полное изданіе вкралось значительное количество погрѣшностей. Онѣ были частью

[1]) Булгаринскій списокъ хранится въ Рукописномъ Отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки. Онъ напечатанъ въ приложеніи къ изданію „Горя отъ ума“ 1875 г., И. Д. Гарусова (очень старательно, въ общемъ, хотя не безъ крупныхъ ошибокъ, о чемъ см. ниже).

[2]) Такъ онъ говорилъ Д. А. Смирнову въ 1842 году. „Историческій Вѣстникъ“ 1909, III, 1047.

[3]) См., напр., изд. В. А. Терскова 1854 г., А. Черноглазова того же года, и др.

[4]) *А. С. Грибоѣдовъ*. „Горе отъ ума“, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ. Второе полное (исправленное) изданіе, Николая Тиблена. С.-Петербургъ. 1862. 98+1 ненумер. стр.

слѣдствіемъ того, что изъ нѣсколькихъ рукописей, повидимому заслуживающихъ одинаковаго довѣрія, не было и двухъ совершенно сходныхъ между собою. Настоящее изданіе провѣрено окончательно по рукописи *А. А. Жандра,* исправленной самимъ Грибоѣдовымъ. Къ сожалѣнію, издатель получилъ ее, когда первые листы были уже отпечатаны,—а потому оказалось и въ этомъ изданіи нѣсколько погрѣшностей противъ упомянутой рукописи. Важнѣйшія изъ нихъ указаны въ спискѣ, помѣщенномъ на оборотѣ". Изъ этого, скупого на подробности, послѣсловія нельзя точно узнать, какъ шла редакціонная работа, и только тщательное сличеніе изданія съ Жандровскою рукописью рѣшаетъ этотъ вопросъ. Тибленовское изданіе ни въ какомъ случаѣ нельзя признать точнымъ воспроизведеніемъ этой рукописи. Сама редакція сообщаетъ, что первые листы отпечатаны до полученія рукописи; не указано, сколько было такихъ листовъ, но можно догадываться, что напечатаны были первыя два дѣйствія (поправки къ тексту кончаются въ спискѣ 44 страницей, на которой помѣщается конецъ второго дѣйствія). Правда, еще была возможность многое исправить въ спискѣ погрѣшностей, но онъ очень кратокъ (всего восемь исправленій) и потому неудовлетворителенъ. Впрочемъ, и остальная часть текста провѣрена по рукописи весьма поверхностно и совсѣмъ не даетъ понятія о подлинномъ видѣ рукописи. Во-первыхъ, оригинальная Грибоѣдовская пунктуація, столь характерная сама по себѣ и столь важная при сценическомъ воплощеніи комедіи, совершенно исчезаетъ въ Тибленовскомъ изданіи и замѣняется произвольной и шаблонной корректорской пунктуаціей. Что же касается самого текста, то и здѣсь вліяніе рукописи мало замѣтно. Насколько небрежно она была использована, покажутъ нѣсколько примѣровъ. Въ тибленовскомъ изданіи (стр. 16) Лиза говоритъ про Чацкаго (I дѣйств., явл. 5): „не отъ болѣзни, чай,—отъ скуки, повѣрнѣе"; а въ рукописи стоитъ: „отъ скуки;—п о в о л ь н ѣ е" (и въ спискѣ погрѣшностей это

осталось неисправленнымъ). Въ монологѣ Чацкаго „А судьи кто?“ (д. II, явл. 5) у Тиблена (стр. 36) напечатано: „За ста вилъ и Москву дивиться ихъ красѣ“, а въ рукописи самимъ Грибоѣдовымъ исправлено: „всю Москву“ (въ спискѣ не оговорено). Въ 6-мъ явл. III-го д., въ ремаркѣ къ словамъ Платона Михайловича у Тиблена (стр. 57) стоитъ: „равнодушно“, въ рукописи же (стихъ 282): „хладнокровно“. Въ 12-мъ явленіи IV дѣйствія у Тиблена (стр. 92) въ ремаркѣ про Молчалина сказано: „ползаетъ у нея въ ногахъ“; а въ рукописи—рукою самого Грибоѣдова!—написано: „ползаетъ у ногъ ея“. На стр. 95 тибленовскаго изданія (д. IV, явл. 14) Фамусовъ говоритъ: „Я постараюся, въ набатъ я пріударю“—тогда какъ въ рукописи, опять рукою автора, изображено: „Я постараюсь, я, въ набатъ я пріударю“. Можно было бы набрать такихъ примѣровъ очень много, но и пяти достаточно, чтобы видѣть небрежность и ненаучность изданія 1862 года. Жандровская рукопись осталась ожидать достойнаго ея изданія. Самъ А. А. Жандръ не рекламировалъ своей драгоцѣнности, какъ Булгаринъ; наоборотъ, онъ относился къ ней, повидимому, очень ревниво и неохотно показывалъ рукопись любопытствующимъ. Когда баронъ Корфъ просилъ Андрея Андреевича уступить ее Императорской Публичной Библіотекѣ, тотъ отказалъ [1]). Повидимому, даже Д. А. Смирновъ не имѣлъ къ ней свободнаго доступа [2]), хотя и сталъ въ самыя дружескія отношенія къ Жандру. Еще менѣе доступна оказалась рукопись для другого изслѣдователя Грибоѣдова, выступившаго въ началѣ семидесятыхъ годовъ, И. Д. Гарусова; онъ зналъ о существованіи Жандровской рукописи и,

---

[1]) „Историческій Вѣстникъ“ 1909, апрѣль, стр. 154.

[2]) Онъ почти ничего не говоритъ о ней, а цѣнныя особенности ея совсѣмъ не принялъ въ разсчетъ въ своихъ разсужденіяхъ о текстѣ „Горя отъ ума“. См. „Неизданное предисловіе“ *Д. А. Смирнова* къ „Горю отъ ума“. Сообщ. Н. В. Шаломытовъ. „Русская Старина“ 1909, февраль, стр. 320—348.

конечно, не могъ не цѣнить ее, даже, какъ упомянуто выше, имѣлъ копію съ нея,—но „по независящимъ обстоятельствамъ“ не могъ изслѣдовать оригинала [1]). Рукопись осталась недоступной и А. Н. Веселовскому, что отразилось неблагопріятно на его изданіяхъ „Горя отъ ума“, вышедшихъ въ семидесятыхъ годахъ [2]). Затѣмъ вся жандровская традиція, устная и рукописная, надолго осталась въ сторонѣ отъ грибоѣдовскихъ изученій, да и самихъ изученій было немного послѣ трудовъ Смирнова, Гарусова и Веселовскаго. Только въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда къ новымъ грибоѣдовскимъ разысканіямъ приступилъ И. А. Шляпкинъ, жандровское наслѣдіе вновь попало въ поле зрѣнія. Для своего изданія сочиненій Грибоѣдова [3]) И. А. Шляпкинъ воспользовался нѣкоторыми матеріалами, сообщенными ему вдовою А. А. Жандра, Прасковьею Петровною Жандръ, напр., ея изустными воспоминаніями о мужѣ, В. С. Миклашевичъ и ихъ друзьяхъ, а также—автографами двухъ писемъ Грибоѣдова [4]). Доступна ли была новому издателю Жандровская рукопись? Въ комментаріяхъ къ „Горю отъ ума“ онъ сообщаетъ: „Намъ были доступны рукописи: Булгарина (Б) съ извѣстною надписью „Горе мое поручаю Булгарину“; Жандра (Ж) съ поправками руки самого А. С. Грибоѣдова; Д. А. Смирнова“ и др. [5]). А въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ самому тексту комедіи всюду отмѣчаются разночтенія якобы Жандровской рукописи, условно обозначенной буквой Ж. Здѣсь кроется крупное и опасное недоразумѣніе, и его слѣдуетъ

---

[1]) См. изданіе „Горя отъ ума“ 1875 г., подъ ред. И. Д. Гарусова, стр. 19—21.

[2]) Русская библіотека. V. А. С. Грибоѣдовъ. Спб. 1875; второе изданіе Спб. 1878.

[3]) Полное собраніе сочиненій *А. С. Грибоѣдова*, подъ редакціей приватъ-доцента И. А. Шляпкина. Въ двухъ томахъ. Изд. И. П. Варгунина. Спб. 1889.

[4]) См. изданіе 1889 г., т. I, стр. 400, 407 и др.

[5]) Тамъ же, т. II, стр. 522.

немедленно устранить. Имѣя теперь въ рукахъ подлинную Жандровскую рукопись и систематически провѣривъ по ней всѣ варіанты въ изданіи 1889 года, приписываемые ей, мы убѣждаемся, что большинство ихъ не принадлежитъ Жандровской рукописи и взяты изъ какого то намъ неизвѣстнаго и несомнѣнно очень испорченнаго списка. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на нѣсколько приводимыхъ здѣсь параллельныхъ цитатъ.

Изданіе 1889 года.	*Подлинная Жандровская рукопись.*
I д., явл. 5. Софья: у насъ казалось ему скучно	ему казалось скучно
I, 7. Чацкій: между тѣмъ, не вспомню	не вспомнюсь
I, 7. Чацкій: пространствуемъ, воротимся домой	пространствуешь, воротишься домой
II, 2. Фамусовъ: всѣ мы гордецы	всѣ вы гордецы
II, 5. Чацкій: Но кредиторовъ лишь онъ не согласилъ къ отсрочкѣ	но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ
III, 14. Софья, смотря на него пристально	смотритъ на него
III, 21. Хлестова: Къ тому же изъ смѣшливыхъ	Туда же изъ смѣшливыхъ
IV, 4. Есть у него любимое одно: Allons, mon cher ami!	Есть у него любимое одно: А! нонъ лашьяръ ми, но, но, но.

Не приводимъ другихъ примѣровъ [1])—и безъ того очевидно, что въ изданіи И. А. Шляпкина приписаны Жандровской рукописи многія совершенно чуждыя ей разночтенія. Затрудняемся объяснить эту ошибку, проведенную столь систематически.

Во всякомъ случаѣ изданіе 1889 года вновь напомнило обществу о жандровскихъ матеріалахъ. Вслѣдъ за И. А. Шляп-

[1]) Данный въ изданіи 1889 г., въ приложеніи къ комедіи, „первоначальный текстъ съ варіантами“ содержитъ въ послѣднемъ монологѣ Чацкаго въ IV дѣйствіи такіе варіанты „по рукописи Жандра“, какихъ въ ней совсѣмъ нѣтъ. См. изд. 1889 г., т. II, стр. 508—509, ср. наше изданіе, стр. 137—139.

кинымъ ихъ изучалъ новый очередной изслѣдователь Грибоѣдова Н. В. Шаломытовъ, и при его содѣйствіи семья А. А. Жандра передала рукопись и другіе грибоѣдовскіе матеріалы въ Московскій Историческій Музей, заслуживъ тѣмъ уваженіе и благодарность всѣхъ, кому дорогъ великій поэтъ. Щедрымъ даромъ наслѣдниковъ Жандра немедленно воспользовался В. Е. Якушкинъ, когда по порученію Музея приступилъ къ изданію Музейнаго автографа „Горя отъ ума". Въ его изданіи мы находимъ нѣсколько цѣнныхъ сопоставленій ранняго текста комедіи съ Жандровскою рукописью и правильныхъ сужденій о значеніи ея въ творческой исторіи „Горя отъ ума". Но такіе экскурсы въ изученіе нашего текста имѣли для редактора Музейнаго автографа только служебное значеніе; они отрывочны и совершенно недостаточны для полной оцѣнки его. Кромѣ того В. Е. Якушкинъ допустилъ одинъ промахъ, исказившій въ его изложеніи всю сравнительную оцѣнку двухъ редакцій „Горя отъ ума". „Мы пользовались, пишетъ онъ, спискомъ Жандра только для указанія того, какія мѣста въ немъ, согласныя съ текстомъ печатаемой рукописи, исправлены въ спискѣ рукою Грибоѣдова. Въ остальныхъ случаяхъ мы пользуемся для ссылокъ на рукопись Жандра изданіемъ проф. Шляпкина" [1]). Послѣ изложеннаго выше намъ теперь очевидно, что многія ссылки дѣлаются В. Е. Якушкинымъ на совершенно недостовѣрный текстъ...

Методическій промахъ В. Е. Якушкина, пренебрегшаго послѣдовательнымъ изученіемъ Жандровскаго текста по оригинальной рукописи, оказалъ свое неблагопріятное вліяніе и на послѣдующую разработку текстовъ „Горя отъ ума". Сильное впечатлѣніе обнародованнаго имъ Музейнаго авто-

---

[1]) Рукопись комедіи *А. С. Грибоѣдова* „Горе отъ ума". М. 1903, стр. 122; ср. стр. XIV—XVI, гдѣ очень спутанно изложена исторія текстуальныхъ передѣлокъ комедіи.

графа отодвинуло въ сторону Жандровскую рукопись, и о ней словно позабыли, хотя она была легко доступна въ Историческомъ Музеѣ всѣмъ изучающимъ Грибоѣдова. Въ 1905 году появилось новое изданіе „Горя отъ ума“ подъ редакціей Ю. Э. Озаровскаго [1]). Весьма почтенное и полезное во многихъ другихъ отношеніяхъ, это изданіе внесло большую путаницу въ текстъ комедіи. Отвѣтственность за это ложится, впрочемъ, не только на редактора, но и на покойнаго П. А. Ефремова, авторитету коего Ю. Э. Озаровскій слѣпо довѣрился. Когда онъ обратился къ П. А. Ефремову съ вопросомъ о принципахъ установленія текста „Горя отъ ума“, тотъ далъ такой совѣтъ: „Изъ рукописей болѣе позднихъ редакцій Горя отъ ума ближе другихъ къ Музейной стоитъ Булгаринская. Сличите ихъ; провѣрьте Булгаринскую, въ которой имѣются свои недочеты, черезъ Музейную, и вы получите текстъ поздней, исправленной авторомъ редакціи, но безъ ошибокъ списка“ [2]) Какъ видимъ, Ефремовъ, никогда не изучавшій Музейнаго автографа и Жандровской рукописи и едва ли даже ихъ видѣвшій, совсѣмъ и не упомянулъ объ этой послѣдней и допустилъ крупную ошибку, утверждая, что Булгаринскій текстъ стоитъ ближе всѣхъ къ Музейному. Какъ увидимъ ниже, дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе, и къ Музейному автографу гораздо ближе — и хронологически, и текстуально — стоитъ Жандровская рукопись. Послѣдовавъ Ефремову, Ю. Э. Озаровскій счелъ допустимымъ внести въ булгаринскій, позднѣйшій, текстъ (1828) вставки изъ ранней московской редакціи, музейной (1823), самимъ Грибоѣдовымъ потомъ переработанной и о которой онъ писалъ Бѣгичеву изъ Петербурга: „прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли рѣшишься; онъ такъ несовершененъ,

[1]) Пьесы художественнаго репертуара и постановка ихъ на сценѣ. Изданіе М. Д. Мусиной. Подъ редакціей Ю. Э. Озаровскаго. Выпускъ II. „Горе отъ ума“. СПБ. 1905.

[2]) Тамъ же, предисловіе редактора, стр. 4—5.

такъ нечистъ, представь себѣ, что я слишкомъ восемьдесятъ стиховъ, или лучше сказать риѳмъ перемѣнилъ, теперь гладко какъ стекло.“ Въ редакцію Ю. Э. Озаровскаго попало много вставокъ изъ ранняго текста, какъ разъ отмѣненныхъ самимъ поэтомъ въ болѣе поздней Жандровской рукописи [1]), благодаря чему въ текстѣ оказалось много путаницы и пестроты. Этого можно было бы избѣжать, если бы больше вниманія удѣлить Жандровской рукописи [2]).

Установленый Ю. Э. Озаровскимъ текстъ былъ принятъ въ 1906 г. Московскимъ Художественнымъ Театромъ (съ незначительными измѣненіями), и крупная ошибка еще болѣе закрѣпилась [3]).

[1]) Не вдаваясь въ подробный анализъ текста, предложеннаго Ю. Э. Озаровскимъ, что было бы здѣсь неумѣстно, сошлемся только на одинъ примѣръ. Въ первомъ явленіи II дѣйствія, Фамусовъ по Музейному автографу, говоритъ: „ѣшь три часа, и въ три дни не сварится! Грибки да киселькн, щи, кашки въ ста горшкахъ. Отмѣть: въ четвергъ я званъ на погребенье, а выносъ у Николы въ Сапожкахъ“. Уже въ Жандровской рукописи этотъ текстъ замѣненъ общеизвѣстнымъ, который вошелъ и въ Булгаринскій списокъ. Но Озаровскій возстановляетъ въ своемъ изданіи редакцію, отмѣненную самимъ авторомъ, и тѣмъ нарушаетъ волю поэта.

[2]) Къ свѣдѣнію будущаго ислѣдователя Грибоѣдова отмѣтимъ здѣсь еще одно ошибочное утвержденіе П. А. Ефремова. Въ Академіи Наукъ, въ ефремовской коллекціи Пушкинскаго Дома, хранится оттискъ библіографическаго указателя литературы о Грибоѣдовѣ (изъ I-то тома изд. И. А. Шляпкина), испещренный замѣтками П. А. Ефремова. Здѣсь Ефремовъ сообщаетъ, что издавшій „Горе отъ ума“ въ Лейпцигѣ, въ 1858 г., Юрій Приваловскій—В. С. Миклашевичъ. Такимъ образомъ, ожидалось бы, что текстъ лейпцигскаго изданія взятъ съ Жандровской рукописи. Сравнительное изученіе ихъ, однако, устанавливаетъ, что текстъ Ю. Приваловскаго очень испорченъ, опирается на какія-то неизвѣстныя „двѣ рукописи“ и не имѣетъ никакой связи съ Жандровской рукописью.

[3]) Текстъ, принятый дирекціей Художественнаго театра послѣ совѣщаній съ А. Н. Веселовскимъ, В. В. Каллашомъ и П. Д. Боборыкинымъ, не опубликованъ въ печати; но, благодаря любезности Вл. Ив. Немировича-Данченко, мы имѣли возможность изучить его по режиссерскому и суфлерскому экземплярамъ.

Въ 1908 году „Горе отъ ума“ появилось въ дешевомъ изданіи „Всеобщей Библіотеки“ [1]). Въ анонимной редакціонной замѣткѣ здѣсь было заявлено: „Въ основу настоящаго изданія „Горя отъ ума“ положенъ наиболѣе распространенный текстъ комедіи, свѣренный по рукописямъ А. А. Жандра (съ поправками самого Грибоѣдова) и Московскаго Историческаго музея“. Въ примѣчаніяхъ, въ двухъ случаяхъ, дѣйствительно, находимъ ссылки на варьянты якобы Жандровской рукописи—въ репликахъ Чацкаго (I, 7): „когда жъ постранствуемъ, воротимся домой“, и Молчалина (III, 3): „Не смѣю вслухъ мое сужденіе произнесть“. Въ подлинной рукописи, однако, такихъ варьянтовъ нѣтъ (см. стр. 28, стихъ 385, и стр. 78, стихъ 211, въ нашемъ изданіи); очевидно, редакторъ новаго изданія просто ее не видѣлъ и ссылается на нее напрасно.

Такова внѣшняя судьба Жандровской рукописи. Какъ видимъ, она не осталась совсѣмъ безвѣстной въ грибоѣдовской исторіографіи, однако до сихъ поръ, т.-е. въ теченіе почти девяноста лѣтъ, не была издана, ни даже изучена съ такой полнотой, какъ того требуетъ ея высокое внутреннее достоинство.

---

[1]) Всеобщая Библіотека. № 2. *А. С. Грибоѣдовъ.* Горе отъ ума. Изданіе Акц. Общ. Типограф. Дѣла въ С.-Петербургѣ (1908).

III. Значеніе Жандровскаго текста въ творческой исторіи „Горя отъ ума“.

Чтобы оцѣнить значеніе Жандровской рукописи въ исторіи текста славной комедіи, слѣдуетъ изложить свѣдѣнія о ходѣ работъ автора и сравнить этотъ текстъ съ ранней и позднѣйшей редакціями „Горя отъ ума“. Къ сожалѣнію, ни самъ Грибоѣдовъ, ни ближайшіе его друзья не оставили намъ подробныхъ сообщеній о томъ, когда именно и какъ создавалъ поэтъ Жандровскую редакцію текста. Выше (стр. XXVIII — XXIX) мы привели цитаты изъ письма Грибоѣдова и разсказовъ Жандра объ этомъ моментѣ. Это и все, чѣмъ мы располагаемъ. Что касается сравненія разновременныхъ редакцій комедіи, то и здѣсь кое-чего недостаетъ. Какъ мы знаемъ, исчезли „брульоны“, содержавшіе переработку текста, посредствующую между Музейнымъ автографомъ и Жандровскою рукописью. Не найденъ также автографъ „Горя отъ ума“, принадлежавшій самому Грибоѣдову и по времени своего написанія, очевидно, посредствующій между Жандровскою рукописью и Булгаринскимъ спискомъ; о немъ Грибоѣдовъ писалъ Бѣгичеву изъ Тифлиса отъ 9 декабря 1826 г. „Заставь Ермолова Петра Николаевича возвратить мнѣ мой манускриптъ *Горе отъ ума*“.

Такимъ образомъ, въ нашихъ познаніяхъ о творческомъ пути „Горя отъ ума“ имѣются пробѣлы. Впрочемъ, внима-

тельный анализъ всей сохранившейся до насъ рукописной традиціи дастъ намъ возможность, хотя бы иногда и по обрывкамъ и намекамъ, возсоздать нѣсколько существенныхъ моментовъ въ художнической работѣ Грибоѣдова. Для этого мы должны вернуться къ тому же исходному пункту, съ котораго начинали и внѣшнюю исторію Жандровской рукописи, т.-е. къ Музейному автографу. Онъ является самой ранней редакціей „Горя отъ ума“, какая только дошла до насъ. Но и въ немъ мы уже можемъ прослѣдить разновременныя наслоенія и перестройки. Само заглавіе раньше было гораздо значительнѣе: „Горе уму“. Въ первомъ дѣйствіи большой переработкѣ подверглись сцены 2, 3, 4, и 5-ая; изъ бесѣды Чацкаго съ Софьей вычеркнута характерная тирада о докторѣ Фаціусѣ. Во второмъ дѣйствіи существенно передѣланъ монологъ Чацкаго (въ 5-ой сценѣ) и сцена 9-ая и 11-ая. Въ послѣднемъ актѣ изъ діалога Чацкаго и Репетилова вычеркнуты двадцать стиховъ, дающихъ нѣсколько цѣнныхъ черточекъ къ характеристикѣ Репетилова. Менѣе другихъ переработанъ третій актъ, но и въ немъ достаточно всякихъ отмѣнъ и дополненій. Вообще, вся Музейная рукопись испещрена исправленіями, иногда двойными, даже тройными. Грибоѣдовъ подарилъ ее Бѣгичеву. Уѣзжая въ Петербургъ въ концѣ мая 1824 года, онъ съ собою увозилъ другую рукопись „Горя отъ ума“, о которой мы точно не знаемъ, была ли она писарской копіей съ окончательнаго текста Музейнаго автографа или новымъ автографомъ поэта. Если то были „брульоны“, о которыхъ разсказывалъ Жандръ, — вѣроятнѣе, что автографъ. На переѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ поэта посѣтило вдохновеніе, и тотчасъ по прибытіи въ столицу онъ закрѣпилъ на бумагѣ новую сцену заигрыванія Молчалина съ Лизой, въ четвертомъ дѣйствіи. Сообщая объ этомъ въ письмѣ къ Бѣгичеву, Грибоѣдовъ добавляетъ, что кромѣ того „слишкомъ восемьдесятъ стиховъ, или лучше сказать риѳмъ перемѣнилъ“. Это важное показаніе о новыхъ переработкахъ

текста къ сожалѣнію, не датировано [1]) и потому возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе. Дѣло въ томъ, что намъ въ точности неизвѣстно также время написанія и авторскаго пересмотра Жандровской рукописи. Сопоставленіе письма къ Бѣгичеву съ показаніемъ Жандра о „брульонахъ“ Грибоѣдова можетъ подсказать выводъ, что Жандровская рукопись была создана вскорѣ по пріѣздѣ Грибоѣдова въ Петербургъ. Но, какъ увидимъ ниже, въ ней такъ много новаго сравнительно съ Музейнымъ автографомъ, что новая редакція могла создаться только въ результатѣ настойчивыхъ и продолжительныхъ работъ. Самъ Грибоѣдовъ, все въ томъ же письмѣ къ Бѣгичеву, сообщаетъ еще нѣкоторыя данныя о ходѣ своихъ творческихъ работъ; по пріѣздѣ въ столицу онъ успѣлъ прочесть „Горе отъ ума“ въ девяти мѣстахъ и еще обѣщалъ въ трехъ; „грому, шуму, восхищенію, любопытству конца нѣту, Шаховской рѣшительно признаетъ себя побѣжденнымъ (на этотъ разъ). Замѣчаніемъ Віельгорскаго я тоже воспользовался. Но наконецъ мнѣ такъ надоѣло все одно и то же, что во многихъ мѣстахъ импровизирую, да; это нѣсколько разъ случалося, потомъ я самъ себя ловилъ, но другіе не домекались“. За этимъ бѣглымъ, скупымъ на подробности сообщеніемъ легко угадывается длительная и напряженная творческая работа. Къ моменту, когда писались эти строки, на рукопись, привезенную изъ Москвы, легли, очевидно, многія наслоенія, и процессъ художественнаго созиданія былъ въ полномъ разгарѣ. Онъ еще далеко не завершился, а друзья и знакомые

[1]) На цитируемомъ письмѣ къ Бѣгичеву, не сохранившемся въ автографѣ, повидимому не было ни числа, ни мѣсяца, ни года. Годъ угадывается легко по содержанію, но мѣсяцъ и число проблематичны. Редакторъ изданія 1889 г., И. А. Шляпкинъ, относитъ письмо къ августу 1824 г., ничѣмъ это не аргументируя. Мы склоняемся скорѣе къ первой половинѣ іюля, въ виду упоминанія объ „Андромахѣ“ Катенина и цензурныхъ хлопотахъ, что слѣдуетъ сопоставить съ письмомъ В. А. Каратыгина къ Катенину отъ 12 іюля („Русскій Архивъ“ 1871 г., № 6, стр. 241).

поэта уже добивались нетерпѣливо списковъ яркаго произведенія. Черезъ десять дней по пріѣздѣ Грибоѣдовъ уже пишетъ Бѣгичеву (письмо отъ 10 мая 1824 г): „всѣ просятъ у меня манускрипта и надоѣдаютъ". Александръ Сергѣевичъ, конечно, не отказывалъ просителямъ и скоро среди публики появились рукописныя копіи „Горя отъ ума"—болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ Жандровская рукопись. Въ дошедшемъ до насъ огромномъ количествѣ анонимныхъ списковъ „Горя отъ ума" теперь уже трудно, даже невозможно, выдѣлить ту группу, которая отображаетъ въ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ редакцію комедіи, посредствующую между Музейнымъ автографомъ и Жандровской рукописью: во-первыхъ, самъ авторскій текстъ еще не окрѣпъ тогда (т. е. въ іюнѣ—іюлѣ 1824 г.), и списки могли разнообразиться смотря по тому, въ какой моментъ авторской работы они копировались (и теперь за отсутствіемъ подлиной авторской рукописи, т.-е. „брульоновъ", невозможно рѣшить въ томъ или другомъ случаѣ, авторскій ли это варьянтъ или произвольное искаженіе переписчика); во-вторыхъ, уже при жизни Грибоѣдова, отчаявшись получить печатный текстъ комедіи, горячіе поклоники ея сами брались за редакціонную работу и изъ нѣсколькихъ списковъ составили себѣ эклектическій текстъ, чѣмъ еще болѣе запутывали генеалогію рукописныхъ изводовъ „Горя отъ ума"[1]). Все же, съ нѣкоторымъ усиліемъ, и именно при помощи Жандровской рукописи, мы можемъ текстуально возстановить одинъ моментъ въ тогдашнихъ работахъ Грибоѣдова надъ текстомъ. Во многихъ спискахъ, по обыкновенію не

---

[1]) Такой случай наблюдаемъ въ одномъ спискѣ, сначала принадлежавшемъ И. Д. Гарусову, потомъ П. А. Ефремову и теперь хранимомъ въ Пушкинскомъ Домѣ. Здѣсь послѣдній монологъ Чацкаго, о которомъ рѣчь ниже, приведенъ въ ранней редакціи, но сдѣлано рукою переписчика примѣчаніе: „сей монологъ въ другой рукописи замѣненъ слѣдующимъ"—и отдѣльно выписанъ поздній текстъ монолога.

датированныхъ и безыменныхъ, мы встрѣчаемъ важный варьянтъ послѣдняго монолога Чацкаго въ IV-мъ дѣйствіи [1]). Варьянтъ такъ характеренъ, такъ близокъ къ манерѣ Грибоѣдова, что самъ говоритъ за свою подлинность, хотя и сильно разнится отъ общепринятой редакціи. Потому онъ охотно реципировался и въ печатныя изданія „Горя отъ ума“ съ тѣхъ поръ, какъ съ 1860-хъ годовъ издатели стали усердно разыскивать текстуальныя новинки [2]). Однако, ни въ одномъ изданіи, до нашихъ дней включительно, не было и попытки опредѣлить, къ какому моменту въ творческой исторіи „Горя отъ ума“ относится этотъ оригинальный варьянтъ. Теперь мы можемъ рѣшить этотъ вопросъ, опираясь на Музейный автографъ и Жандровскую рукопись. Въ ранней, т.-е. Музейной, редакціи послѣдній монологъ Чацкаго читается такъ:

Я передъ вами виноватъ.
Не знаю, почему васъ съ тѣми ставилъ въ рядъ,
Которымъ впрочемъ здѣсь найдутся сотни ровныхъ,
Искательницъ фортунъ и жениховъ чиновныхъ
Которымъ красотой едва дано разцвѣсть,
Ужь глубоко натвержено искусство
Несердцемъ поискать, а взвѣсить и расчесть,
И продавать себя въ замужство.

---

[1]) Этотъ варьянтъ читаемъ въ извѣстной Ефремовской рукописи, описанной у И. Д. Гарусова въ изданіи 1875 г. (стр. 128—130) и теперь хранящейся въ Академіи Наукъ въ коллекціи Пушкинскаго Дома; въ двухъ другихъ рукописяхъ, принадлежавшихъ Ефремову и теперь хранящихся тамъ же; въ рукописи А. В. Всеволожскаго, любезно имъ предоставленной, при посредствѣ И. А. Кубасова, для нашего пользованія; въ одной изъ рукописей, принадлежащихъ пишущему эти строки, — и во многихъ другихъ спискахъ „Горя отъ ума“.

[2]) Такъ, въ этомъ варьянтѣ послѣдній монологъ Чацкаго напечатанъ въ изд. Юрія Приваловскаго, Лейпцигъ, 1858; въ Берлинскомъ изданіи 1858 г.; въ первомъ изданіи Н. Тиблена, СПБ., 1862 (во второмъ изданіи дана редакція Жандровской рукописи); ср. изданія Гарусова 1875 г. и И. А. Шляпкина 1889.

Вы свыше этого. По васъ такій, чтобъ былъ
Немножко простъ, и очень милъ,
Чтобъ вы могли его, и въ возрастѣ-бы зрѣломъ
Беречь, и пеленать, и спосылать за дѣломъ,
Мужь-мальчикъ, мужь-слуга, изъ жениныхъ Пажей:
Высокій идеалъ Московскихъ всѣхъ мужей!
Но Боже мой! кого вы поискали!
Когда размыслю я, кого вы предпочли!
За что меня вы завлекли
Повергли въ бездну золъ, мученья и печали!
Я самъ, гдѣ я искалъ награду всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ, вотъ щастье, думалъ, близко.
Передъ кѣмъ я давиче, такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!!
Невѣрьте, съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.
А вы, Сударь, Отецъ, вы, страстные къ чинамъ:
Въ дворянской спѣси вамъ желаю быть щастливомъ.
Я сватаньемъ моимъ неугрожаю вамъ.
Другій тутъ есть спокойный, благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами наконецъ
Онъ будущему тестю равный.
Такъ! отрезвился я сполна
Отъ слѣпоты своей, отъ смутнѣйшаго сна,
Теперь мнѣ кстатибъ было съ ряду
На дочь и на отца,
И на любовника глупца,
И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду.
Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ.
Бѣгу, неоглянусь, пущусь искать по свѣту
Гдѣ для разсудка есть, и чувства уголокъ..—
Карету мнѣ, карету (*уѣзжаетъ*).

Въ варьянтѣ, о которомъ идетъ теперь рѣчь, тотъ же монологъ изложенъ такъ:

Чацкій (Софьѣ).

Не образумлюсь... виноватъ,—
Не знаю какъ я невпопадъ,
Представилъ васъ себѣ одной изъ хладнокровныхъ

Искательницъ Фортунъ и жениховъ чиновныхъ,
Которой красотѣ едва дано расцвѣсть,
Глубоко ужъ натвержено искусство
Не сердцемъ поискать, а взвѣсить и расчесть
И торговать собой въ замужство.
Нѣтъ, нѣтъ! ошибся я, намѣченъ былъ у васъ
Любовникъ миленькій, котораго подъ часъ
Могли бы, не смотря, что въ возрастѣ онъ зрѣломъ,
Беречь и пеленать и посылать за дѣломъ.
Мужъ мальчикъ, мужъ слуга, изъ женниныхъ пажей,
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей!!
Но Боже мой; кого себѣ избрали?
Когда размыслю я—кого вы предпочли?
Зачѣмъ меня взманили, завлекли?
Повергли въ бездну золъ, мученій и печали?..
Слѣпецъ я! въ комъ искалъ награды всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ, дрожалъ, летѣлъ—вотъ счастье думалъ близкс!
Предъ кѣмъ и давича такъ страстно, и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!...
Но что! наказаны всѣ горемъ справедливымъ...
А вы, сударь, отецъ! вы жертвуйте чинамъ—
Собой и дочерью; желаю быть счастливымъ!
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ!

(дальше какъ въ общепринятой редакціи).

Совершенно очевидно, что во второмъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ переработкой Музейнаго текста—въ направленіи къ позднѣйшему, общеизвѣстному. Жандровская рукопись, въ совершенномъ согласіи съ позднѣйшей Булгаринской, даетъ этотъ дефинитивный, богато разработанный текстъ монолога, но въ ней сохранились любопытные отголоски болѣе ранней редакціи. Можно догадываться, что первоначально въ Жандровской рукописи монологъ Чацкаго былъ переданъ рукою переписчика въ редакціи, тожественной или очень сходной съ нашимъ варьянтомъ. Грибоѣдовъ вырѣзалъ всю страницу съ этимъ текстомъ, захвативъ поневолѣ и конецъ предыдущаго монолога Фамусова, и на вклеенномъ листкѣ собственноручно записалъ новую переработанную редакцію

(см. у насъ снимокъ этихъ страницъ), гдѣ однако вновь сдѣлалъ (въ стихахъ 476, 483 и 484) исправленія. Но на слѣдующей страницѣ, гдѣ остался текстъ переписчика, три стиха были изложены совсѣмъ такъ же, какъ въ нашемъ варьянтѣ:

Но что? наказаны вы горемъ справедливымъ.
А вы сударь отецъ, вы жертвуйте къ чинамъ
Собой и дочерью; желаю быть щастливымъ

Грибоѣдовъ зачеркнулъ первый изъ нихъ, а второй и третій передѣлалъ въ общеизвѣстную редакцію. Такимъ образомъ, по этимъ тремъ строкамъ, варьянтъ нашъ прикрѣпляется къ моменту между Музейной и Жандровской рукописями, т.-е. относится къ іюню или іюлю 1824 года.

Сравненіе разныхъ редакцій этого монолога Чацкаго показываетъ, что отъ Музейнаго автографа до Жандровской рукописи его текстъ испыталъ большія измѣненія и потребовалъ отъ автора значительныхъ усилій. За это время монологъ, во-первыхъ, увеличился на цѣлыхъ двадцать стиховъ (въ Музейномъ автографѣ всего 40 стиховъ, въ Жандровской рукописи уже 60), во-вторыхъ, былъ согласованъ съ новой, только что созданной, сценой объясненія Молчалина съ Лизой, которую подслушиваетъ Софья (только послѣ этой передѣлки Чацкій могъ сказать Софьѣ: „Вы помиритесь съ нимъ по размышленьи здравомъ“). Та же напряженная авторская работа выясняется передъ нами все болѣе и болѣе при систематическомъ сличеніи Жандровскаго текста съ Музейнымъ. Пересмотримъ здѣсь важнѣйшія разночтенія двухъ этихъ изводовъ.

Въ Музейномъ автографѣ не было афиши, т.-е. списка дѣйствующихъ лицъ комедіи, въ Жандровской рукописи онъ уже имѣется полностью; въ Музейномъ автографѣ части пьесы назывались еще „актами“ и „сценами“, въ Жандровской рукописи уже„ дѣйствія“ и „явленія“. Въ первомъ дѣйствіи наиболѣе бросается въ глаза переработка сна Софьи. Въ

составѣ первыхъ четырехъ явленій пьесы, протекающихъ вяло, мало мотивированныхъ психологически, даже какъ будто двусмысленныхъ и этимъ вызвавшихъ справедливое неудовольствіе Пушкина [1]), разсказъ Софьи о снѣ является наиболѣе труднымъ и неяснымъ моментомъ. С. Н. Бѣгичевъ передаетъ, что когда Грибоѣдовъ впервые прочелъ ему первое дѣйствіе, оно не понравилось Бѣгичеву, и поэтъ самъ сжегъ неудачную редакцію и за недѣлю написалъ первый актъ вновь. [2]) Можно догадываться, что возраженія Бѣгичева вызывалъ и эпизодъ съ разсказомъ Софьи. Самъ авторъ былъ очень недоволенъ первоначальной его трактовкой; уже въ Музейномъ автографѣ мы наблюдаемъ сѣть частичныхъ исправленій, нанесенную на основной текстъ разсказа. Въ исправленной редакціи разсказъ Софьи былъ перенесенъ переписчикомъ въ Жандровскій текстъ, но опять не понравился взыскательному художнику. Изъ Жандровской рукописи Грибоѣдовъ вырѣзалъ листъ, содержавшій главную часть разсказа Софьи и вписалъ своею рукою новый текстъ [3]). Но первые шесть стиховъ, оставшіеся на предыдущей страницѣ и только перечеркнутые авторомъ, свидѣтельствуютъ, что разсказъ начинался буквально такъ же, какъ и въ Музейной рукописи:

Въ саду была, цвѣты безщетно тамъ пестрѣли,
Искала я, мнѣ чудилось, траву
Какую то, не вспомню на яву.
Въ Ирисахъ, въ бархатцахъ, въ Левкояхъ и въ синели,
Да гдѣ ихъ всѣхъ назвать?
Изъ силъ я выбилась и бросила искать.

Зато послѣдніе пять стиховъ, оставленные Грибоѣдовымъ безъ исправленія въ передачѣ переписчика, даны въ нѣсколько

---

[1]) Переписка *Пушкина*. Изд. Академіи Наукъ, т. I, стр. 173 (письмо къ А. А. Бестужеву).

[2]) *С. Н. Бѣгичевъ*. Записка объ А. С. Грибоѣдовѣ. „Русскій Вѣстникъ“ 1892, № 8, стр. 312.

[3]) См. прилагаемый снимокъ съ рукописи (стр. 20—21).

иной редакціи, чѣмъ въ Музейномъ автографѣ: „Кто-то говоритъ: Вашъ голосъ былъ, что думаю такъ рано?“ [1]) Значитъ въ той рукописи, съ которой копировалъ переписчикъ Жандровскаго текста и которая теперь недоступна для насъ, уже были новыя передѣлки въ разсказѣ Софьи. Объ этомъ же свидѣтельствуютъ нѣкоторыя примѣты вырѣзаннаго Грибоѣдовымъ листа. На оставшейся узенькой полоскѣ оборота этого листа (въ соотвѣтствіи съ вклеенной теперь 21-ой страницей) можно разобрать концы пяти стиховъ [2]). Изъ нихъ три смежныхъ стиха читаются такъ:

...уда
...туда
...оса!

Они могли совпадать (при разницѣ пунктуаціи) со стихами Музейнаго автографа:

Забылись мы и шли часы покуда:
Полъ вскрылся, встали вы оттуда
Смерть на щекахъ и дыбомъ волоса.

Но тѣ же стихи могли совпадать и съ новой редакціей, вписанной рукою самого Грибоѣдова (см. въ нашемъ изданіи стихи 165—167); такъ что по обрывкамъ этихъ трехъ стиховъ трудно судить объ ихъ полномъ текстѣ. Зато выше ихъ сохранились концы еще двухъ смежныхъ стиховъ:

...[н?]ила?
...рожденъ...

Въ такомъ сочетаніи двухъ сосѣднихъ стиховъ нѣтъ ни въ Музейномъ автографѣ, ни въ новомъ текстѣ, вписанномъ Грибоѣдовымъ въ Жандровскую рукопись, ни въ Булгаринскомъ спискѣ. Значитъ, и здѣсь была посредствующая, переходная редакція.

---

[1]) Въ Музейномъ автографѣ: „Вотъ здѣсь кто-то говоритъ: Прислушалась: — вашъ голосъ, что такъ рано!“

[2]) Они не вышли на нашемъ снимкѣ, такъ какъ теперь заклеены; но видны на свѣтъ.

Тревожная бесѣда Софьи съ Лизой въ пятомъ явленіи I-го дѣйствія (по уходѣ Фамусова и Молчалина) въ Жандровской рукописи переработана, по сравненію съ Музейной, самымъ кореннымъ образомъ [1]). Реплика Лизы: „И только? будто-бы?“ и слѣдующаго за нею монолога Софьи (стихи 252—275) совершенно отсутствуютъ въ Музейномъ автографѣ (только намеки на нихъ можно здѣсь уловить въ разныхъ стихахъ) и появляются впервые въ Жандровской рукописи, и эта большая вставка принадлежитъ, на ряду съ разсказомъ Софьи о снѣ и сценой объясненія Молчалина съ Лизой въ IV-мъ дѣйствіи, къ самымъ крупнымъ переработкамъ, отличающимъ эту рукопись отъ ранней редакціи.

Еще въ первомъ дѣйствіи подвергся замѣтной перестройкѣ монологъ Чацкаго (въ 7-мъ явленіи) о московскихъ знакомыхъ (въ Муз. автографѣ стихи 370—397=Жандровской рукописи 359—386).

Изъ передѣлокъ текста во второмъ дѣйствіи, отличающихъ Жандровскій текстъ отъ Музейнаго, особенно выдѣляются отличія въ обоихъ знаменитыхъ монологахъ Чацкаго: „И точно, началъ свѣтъ глупѣть“ и „А судьи кто“ и въ репликѣ Софьи, оправдывающейся передъ Чацкимъ и Скалозубомъ за свой обморокъ (Муз. автографъ 460—468 = Жандр. рук. 465—471).

Въ третьемъ дѣйствіи замѣтно передѣланъ монологъ Чацкаго о французикѣ изъ Бордо, реплика Хлёстовой (402=398); но другихъ крупныхъ измѣненій въ этомъ актѣ не наблюдаемъ, хотя онъ самый длинный изъ всѣхъ четырехъ.

О двухъ крупнѣйшихъ отличіяхъ въ четвертомъ актѣ: сценѣ Молчалина и Лизы и заключительномъ монологѣ Чацкаго мы уже говорили выше (стр. XXVIII, XLI, XLIV—XLVII). Частичныхъ измѣненій здѣсь такъ же много, какъ и въ другихъ актахъ. Послѣдовательно, сцена за сценой, сличивъ

[1]) Она и въ Музейномъ текстѣ дана въ двухъ послѣдовательныхъ редакціяхъ. См. изданіе 1903 г., стр. 12—13.

Жандровскую рукопись съ Музейной [1]), въ итогѣ мы получаемъ для всего количества сдѣланныхъ авторомъ перемѣнъ круглую цифру 250. Иногда эти измѣненія клонились къ расширенію текста, къ обогащенію психологическаго содержанія или къ осложненію сценарія. Таковы перестройки разсказа Софьи о снѣ, бесѣды ея съ Лизой, діалога Молчалина и Лизы въ IV дѣйствіи. Иногда наоборотъ: поэтъ энергично сокращалъ текстъ, порою выбрасывая изъ него очень цѣнныя детали. Такъ исчезло мѣткое четверостишіе изъ реплики Чацкаго о танцмейстерѣ Гильоме, который „куда глаза не обратитъ, кто противъ легкости волшебной устоитъ?“

Характеристика Татьяны Юрьевны (въ Музейномъ автографѣ она еще именуется Татьяной Дмитріевной) въ ранней редакціи была полнѣе:

Татьяна Дмитревна!!! — Ее извѣстенъ домъ,
Живетъ по старинѣ и рождена въ боярствѣ,
Мужъ занимаетъ постъ изъ первыхъ въ государствѣ.
Любитель, лакомка до вкусныхъ блюдъ и винъ,
Притомъ отличный семьянинъ:
Съ женой въ ладу, по службѣ ею дышитъ
Она прикажетъ, онъ подпишетъ.

Встрѣча и діалогъ Хлестовой и Репетилова (8-ая сцена IV-го дѣйствія) въ Музейной редакціи были разработаны гораздо богаче и красочнѣе; въ Жандровской рукописи они сурово сжаты въ двѣ краткія реплики.

Музейный автографъ:	*Жандровская рукопись:*
Репетиловъ.	Репетиловъ.
Царь небесный!	Царь Небесный!
Амфиса Карповна! Ахъ! Чацкій! бѣдный! вотъ!	Амфиса Ниловна! Ахъ! Чацкій! бѣдный! вотъ!
Что нашъ высокій умъ! и тысяча заботъ!	Что нашъ высокій умъ! и тысяча заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ!	Скажите, изъчего на свѣтѣ мы хлопочемъ!

[1]) Т.-е., точнѣе говоря, первоначальный текстъ Жандровской рукописи съ окончательнымъ текстомъ Музейнаго автографа.

Хлёстова.

Такъ Богъ ему судилъ, а впрочемъ
Полѣчатъ; вылѣчатъ авось,
А ты, мой батюшка, неизцѣлимъ
хоть брось.
Ночные шатуны! вишь, говорятъ,
женате!
За чѣмъ пожаловалъ? Чтобъ посмо-
трѣть небось
Красивъ ли Фамусовъ въ халатѣ?
Всѣ, всѣ разъѣхались.

Репетиловъ.

Браните, бейте, ахъ!
Амфиса Карповна, я самъ себя гну-
шаюсь,
Пустой я человѣкъ, шалунъ я, верто-
прахъ,
Чистосердечно, слезно каюсь,
Нещастье Чацкаго разительный
урокъ,
Что не въ большомъ умѣ намъ прокъ.
Дѣтьми займусь, и будетъ дѣло глаже,
Вселю въ нихъ Божій страхъ, и съ
завтрашняго дняже
Остепенюсь моя жена,
Ужь болѣе не ляжетъ спать одна.

Хлёстова.

Такъ видно никогда бедняшкѣ не-
ложиться.
Молчалинъ вонъ чуланчикъ твой,
Ненужны проводы, поди Христосъ
съ тобой.
*(Молчалинъ уходитъ къ себѣ въ
комнату)*
Прощайте, батюшка, пора перебѣ-
ситься.
(уѣзжаетъ)

Хлёстова.

Такъ Богъ ему судилъ, а впрочемъ
Полѣчатъ, вылѣчатъ авось,
А ты мой батюшка, не изцѣлимъ
хоть брось.
Изволилъ во время явиться!—
Молчалинъ, вонъ чуланчикъ твой,
Не нужны проводы, поди, Господь
съ тобой.
*(Молчалинъ уходитъ къ себѣ въ
комнату)*
Прощайте, батюшка, пора пере-
бѣситься.
(уѣзжаетъ)

Въ десятой сценѣ того же дѣйствія изъ монолога Чацкаго, возмущеннаго только-что подслушанной сплетней о своемъ мнимомъ сумашествіи, выброшена длинная тирада, имѣвшаяся въ Музейномъ автографѣ, гдѣ онъ образно сравниваетъ сплетню съ горной лавиной:

О праздный! жалкій! мѣлкій свѣтъ!
Не надо пищи, сказку, бредъ
Имъ лжецъ отпуститъ въ угожденье
Глупецъ повѣритъ, передастъ,
Старухи кто во что гораздъ
Тревогу бьютъ... и вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ Москва!—Я былъ въ краяхъ,
Гдѣ съ горъ верьховъ комъ снѣга скатитъ,
Вдругъ глыба этотъ снѣгъ, въ паденьи все охватитъ,
Съ собой влечетъ, дробитъ, стираетъ камни въ прахъ,
Гулъ, рокотъ, громъ, вся въ ужасѣ окрестность.
И что оно въ сравненьи съ быстротой,
Съ которой чуть возникъ, ужъ пріобрѣлъ извѣстность
Московской фабрики слухъ вредный и пустой.

Не разъ приходится пожалѣть, что поэтъ былъ такъ строгъ къ себѣ. Надо думать, онъ хотѣлъ такими купюрами достигнуть большей стройности и энергіи въ сценическомъ развитіи. И дѣйствительно, четвертое дѣйствіе развертывается замѣчательно быстро, чтобы не сказать—стремительно. [1])

Не всегда, однако, сокращенія текста производились безъ ущерба живой ткани художественнаго произведенія; рубцы и спайки замѣтны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пытливому взору. Такъ, въ музейной редакціи пятой сцены I-го дѣйствія, на укорительное напоминаніе Лизы, что Софья съ Чацкимъ „съ малыхъ лѣтъ росли, рѣзвились, вѣчно двое“, та отвѣчала въ свое оправданіе, что Чацкій

всѣхъ въ прихоть жертвуетъ уму,
Что встрѣча съ нимъ у насъ, то ссора.

[1]) Въ этомъ отношеніи четвертый актъ очень выигрываетъ сравнительно съ третьимъ, наиболѣе растянутымъ и осложненнымъ эпизодическими лицами и сценами; на 638 стиховъ III дѣйствія дано всего 530 стиховъ въ IV д. (по Жандровской рукописи).

Въ этихъ стихахъ прямо и рѣзко опредѣлялась начальная причина охлажденія къ Чацкому, способствовавшая росту симпатіи къ Молчалину и подготовлявшая зрителя къ холодно-враждебной встрѣчѣ Софьи съ Александромъ Андреевичемъ въ слѣдующемъ явленіи. Изъ Жандровскаго текста эта фраза исчезла. Другое изъятіе еще важнѣе. Въ третьемъ дѣйствіи Молчалинъ уводитъ Хлёстову играть въ карты и тѣмъ „смягчаетъ разгнѣванную гостью“, а Чацкій обращается къ Софьѣ съ иронической характеристикой „услужника знаменитаго“. По Музейному автографу онъ кончаетъ свою рѣчь такъ:

Чего не ожидать при этомъ нравѣ кроткомъ,
При свойствѣ угождать племянницамъ и теткамъ.
(Софьѣ на ухо)
О! давишнее вамъ такъ даромъ не пройдетъ.

Эти три стиха исчезли въ редакціи Жандровской рукописи, о чемъ надо очень пожалѣть, такъ какъ для зрителей и читателей погибла не только мѣткая пословичная характеристика Молчалина, но и существенный мотивъ дальнѣйшей сценической борьбы. Выслушавъ угрозу Чацкаго мстить за „давишнее“, т.-е. за восхваленія Молчалина и пренебреженіе къ чувствамъ самого Чацкаго, Софья, въ тревогѣ за возлюбленнаго, размышляетъ (по тексту Музейнаго автографа):

Грозитъ и тѣшится, и радъ бы что есть силы
Молчалина при всѣхъ унизить, какъ онъ золъ!

Естественно, что послѣ этого она легко рѣшается избрать средствомъ защиты Молчалина злой навѣтъ на Чацкаго. Послѣдніе два стиха растянуты въ Жандровской рукописи въ три блѣдныхъ и невыразительныхъ:

Ахъ, этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть; завидливъ, гордъ и золъ!

И остается неясно, почему это вдругъ Софья пускаетъ въ оборотъ сплетню о Чацкомъ.

Любопытно отмѣтить еще одну черту въ исправленіяхъ и передѣлкахъ Жандровской рукописи: въ ней Грибоѣдовъ не только создавалъ новые варьянты, но и возвращался къ старымъ, раньше отмѣненнымъ. Въ Музейномъ автографѣ Скалозубъ о паденіи Молчалина отзывался такъ: „и впрочемъ все фальшивая тревога"; здѣсь же на строкѣ Грибоѣдовъ переправилъ слово „фальшивая" на „фамильная", очевидно влагая въ уста Скалозуба ироническій намекъ на близкія отношенія Софьи и Молчалина. Однако и это не понравилось автору и въ Жандровской рукописи вновь читаемъ: „фальшивая". На заявленія Репетилова, что онъ все „отвергалъ: законы! совѣсть! вѣру!", Чацкій отвѣчалъ (по Музейному автографу):

Послушай, ври, да знай же мѣру,
Есть отъ чего въ отчаянье придти,

Послѣдній стихъ почему-то не понравился Грибоѣдову, и въ Жандровской рукописи появился въ нѣсколько иной редакціи:

Отъ пустяковъ твоихъ въ отчаянье придти.

А потомъ Грибоѣдовъ зачеркнулъ эту строку и сверху вновь надписалъ стихъ въ прежней редакціи (см. стихъ 87 въ IV д.).

Въ томъ же четвертомъ явленіи IV дѣйствія, нѣсколько позже, Репетиловъ, по Музейному тексту, говорилъ:

Э! брось! кто нынче спитъ? Ну полно, безъ прелюдій
Рѣшись, а мы, у насъ... рѣшительные люди.

Въ Жандровской рукописи эти два стиха были сначала редактированы иначе:

Э! брось! кто нынче спитъ? будь образецъ Геройства,
Рѣшись, а мы! у насъ... рѣшительнаго свойства

— и снова авторъ вернулся къ прежней редакціи, собственноручно переправивъ концы стиховъ 113—115.

Въ двухъ — трехъ случаяхъ Грибоѣдовъ расширялъ въ Жандровской рукописи авторскія ремарки. Къ словамъ, характеризующимъ встрѣчу Натальи Дмитріевны съ княжнами

Тугоуховскими: „громкія лобызанія, потомъ усаживаются“, бывшимъ въ Музейномъ автографѣ, въ нашей рукописи еще добавлено: „и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ“. Къ неясной ремаркѣ ранняго текста о Загорѣцкомъ, выслушавшемъ благодарность Софьи за билетъ, — „Загорѣцкій отходитъ“, въ Жандровской рукописи добавлено: „къ мущинамъ“, т.-е. Горичу и Чацкому.

Теперь мы можемъ подвести итоги сравнительному изученію двухъ редакцій „Горя отъ ума“. Намъ точно не извѣстно, когда именно закончилъ Грибоѣдовъ работы надъ Музейнымъ автографомъ и когда передалъ его С. Н. Бѣгичеву. По догадкѣ, лишенной всякихъ фактическихъ основаній, принято думать, что это случилось передъ самымъ отъѣздомъ поэта изъ Москвы въ Петербургъ, т.-е. въ концѣ мая 1824 года. Но передача рукописи не можетъ быть связана съ отъѣздомъ, такъ какъ Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Москвы внезапно и не предупредивъ пріятеля. Изъ Петербурга, 10 іюня 1824 г., т.-е. черезъ десять дней по пріѣздѣ, Грибоѣдовъ пишетъ Бѣгичеву: „Ты вѣрно меньше всѣхъ готовъ былъ къ неожиданной тайнѣ моего отъѣзда“ [1]). Значитъ, рукопись была подарена Бѣгичеву раньше, можетъ быть—значительно раньше отъѣзда. Отдавая Степану Никитичу свой автографъ, весь испещренный разнообразными и разновременными исправленіями, отмѣнами и вставками, Грибоѣдовъ, конечно, оставилъ у себя чистовую копію (или даже новый автографъ) комедіи, куда музейный текстъ былъ перенесенъ, разумѣется, въ выправленной редакціи. Возможно, что еще въ Москвѣ эта новая рукопись пересматривалась требовательнымъ поэтомъ и на нее наносились новые варіанты. О дальнѣйшихъ, петербургскихъ, переработкахъ текста мы говорили выше (стр. LI слл.); ихъ было, какъ мы установили, очень много, такъ что сообщеніе

[1]) Эта тайна осталась пока неразгаданной для біографовъ Грибоѣдова.

Грибоѣдова въ недатированномъ письмѣ къ Бѣгичеву (относимомъ нами, предположительно, къ іюлю 1824) о восьмидесяти исправленныхъ стихахъ и риѳмахъ сдѣлано, несомнѣнно, раньше, чѣмъ переписчикъ сѣлъ за Жандровскую рукопись. Передъ копіистомъ лежали „ужасные брульоны“ — полулисты, плодъ новыхъ и продолжительныхъ творческихъ усилій поэта. Переписчикъ произвелъ свою работу чрезвычайно тщательно; онъ прекрасно разбирался въ почеркѣ автора и не исказилъ въ своей передачѣ почти ни одного слова; описокъ и ошибокъ въ правописаніи, ему собственно принадлежащихъ, очень мало; характерная грибоѣдовская пунктуація, хорошо намъ знакомая по Музейному автографу и письмамъ поэта, свято соблюдена. Когда рукопись была переписана, Грибоѣдовъ вновь, и несомнѣнно въ нѣсколько пріемовъ (о чемъ свидѣтельствуетъ разный цвѣтъ чернилъ въ его вставкахъ), пересмотрѣлъ текстъ и нанесъ на рукопись значительное количество новыхъ исправленій, сокращеній и дополненій. Когда эта работа закончилась и когда рукопись была передана А. А. Жандру, мы опять въ точности не знаемъ. Можно только приблизительно догадываться, что не раньше осени 1824 года, именно въ виду обширности и длительности текстуальныхъ перестроекъ.

Къ осени 1824 г. относятся новыя хлопоты Грибоѣдова о проведеніи „Горя отъ ума чрезъ цензуру [1]). Одновременно Ѳ. В. Булгаринъ хлопоталъ о составленіи и цензурномъ разрѣшеніи альманаха „Русская Талія“. 15 ноября альманахъ былъ разрѣшенъ цензурою [2]); въ немъ были напечатаны

---

[1]) Объ этомъ сохранились указанія въ письмѣ Грибоѣдова къ Н. И. Гречу отъ 24 октября 1824 г. „Вѣстникъ Всемірной Исторіи“ 1900, № 6, стр. 87—88 (сообщ. И. А. Шляпкинымъ).

[2]) Хлопоты по нему стоили многихъ трудовъ и тянулись очень долго. Въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія дѣло объ альманахѣ началось еще 16 іюля 1824 г. Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, дѣла Главнаго Управленія Цензуры 1824, № 111. Ср. „Новое Время“ 1909, № 12125.

явленія 7—10-е перваго дѣйствія и весь третій актъ „Горя отъ ума“ [1]). Въ какомъ отношеніи этотъ первопечатный текстъ стоитъ къ Жандровской рукописи? Свѣдѣній о внѣшней его исторіи мы не имѣемъ ни въ письмахъ Грибоѣдова, ни въ показаніяхъ современниковъ, и отвѣта на поставленный вопросъ приходится искать въ сравнительномъ анализѣ двухъ текстовъ.

Сопоставленіе ихъ сразу обнаруживаетъ, что Грибоѣдовъ сообщилъ Булгарину для альманаха текстъ „Горя отъ ума“ послѣ того, какъ закончилъ всѣ исправленія Жандровской рукописи. Въ „Русской Таліи“ текстъ воспроизведенъ въ той редакціи, какую придалъ ему авторъ этими исправленіями [2]). Изъ немногочисленныхъ разночтеній два—три случайны. Въ третьемъ дѣйствіи, явленіе первое, стихи 91—95 по Жандровской рукописи читаются такъ:

Чацкій. Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
А чаще съ ними я скучаю.
Софья. Напрасно: это все относится къ другимъ,
Молчалинъ вамъ наскучилъ бы едва-ли,
Когда бъ сошлись короче съ нимъ.

Въ альманашномъ текстѣ разночтеніе: „Напрасно это вы относите къ другимъ“. Въ такомъ видѣ фраза теряетъ смыслъ и связь съ контекстомъ; и всего скорѣе, что она есть просто корректурное искаженіе жандровской редакціи; въ позднѣйшемъ, Булгаринскомъ спискѣ она читается

---

[1]) „Руская Талія, подарокъ любителямъ и любительницамъ отечественнаго театра на 1825 годъ. Издалъ Ѳаддей Булгаринъ. СПБ. 1825“. Стр. 257—316: Изъ комедіи „Горе отъ ума“.

[2]) Ср. стихи 350—351, 425, 431 — 432 перваго дѣйствія и 46, 224, 292, 305, 325 — 326, 392, 409 — 410, 595 третьяго дѣйствія по Жандровской рукописи съ соотвѣтствующими мѣстами въ текстѣ „Русской Таліи“. Слѣдуетъ оговориться, что въ альманахѣ текстъ напечатанъ съ большими цензурными изъятіями и передѣлками; это слѣдуетъ имѣть въ виду при сопоставленіяхъ.

такъ же, какъ у Жандра [1]). Въ шестомъ явленіи того же дѣйствія, къ репликѣ Горича „сейчасъ“ (стих. 282-ой по Жандровской рукописи) дана въ альманахѣ ремарка: „равнодушно“, тогда какъ и въ раннемъ музейномъ, и въ позднѣйшемъ булгаринскомъ текстѣ „хладнокровно“ (въ соотвѣтствіи съ такой же буквально ремаркой при словахъ Горича въ IV-мъ дѣйствіи явленіе 2-ое: „Балъ вещь хорошая, неволято горька“). Въ 13-мъ явленіи, въ ремаркѣ, въ Жандровской рукописи стояло: „Чацкій, Софія и нѣсколько постороннихъ, которые въ продолженіи расходятся“. Въ „Русской Таліи“ вставка: „въ продолженіе сцены“, которая, однако, вновь изчезла изъ Булгаринскаго списка.

Зато въ первопечатномъ текстѣ есть одна вставка, имѣющая литературную цѣнность и закрѣпленная въ позднѣйшемъ текстѣ. Въ бесѣдѣ Чацкаго съ Софьей въ первомъ явленіи третьяго дѣйствія, на вопросъ Александра Андреевича: „кто болѣе вамъ милъ?“ Софья отвѣчала, по первоначальному тексту Жандровской рукописи: „Вотъ спросы пречудные“. Эта фраза тамъ перечеркнута Грибоѣдовымъ и сверху надписано: „Родные“. Но и такая поправка неудовлетворила автора, и въ текстѣ „Русской Таліи“ уже находимъ: „Есть многіе, родные“... Въ такомъ видѣ отвѣтъ Софьи воспроизведенъ и въ Булгаринскомъ спискѣ.

Итакъ, содержаніе альманашнаго текста почти буквально совпадаетъ съ окончательнымъ текстомъ Жандровской рукописи и является его воспроизведеніемъ. Но подлинная грибоѣдовская орѳографія и пунктуація подверглась переработкѣ и во многихъ случаяхъ замѣнена шаблонной корректорской. Поэтому для читателей пропадали многія характерныя особенности говора и произношенія и оттѣнки въ интонаціяхъ

[1]) Правилъ ли Грибоѣдовъ самъ корректуры „Русской Таліи“, неизвѣстно; всего скорѣе—нѣтъ, такъ какъ иначе онъ отстоялъ бы свою, весьма характерную и настойчиво имъ проводимую всюду, пунктуацію.

дѣйствующихъ лицъ, подсказывавшіеся своеобразной постановкой знаковъ препинанія [1]).

Появленіе въ печати отрывковъ „Горя отъ ума“ въ 1825 г. только способствовало распространенію рукописныхъ копій комедіи, такъ какъ читатели сразу увидѣли, какимъ жестокимъ сокращеніямъ подвергается печатный текстъ. До насъ дошло много списковъ, помѣченныхъ именно 1825 годомъ. Большинство изъ нихъ ничтожно по своему значенію, такъ какъ это все „копіи съ перекопіи“, какъ говорили въ старину. Для дальнѣйшей текстуальной исторіи „Горя отъ ума“ важнѣйшее значеніе имѣлъ бы собственный „манускриптъ“ Грибоѣдова, оставшійся въ его распоряженіи послѣ того, какъ Жандровская рукопись перешла отъ поэта въ руки новаго владѣльца, давшаго ей свое имя. Но „манускриптъ“ погибъ для насъ, какъ отмѣчено выше (стр. XL), и самый близкій по времени къ Жандровской рукописи и первопечатному тексту—и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній авторизованный Грибоѣдовымъ текстъ—есть Булгаринскій списокъ 1828 года.

Насколько велика для насъ потеря „манускрипта“, посредствующаго между 1824 и 1828 годами? Испытало ли „Горе отъ ума“ за эти четыре года новыя измѣненія, подобныя тѣмъ, какія такъ отличаютъ Жандровскую рукопись отъ Музейнаго автографа? Систематическое сравненіе Булгаринскаго списка съ Жандровской рукописью отвѣтитъ на этотъ вопросъ.

Какъ мы помнимъ, одно время Булгаринскій списокъ былъ очень популяренъ среди издателей и надолго затмилъ и оттѣснилъ въ сторону Жандровскую рукопись. Его слава однако сильно померкла съ тѣхъ поръ, какъ И. Д. Гарусовъ выпустилъ въ 1875 году свое извѣстное комментированное изданіе „Горя отъ ума“. Въ этомъ изданіи Гарусовъ воспроизвелъ текстъ комедіи по копіи, которую онъ сдѣлалъ еще въ

[1]) Ср., напр., стихи 44, 162, 181—184, 191, 414 третьяго дѣйствія въ Жандровской рукописи съ соотвѣтствующими стихами въ „Русской Таліи“.

ранней юности, неопытной рукой, съ рукописи, принадлежавшей Авдотьѣ Дмитріевнѣ Юматовой, и бывшей, въ свою очередь, копіей съ рукописи, хранившейся въ московскомъ семействѣ Лопухиныхъ и будто бы исправленной самимъ Грибоѣдовымъ. Самъ Гарусовъ слѣпо вѣрилъ въ превосходство своего, Гарусовскаго, списка надъ всѣми другими и настойчиво его пропагандировалъ; въ своемъ изданіи онъ помѣстилъ подробное библіографическое описаніе предшествовавшихъ печатныхъ изданій и нѣкоторыхъ рукописей „Горя отъ ума"; въ примѣчаніяхъ къ тексту сопоставлены многочисленныя разночтенія; наконецъ даны обильные литературные и реальные комментаріи. Все это создало Гарусову репутацію знатока Грибоѣдова и подчинило его вліянію даже самыхъ выдающихся позднѣйшихъ изслѣдователей: Алексѣя Н. Веселовскаго, И. А. Шляпкина, В. Е. Якушкина [1]).

Между тѣмъ ни собственная скудная научная подготовка Гарусова, ни запутанная исторія Гарусовскаго списка, ни особенности его текста—не должны бы были внушать такого довѣрія. Въ своихъ литературныхъ пріемахъ Гарусовъ былъ наивный и малосвѣдующій самоучка; онъ никогда не изучалъ никакихъ автографовъ Грибоѣдова и едва ли даже былъ знакомъ съ его почерками; Музейнаго автографа и Жандровской рукописи онъ совсѣмъ не видѣлъ. Разсказанная имъ исторія его списка свидѣтельствуетъ, что онъ не зналъ самыхъ крупныхъ моментовъ въ созданіи „Горя отъ ума". Онъ увѣрялъ, что текстъ его списка былъ вполнѣ законченъ

[1]) А. Н. Веселовскій въ своемъ первомъ изданіи сочиненій Грибоѣдова („Русская Библіотека", 1875) включилъ въ текстъ изъ Гарусовскаго списка фальсифицированныя вставки въ монологѣ Хлёстовой (во второмъ изданіи, 1878 г., впрочемъ, онѣ вынесены въ примѣчанія). И. А. Шляпкинъ тоже принималъ эти фальсификаты на вѣру, считая ихъ подлинной „ранней" редакціей. Даже В. Е. Якушкинъ, которому уже были вполнѣ доступны Музейный автографъ и Жандровская рукопись, разоблачающіе подложность гарусовскихъ варіантовъ, все еще считался всерьезъ съ „варьянтами" Гарусовскаго списка.

Грибоѣдовымъ „въ началѣ 1823 г.“, а мы знаемъ, что когда Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Москву въ мартѣ этого года, у него были написаны вчернѣ только два первыхъ акта комедіи, вторые же два писаны лѣтомъ въ деревнѣ Бѣгичева и стали извѣстны въ Москвѣ въ первоначальной редакціи только осенью 1823 г. Гарусовъ даже и не подозрѣвалъ, что въ московскомъ текстѣ 1823 года совсѣмъ не было сцены объясненія Молчалина и Лизы въ IV-мъ дѣйствіи, которая однако имѣется въ Гарусовскомъ спискѣ. Огромная вставка въ монологѣ Хлёстовой въ 10-мъ явленіи III-го дѣйствія, которой Гарусовъ особенно гордился, какъ драгоцѣнной особенностью своего списка, есть несомнѣнная фальсификація, отвергаемая всѣми авторизованными рукописями и первопечатнымъ текстомъ „Горя отъ ума“ [1]). Слѣпо вѣря своему странному, недостовѣрному списку, И. Д. Гарусовъ съ нетерпимостью и ревностью фанатика относился ко всѣмъ текстамъ комедіи, разногласившимъ съ Гарусовскимъ. Не зная ни Музейнаго автографа, ни Жандровской рукописи, онъ единственнымъ опаснымъ конкурентомъ своему списку считалъ Булгаринскій списокъ, который изучилъ непосредственно по рукописи. Въ своемъ изданіи Гарусовъ полемизируетъ противъ этого списка, но главнымъ средствомъ обличить его недостовѣрность онъ считалъ буквальное воспроизведеніе его въ печати. Въ приложеніи къ своему изданію онъ и помѣстилъ текстъ Булгаринскаго списка, снабдивъ его такимъ ироническимъ преду-

[1]) Подробная оцѣнка Гарусовскаго списка не входитъ въ нашу задачу; она дана во второмъ томѣ академическаго изданія сочиненій Грибоѣдова. Отмѣтимъ здѣсь, что вставки въ III дѣйствіи, безобразныя въ эстетическомъ отношеніи и совершенно недостовѣрныя въ текстуальномъ, наблюдаются не только въ Гарусовскомъ, но и въ другихъ спискахъ. Недавно подобныя поддѣлки въ одной старинной рукописи „Горя отъ ума“ опубликовалъ (и тоже съ полнымъ довѣріемъ къ своему открытію) А. А. Дунинъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ 1908, №№ 10857 и 10859.

вѣдомленіемъ: „приводя текстъ съ буквальною точностью, мы не дѣлаемъ ни выводовъ, ни замѣчаній. На основаніи изрѣченія древнихъ: sapienti sat,—всякій самъ легко можетъ разрѣшить вопросъ: могла-ли когда-либо Булгаринская рукопись служить безспорнымъ образцомъ комедіи?“ Т.-е., предполагалъ несомнѣннымъ, что отвѣтъ будетъ отрицательный. Въ примѣчаніи къ тексту перваго акта Булгаринскаго списка Гарусовъ и самъ дѣлаетъ выводъ: „Принимать эту рукопись въ основу редакціонныхъ работъ при изданіи комедіи невозможно и не должно.“ Однако, теперь, съ появленіемъ въ печати Музейнаго и Жандровскаго текстовъ, всякому очевидно, что Булгаринскій списокъ весьма важенъ, въ высокой степени достовѣренъ и во многихъ случаяхъ является высшей инстанціей для рѣшенія текстуальныхъ споровъ. Слѣдуетъ еще оговориться, что воспроизведенъ онъ въ печати Гарусовымъ вовсе не съ буквальной точностью. Правда, Гарусовъ затратилъ много кропотливаго труда и добросовѣстности, стараясь воспроизводить въ неприкосновенности орѳографію и пунктуацію рукописи и оговаривая ея разнообразныя палеографическія особенности, но не остерегся отъ многихъ погрѣшностей, иногда очень крупныхъ. Такъ, въ репликѣ Софьи въ 11-мъ явленіи II-го дѣйствія въ рукописи стоитъ: „пошлемте къ доктору“, а у Гарусова напечатано: „пошлите къ доктору“; въ III-мъ дѣйствіи къ словамъ княгини Тугоуховской: „Князь, князь! назадъ!“ въ рукописи дана ремарка: „громко, что есть мочи“, а въ Гарусовскомъ изданіи она опущена; въ авторскую ремарку послѣ словъ Софьи къ Загорѣцкому: „Благодарю васъ за билетъ, а за старанье вдвое“ произвольно вставлено лишнее слово: „между тѣмъ временемъ Загорѣцкій отходитъ къ мущинамъ“; въ рукописи Загорѣцкій говоритъ: „хотя животные, а всетаки Цари“, а у Гарусова: „хоть и животные“; въ IV-мъ дѣйствіи, явл. 12-ое, въ репликѣ Лизы о Фамусовѣ, который „кормитъ и поитъ, а иногда и чиномъ подаритъ“,

послѣднее слово произвольно замѣнено въ печати другимъ: „наградитъ“ [1]).

Когда и какъ создавался Булгаринскій списокъ „Горя отъ ума“, мы опять въ точности не знаемъ. Можетъ быть, онъ былъ изготовленъ и хранился у Булгарина задолго до того момента, когда Грибоѣдовъ сдѣлалъ на его титульной страницѣ извѣстную надпись: „Горе мое поручаю Булгарину. Вѣрный другъ Грибоѣдовъ. 5 іюня 1828“. Это было наканунѣ отъѣзда Александра Сергѣевича на Востокъ (онъ выѣхалъ изъ Петербурга 6-го іюня), и объ этомъ моментѣ мы читаемъ въ одномъ письмѣ Ѳ. В. Булгарина: „Грибоѣдовъ, уѣзжая посланникомъ въ Персію, далъ мнѣ полное право распоряжаться сею комедіею и передалъ на нее право собственности собственноручною надписью на подлинной комедіи и особою формальною бумагою“; но при этомъ, „обѣщалъ отдать въ бенефисъ сію комедію тому изъ любимыхъ имъ актеровъ, который первый выхлопочетъ позволеніе играть оную; ибо ни онъ, ни я не успѣли въ этомъ при первой подачѣ комедіи въ цензуру. Мнѣ же поручено было напечатать послѣ представленія“ [2]). Но самый процессъ тщательной переписки огромной рукописи долженъ былъ взять много времени. Кромѣ того, на переписанный текстъ нанесено много мелкихъ поправокъ, что тоже требовало времени,—такъ что по однимъ этимъ соображеніямъ надо время написанія рукописи отодвинуть дальше отъ 5 іюня.

---

[1]) Другихъ погрѣшностей не указываемъ, такъ какъ это не входитъ въ нашу ближайшую задачу; подробности о печатномъ текстѣ Булгаринскаго списка см. во второмъ томѣ академическаго изданія сочиненій А. С. Грибоѣдова. Въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи мы пользуемся всегда подлинной Булгаринской рукописью, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[2]) Письмо *Ѳ. В. Булгарина* къ Михаилу Александровичу [Дондукову-Корсакову] изъ Спб. отъ 1 марта 1832 г. (изъ собранія автографовъ, принадлежащихъ Г. Н. Геннади). „Библіографическія Записки“ 1859, № 20, стбц. 621. „Формальная бумага“ Грибоѣдова до сихъ поръ не найдена.

Рукопись переписана однимъ четкимъ канцелярскимъ почеркомъ, чрезвычайно старательно, болѣе старательно чѣмъ даже Жандровская рукопись; переписчикъ рабски копировалъ свой оригиналъ и если и допустилъ нѣсколько оплошностей, имъ самимъ незамѣченныхъ, то таковыхъ совсѣмъ немного. Какъ упомянуто, на рукопись наброшена сѣть исправленій. Кѣмъ они нанесены? Гарусовъ категорически утверждаетъ, что—не Грибоѣдовымъ; но онъ совсѣмъ не зналъ почерковъ поэта и не можетъ быть здѣсь судьей. Слѣдуетъ замѣтить, что есть въ рукописи нѣсколько исправленій и помѣтокъ (чернымъ и синимъ карандашами), несомнѣнно, позднѣйшаго происхожденія; относительно огромнаго большинства другихъ (нанесенныхъ чернилами) невозможно съ увѣренностью утверждать, кому они принадлежатъ, такъ какъ это все знаки препинанія или отдѣльныя буквы, безхарактерныя по написанію. Но есть нѣсколько цѣлыхъ словъ, вписанныхъ въ текстъ, почеркъ коихъ несомнѣнно грибоѣдовскій. Такъ, напримѣръ, въ стихѣ: „Самъ погруженъ умомъ въ Зефирахъ и Амурахъ“ слово „у м о м ъ“, внесенное надъ строкою, обличаетъ почеркъ Грибоѣдова. То же надо сказать о двухъ репликахъ, Репетилова и Чацкаго, вставленныхъ въ 4-мъ явленіи IV-го дѣйствія: „Шумимъ, братецъ, шумимъ....—Шумите вы? и только?“ Отсюда можно заключать, что и многія другія исправленія—буквъ и пунктуаціи—принадлежатъ самому автору комедіи. Было бы странно, если бы Грибоѣдовъ, уѣзжая на Востокъ съ предчувствіями близкой смерти и поручая Булгарину судьбу лучшаго своего созданія, не просмотрѣлъ оставляемаго для сцены и печати текста. Правда, пересмотръ не былъ такимъ тщательнымъ, какъ это наблюдаемъ въ Жандровской рукописи; Грибоѣдовъ пропустилъ нѣсколько явныхъ погрѣшностей переписчика, которыя исправилъ бы непремѣнно при болѣе внимательномъ чтеніи, —но съ другой стороны, и матеріала для исправленій было немного: къ моменту пересмотра т е к с т ъ у ж е б ы л ъ

давно фиксированъ въ художественномъ сознаніи поэта.

Гарусовъ пренебрежительно указывалъ на безграмотность переписчика. Дѣйствительно, въ рукописи встрѣчаются грубыя ошибки; но онѣ самоочевидны, не могутъ вводить въ заблужденіе, а потому и не опасны. Съ другой стороны, многое, что Гарусовымъ ставилось на счетъ переписчику, слѣдуетъ отнести къ своеобразіямъ правописанія самого Грибоѣдова, что теперь весьма легко установить, сопоставляя Булгаринскій списокъ съ Музейнымъ автографомъ и Жандровской рукописью. Это сопоставленіе обнаруживаетъ, что Булгаринскій списокъ такъ буквально близокъ къ Жандровской рукописи, что если бы не два-три характерныхъ разночтенія, можно было бы утверждать, что онъ копированъ съ нея. Въ текстуальномъ отношеніи Грибоѣдовъ не произвелъ ни одного измѣненія, не прибавилъ и не убавилъ ни одного стиха, не перемѣнилъ ни одной риѳмы, не переставилъ словъ, словомъ, оставилъ текстъ Жандровской рукописи въ новомъ спискѣ въ полной неприкосновенности. Но особенно показательны пунктуація и орѳографія — и для автора и для переписчика. Всѣ характерныя особенности грибоѣдовскаго письма строго соблюдены: то же обиліе восклицательныхъ и вопросительныхъ знаковъ—двойныхъ и тройныхъ; тѣ же непремѣнныя тире въ концѣ стиховъ, обильныя многоточія, даже такія странности, какъ запятая или двоеточіе въ концѣ реплики. И тѣ же формы живого языка: раде (и ради), два дни,—на ряду съ такими условностями, какъ—другій, иный, седьмисотъ и проч. Сохранены даже такія особенности Жандровскаго текста, какъ: „къ прихмахеру“.

Есть, однако, и разночтенія. Нѣкоторыя изъ нихъ случайны и несущественны. Такъ, въ Булгаринскомъ спискѣ пропущены нѣкоторыя авторскія ремарки: въ I-мъ дѣйствіи къ стиху 56 (Фамусовъ): „торопливо“; къ стиху 303: „уходитъ“, къ стиху

448: „ей въ слѣдъ вполголоса“ [1]). Въ перечняхъ дѣйствующихъ лицъ того или другого явленія отдѣльныя имена варьируютъ: то съ отчествомъ, то наоборотъ, безъ отчества; напр., въ 6-мъ явленіи I дѣйствія, въ Булгаринскомъ спискѣ „Софія,“ а въ Жандровской рукописи—„Софія Павловна“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ „славяно-русскія“ особенности языка сглажены въ Булгаринской рукописи: „седьмой, осьмой“ (I, 1), хотя во многихъ другихъ случаяхъ сохранены. Обо всѣхъ такихъ разногласіяхъ—ихъ вообще немного—трудно сказать, кѣмъ они созданы: авторомъ или переписчикомъ; всего вѣроятнѣе послѣднее. Но имѣются два-три случая, когда въ варьянтѣ чувствуется авторская рука.

Въ афишѣ Жандровской рукописи Наталья Дмитріевна названа „молоденькой дамой“, а въ ремаркѣ 5-го явленія III-го дѣйствія: „молодая дамочька“. Въ Булгаринскомъ спискѣ въ обоихъ случаяхъ уже: „молодая дама“—въ соотвѣтствіи съ первопечатнымъ текстомъ „Таліи“. Въ 7-мъ явленіи I-го дѣйствія Чацкій говорилъ Софьѣ по Жандровской рукописи: „Или вашъ батюшка съ мадамой за пикетомъ“; то же читаемъ въ текстѣ „Русской Таліи“. Неловкое начало замѣнено въ Булгаринскомъ спискѣ другимъ: „А тутъ вашъ батюшка“, отъ чего очень выигрываетъ построеніе всего періода. Есть еще одна замѣна, эстетически безразличная: въ IV-мъ дѣйствіи Лиза говоритъ Молчалину про Фамусова: „а иногда и чиномъ подаритъ“ (наградитъ, въ Жандровской рукописи).

Въ сущности, и всѣ замѣны второй категоріи очень незначительны [2]), и изъ сопоставленія Булгаринской рукописи съ Жандровскимъ спискомъ становится очевидно, что творческая фантазія поэта кристаллизировалась, замкнулась въ твердыя

[1]) Вполнѣ возможно, что это—пропуски переписчика, незамѣченные авторомъ при пересмотрѣ рукописи.

[2]) Въ частности, послѣдній изъ приведенныхъ варьянтовъ, несомнѣнно такъ же случаенъ, какъ слово „фамильная“, замѣнившее слово „фальшивая“ и вновь замѣненное этимъ послѣднимъ; см. выше, стр. LV.

формы. На протяженіи четырехъ лѣтъ, отъ Жандровской рукописи чрезъ первопечатные фрагменты къ Булгаринскому списку, текстъ „Горя отъ ума“ оставался неизмѣннымъ. Передавая Булгарину рукопись комедіи въ іюнѣ 1828 года, Грибоѣдовъ, конечно, оставилъ и у себя другой экземпляръ ея. Допустимо теоретически, что въ оставшіеся немногіе мѣсяцы жизни, въ минуты рѣдкаго уже тогда досуга, Грибоѣдовъ пересматривалъ вновь свое твореніе и сдѣлалъ на рукописи какія либо отмѣтки; она, однако, погибла, и объ этихъ помѣтахъ мы ничего не знаемъ. Впрочемъ съ глубокой увѣренностью можно утверждать, что существенныхъ измѣненій текстъ тогда не испыталъ и не могъ уже испытать. И теперь, имѣя за собою обильныя фактическія данныя, мы можемъ подвести общіе итоги.

Біографическая традиція первые замыслы комедіи возводила къ юношеской порѣ поэта. Въ первое пребываніе въ Персіи эти замыслы окрѣпли и потомъ въ Грузіи, въ 1821—1822 годахъ, впервые приняли осязательную форму. Въ 1823 г. первые два акта были привезены въ Москву, и изъ разсказа Бѣгичева мы знаемъ, какъ колебался еще тогда Грибоѣдовъ въ своихъ построеніяхъ. Потомъ написаны были третій и четвертый акты, и съ осени 1823 года, съ возникновеніемъ Музейнаго автографа, для насъ начинается текстуальная исторія „Горя отъ ума“. Какъ мы знаемъ, на основной текстъ автографа нанесены обильные варьянты, такъ что въ одной рукописи мы наблюдаемъ разные моменты творчества. Затѣмъ въ нашихъ познаніяхъ остается пробѣлъ: за исчезновеніемъ „брульоновъ“ мы не можетъ возстановить во всей полнотѣ редакцію комедіи, посредствующую между автографомъ и Жандровской рукописью. Однако, анализъ этой послѣдней позволяетъ установить значительную художническую работу, скрытую въ погибшихъ „брульонахъ“ и прикрѣпить именно къ нимъ одинъ оригинальный варьянтъ послѣдняго монолога Чацкаго, донесенный до насъ рукописной тради-

ціей. Въ самой Жандровской рукописи мы легко различаемъ два момента: основной текстъ, переданный переписчикомъ, и окончательную редакцію, приданную тексту рукою автора. Этимъ послѣднимъ моментомъ и замыкается творческій путь „Горя отъ ума“. Съ марта 1823 года, когда поэтъ впервые прочелъ Бѣгичеву первый актъ и сжегъ его первую редакцію, и до іюня—іюля 1824 г., когда фиксировался Жандровскій текстъ, Грибоѣдовъ проявилъ необычайный подъемъ творчества; какъ мы знаемъ, возбужденіе поэтической фантазіи было столь велико, что поэтъ нерѣдко импровизировалъ, читая комедію въ литературныхъ кружкахъ; вдохновеніе посѣщало его порой внезапно (напр., на переѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ) и тогда стихи „сыпались искрами“. Но съ завершеніемъ Жандровскаго текста творческіе порывы улеглись, и первопечатный текстъ „Русской Таліи“ и затѣмъ Булгаринскій списокъ не прибавили ни одной новой черты къ художественному облику „Горя отъ ума“.

Но если для исторіи внутренняго роста комедіи Булгаринскій списокъ не даетъ уже ничего новаго, зато онъ весьма цѣненъ для установленія дефинитивнаго текста „Горя отъ ума“. Благодаря Гарусову и при скудныхъ прежде познаніяхъ въ текстуальной исторіи комедіи, въ литературныхъ кругахъ сложился пессимистическій взглядъ на достовѣрность ея окончательнаго текста [1]). Музейный автографъ совсѣмъ не годился для роли дефинитивной редакціи; Жандровскую рукопись не знали и не изучали, а Булгаринскій списокъ былъ опороченъ въ своей достовѣрности. И казалось, что всякая печатная редакція текста будетъ произвольной и пестрой компиляціей. Теперь пессимизмъ долженъ разсѣяться: сравнительное изученіе трехъ главнѣйшихъ рукописей „Горя

---

[1]) Этотъ взглядъ нашелъ себѣ прямое и искреннее выраженіе въ признаніи одного изъ издателей „Горя отъ ума“, Ю. Э. Озаровскаго, въ его изданіи 1905 г., стр. 3—5.

отъ ума“ позволяетъ установить дефинитивный текстъ съ неменьшей достовѣрностью, какъ если бы комедія вся, и безъ цензурныхъ вторженій, была напечатана при жизни автора. Колебанія теперь возможны только въ двухъ—трехъ словахъ изо всего текста, да еще въ нѣсколькихъ случаяхъ съ пунктуаціей и орѳографіей.

При этомъ Жандровская рукопись и Булгаринскій списокъ оказываютъ другъ другу взаимную услугу: авторизованная въ большей степени, рукопись подтверждаетъ высокую достовѣрность списка, а позднѣйшій по времени списокъ свидѣтельствуетъ, что поэтъ замкнулъ кругъ творческихъ усилій Жандровскою рукописью.

Н. Пиксановъ.

ТЕКСТЪ ЖАНДРОВСКОЙ РУКОПИСИ.

Горе отъ ума.

Комедія

Въ 4-хъ Дѣйствіяхъ въ стихахъ

С. 2.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ

Павелъ Аѳонасьевичь Фамусовъ Управляющій въ Казенномъ мѣстѣ.

Софья Павловна, дочь его.

Лизанька Служанка

Алексѣй Степановичь Молчалинъ Секретарь фамусова живущій у него въ домѣ.

Александръ Андрѣевичь Чацкій.

Полковникъ Скалазубъ, Сергей Сергѣевичь.

Наталья Дмитревна Молодинькая дама } Горичевы

Платонъ Михайловичь Мужъ Ея }

Князь Тугоуховскій и

Княгиня Жена его съ шестью дочерями

Графиня Бабушка Хрюмина

Графиня Внучька

С. 3. Антонъ Антоновичь Загарѣцкій.

Старуха Хлёстова, Своячиница фамусова.

Г N*

Г Д*

Репетиловъ

Петрушка и несколько говорящихъ слугъ.

Множество Гостей всякаго разбора и ихъ Лакеевъ при разъѣздѣ.

Оффиціянты фамусова.

Дѣйствіе въ Москвѣ въ домѣ фамусова

С. 4.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-Е

Гостиная въ ней большіе часы, съ права дверь въ Спальню Софіи, откудова слышно фортопіяно съ флейтою, которыя потомъ умолкаютъ. Лизанька середи комнаты спитъ свѣсившись съ креселъ.

(Утро, чуть день брежжется.)

Лизанька

(вдругъ просыпается, встаетъ съ креселъ, оглядывается)

Свѣтаетъ!... Ахъ! какъ скоро ночь минула!
вчера просилась спать: — отказъ.
„ждемъ друга“.—, нуженъ глазъ, да глазъ,
не скатишься со стула
Не спи, покудова ~~не снимутъ караула~~
Теперь вотъ только, что вздремнула
Ужь день!... Сказать имъ,
С. 5. (стучится къ Софіи)
Господа,
Эй Софья Павловна, бѣда.
Зашла бесѣда ваша зà ночь:
вы глухи? — Алексѣй Степаночь.
Сударыня!... — И страхъ ихъ не беретъ!
(отходитъ отъ дверей)
Ну гость неприглашенной,
Быть можетъ батюшка войдетъ!

Прошу служить у барышнѣ влюбленной!
(опять къ дверямъ)
Да расходитесь. Утро. — Что съ?
Который Часъ? (Голосъ Софіи)

Лизынька

Все въ домѣ поднялось

Софія (Изъ Своей Комнаты)

С. 6. Который Часъ?

Лизанька.

Седьмый, Осьмый, девятый.

Софія (Оттудоваже)

Неправда

Лизанька. (прочь отъ дверей)

Ахъ! Амуръ проклятый!
И слышутъ, не хотятъ понять,
~~Ни вѣрить нехотятъ, ни слышать, ни видать.~~
Ну чтобы ставни имъ отнять?
Переведу часы, хоть знаю будетъ гонка,
Заставлю ихъ играть
(лезитъ настулъ, передвигаетъ стрѣлку,
Часы бьютъ и играютъ)

С. 7.

ЯВЛЕНІЕ 2-Е

Лиза, и Фамусовъ

Лиза

Ахъ! баринъ!

Фамусовъ

Баринъ, да.
(Останавливаетъ Часовую Музыку)
Вѣдь экая Шалунья ты дѣвченка.
не могъ придумать я, что это забѣда!
То флейта слышится, то будто фортопіяно;
Для Софьи слишкомъ было-бъ рано??...

Лиза

Нѣтъ сударь, я... Лишъ не взначай....

Фамусовъ

Вотъ то-то невзначай, за вами примѣчай;
Такъ вѣрно съ умысломъ. (жмется къней и за игрываетъ)
С. 8. Охъ! зельи, баловницы

Лиза

Вы баловникъ, къ лицуль вамъ эти лицы!

Фамусовъ

Скромна, а ничего кромѣ
Проказъ и вѣтру на умѣ.

Лиза

Пустите вѣтренники Сами,
Опомнитесь, вы старики....

Фмсвъ

Почти.

Лиза

Ну кто придетъ, куда мы съ вами?

Фмсвъ

Кому сюда придти?
Вѣдь Софія спитъ?

С. 9.

Лиза

Сей часъ започивала

Фмсвъ

Сей Часъ! А ночь?

Лиза

ночь цѣлую читала

Фмсвъ

Вишь прихоти какія завелись!

Лиза

Все по французски, вслухъ, читаетъ запершись.

Фмсвъ.

Скажи-ка, что глаза ей портить негодится,
И въ Чтеньи прокъ-отъ невеликъ:
Ей сна нѣтъ отъ французскихъ Книгъ,
А мнѣ отъ русскихъ больно спится.

Лиза

С. 10. Что встанетъ, доложусь,
Извольте-же идти, разбудете боюсь

Фмсвъ

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь кварталъ симфонію гремишь.

Лиза (какъ можно громче)

да полноте-съ

Фамусовъ. (зажимаетъ ей ротъ)

Помилуй какъ кричишь
съ ума ты сходишь,!

Лиза

Боюсь что-бы невышло изъ того------

Фмсвъ

Чего?

Лиза

Пора, сударь вамъ знать, вы неребенокъ,
У дѣвушекъ сонъ утренній ~~к~~*т*акъ тонокъ,
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешъ:
Все слышутъ....

С. 11.

Фмсвъ

Все ты лжешь.

Голосъ Софіи

Эй Лиза!

Фмсвъ торопливо

Тсъ! (крадется вонъ изъкомнаты на цыпочкахъ)

Лиза. одна

Ушелъ.--- Ахъ! отъ Господъ подалѣй,
У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовь,
Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ, и барская Любовь.

ЯВЛЕНІЕ 3-Е

Лиза. Софія. со свѣчкою, за ней Молчалинъ

Софія

Что Лиза на тебя напало?
Шумишъ.....

Лиза

Конечно вамъ разстаться тяжело?
до свѣта запершись, и кажется все мало?

С. 12.

Софія

Ахъ въ самомъ дѣлѣ разсвѣло!
(тушитъ свѣчу.)
И свѣтъ и грусть. Какъ быстры ночи!

Лиза

Тужите знай, со стороны нѣтъ мочи,
Сюда вашъ батюшка зашелъ, я обмерла,
Вертѣлась передъ нимъ, не помню, что врала,
Ну что-же стали-вы? Поклонъ, сударь, отвѣсьтѣ
Подите, сердце не на мѣстѣ,
взгляните-ка
Смотрите на часы, ~~повыгляньте~~ въ окно:
Валитъ народъ по улицамъ давно
А въ домѣ стукъ, ходьба, метутъ иубираютъ.

Софія

Щастливые часовъ ненаблюдаютъ.

Лиза

Не наблюдайте, ваша власть,
А что въ отвѣтъ за васъ конечно мнѣ попасть

С. 13. Софія. (Молчалину.)

Идите; цѣлый день еще потерпимъ скуку.

Лиза

Богъ съ вами-съ, прочь возьмите руку.
(разводитъ ихъ, Молчалинъ въ дверяхъ сталкивается съ фамусовымъ)

ЯВЛЕНІЕ 4-Е

Софія Лиза, Молчалинъ, Фамусовъ

Фамусовъ

Что за Оказія! Молчалинъ, ты братъ?

Молчалинъ

я—съ.

Фамсовъ

За чѣмъ же здѣсь? и въ етотъ часъ?
И Софья!... Здравствуй Софья, что ты?
Такъ рано поднялась! а? для какой заботы?
И какъ васъ богъ не въ пору вмѣстѣ свелъ?

С 14. Софія

Онъ только, что теперь вошелъ.

Молчалинъ.

Сей Часъ съ прогулки.

Фмсвъ

Другъ. Нельзя-ли для прогулокъ
Подальше ~~гдѣ нибудь по~~выбрать закаулокъ?
А ты Сударыня, чуть изъ постели прыгъ,
Съ мущиной! съ молодымъ!—Занятье для дѣвицы!

Всю ночь читаетъ небылицы,
И вотъ плоды отъ Этихъ Книгъ!
А все Кузнецкій Мостъ, и вѣчные французы,
Оттуда моды къ намъ, и Авторы, и Музы:
Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ Шляпокъ ихъ! чепцевъ! и Шпилекъ! и булавокъ!
И Книжныхъ и бисквитныхъ Лавокъ! —

С. 15.

Софія

Позвольте батюшка, кружится голова,
Я отъ испуга и духъ перевожу едва,
Изволили вбѣжать вы такъ проворно,
Смѣшалась я.—

Фмсвъ

Благодарю покорно,
Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!
Я помѣшалъ! я испужалъ!
Я Софья Павловна, разстроенъ самъ, день цѣлый
Нѣтъ отдыха, мечусь какъ словно угорѣлый
Подолжности, по службѣ хлопотня,
Тотъ пристаетъ, другій, всѣмъ дѣло до меня!
Но ждалъ ли новыхъ я хлопотъ? Чтобы былъ обманутъ....

Софія. (Сквозь Слезы)

Кѣмъ батюшка?

Фмсвъ

Вотъ попрекать мнѣ станутъ,

С. 16.

Что безъ толку всегда журю.

Неплачь, я дѣло говорю:
Ужь Объ твоемъ ли нерадѣли,
Объ воспитаньи! съ колыбели!
Мать умерла: умѣлъ я принанять
Въ Мадамъ Розье вторую мать.
Старушку золото въ надзоръ къ тебѣ приставилъ:
Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ правилъ.
Одно не къ чести служитъ ей:
За Лишнихъ въ годъ пять сотъ рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не въ Мадамѣ сила.
Не надобно инаго образца,
Когда въ глазахъ примѣръ отца.
Смотри ты на меня: нехвастаю сложеньемъ;
Однако бодръ и свѣжь, и дожилъ до сѣдинъ,
Свободенъ, вдовъ, себѣ я господинъ.—.....
Монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ!....

С. 17. Лиза

Осмѣлюсь я сударь.....

Фмсвъ

Молчать:
Ужасный вѣкъ! Незнаешъ что начать!
Всѣ умудрились неполѣтамъ.
А пуще дочери, да сами добряки,
Дались намъ эти языки!
Беремъ-же по бродякъ, и въ домъ и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему

И танцамъ! и пѣнью! и нѣжостямъ! и вздохамъ!
Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ.
Ты посѣтитель что? Ты, здѣсь сударь, къ Чему?
Безроднаго пригрѣлъ и ввелъ въ мое семѣйство,
Далъ чинъ ассесора, и взялъ въ секретари,
Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство;
И будь не я, коптѣлъ бы ты въ Твери.

С. 18.

Софія

Я гнѣва вашего ни какъ нерастолкую.
Онъ въ домѣ здѣсь живетъ, великая напасть!
Шелъ въ комнату, попалъ въ другую.

Фмсвъ.

Попалъ или хотѣлъ попасть?
да вмѣстѣ вы зачѣмъ? Нельзя чтобы случайно.—

Софія

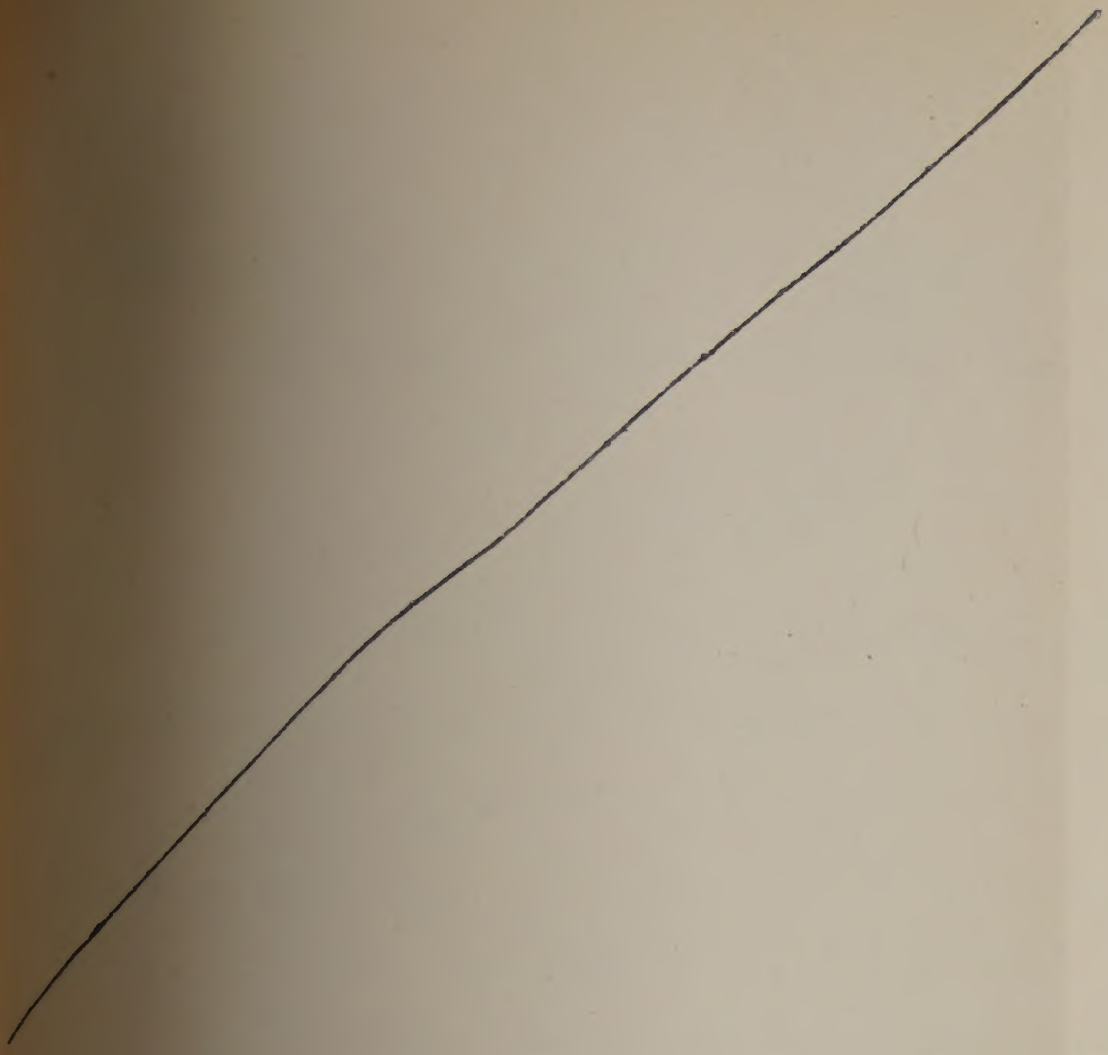
Вотъ въ чемъ однако случай весь:
Какъ давиче вы съ Лизой были здѣсь,
Перепугалъ меня вашъ голосъ чрезвычайно,
И бросилась сюда я со всѣхъ ногъ.-----

Фмсвъ

Пожалуй на меня ~~вину еще всю~~ *всю суматоху* сложитъ.
Не въ пору голосъ мой надѣлалъ имъ тревогъ!—

Софія

По смутномъ снѣ бездѣлица тревожитъ;
Сказать вамъ сонъ: поймете вы тогда,



Софія

Позвольте... видите-ль... Съ начала
Цвѣтистый лугъ; и я искала
Траву
Какую-то, невспомню наяву.
Вдругъ милый человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ кого мы
Увидимъ будто вѣкъ знакомы
Явился тутъ со мной; и вкрадчивъ, и умёнъ.
Но робокъ.... знаете, кто въ бѣдности рожденъ...

Страница 20-ая рукописи.

Фамусовъ.

Ахъ! Матушка, не довершай удара!
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.

Софія.

Потомъ пропало все: луга и небеса. —
Мы въ темной комнатѣ. Для довершенья чуда
Раскрылся полъ — и вы оттуда
Блѣдны, какъ смерть, и дыбомъ волоса!
Тутъ съ громомъ распахнули двери
Какіе-то не люди и не звѣри
Насъ въ рознь — и мучили сидѣвшаго со мной.
Онъ будто мнѣ дороже всѣхъ сокровищъ,
Хочу къ нему — вы тащите съ собой:

Страница 21-ая рукописи.

Фмсвъ

Что за Исторія?

С. 19.

Софія

Вамъ разсказать?

Фмсвъ

Ну да.
(садится)

~~Софія~~

~~Въ саду была; цвѣты безщетно тамъ пестрѣли~~
~~Искала я, мнѣ чудилось траву,~~
~~Какую то, не вспомню наяву.~~
~~Въ Ирисахъ, въ бархатцахъ, въ Левкояхъ и въ синели,~~
~~Да гдѣ ихъ всѣхъ назвать?~~
~~Изъ силъ я выбилась, и бросила искать,~~

Софія.

С. 20.

Позвольте.... видите-ль.... Съ начала
Цвѣтистый лугъ; и я искала
Траву,
Какую-то, невспомню на яву.
Вдругъ милый человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ кого мы
Увидимъ будто вѣкъ знакомы
Явился тутъ со мной; и вкрадчивъ, и умёнъ,
Но робокъ..... знаете, кто въ бѣдности рожденъ....

Фмсвъ.

С. 21.

Ахъ! Матушка, не довершай удара!
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.

Софія.

Потомъ пропало все: луна и небеса.—
Мы въ темной комнатѣ. Для довершенья чуд[а]
Раскрылся полъ и вы оттуда
Блѣдныхъ какъ смерть, и дыбомъ волоса!
Тутъ, съ громомъ распахнули двери
Какіе-то нелюди и не звѣри
Насъ въ рознь— и мучили сидѣвшаго со мной,
Онъ, будто мнѣ дороже всѣхъ сокровищъ,
Хочу къ нему— вы тащите съ собой
С. 22. Насъ провожаютъ стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ чудовищ[ъ]
Онъ въ слѣдъ Кричитъ!....—
Проснулась.— Кто-то говоритъ:
Вашъ голосъ, былъ, что думаю такъ рано?
Бѣгу сюда, и васъ обоихъ нахожу.

Фмсвъ.

Да. дуренъ сонъ, какъ погляжу
Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана:
страхи
И черти, и любовь, и ~~флейты~~ и цвѣты.
Ну Сударь мой, а ты?

Молчалинъ

Я слышалъ голосъ вашъ.

Фмсвъ

Забавно.

Дался имъ голосъ мой, и какъ себѣ исправно
Всѣмъ слышится, и всѣхъ сзываетъ до зари!
На голосъ мой спѣшилъ зачѣмъ же?— Говори.

С. 23. Молчалинъ

Съ бумагами-съ

Фмсвъ.

Да! ихъ недоставало.

Помилуйте, что это вдругъ припало

Усердье къ письменнымъ дѣламъ!

(встаетъ)

Ну, Сонюшка, тебѣ покой я дамъ:

Бываютъ страны сны, а на еву страннѣе,

Искала ты себѣ травы,

На друга набрела скорѣе.

Повыкинь вздоръ изъ Головы,

Гдѣ чудеса, тамъ мало складу

Поди-ка, лягъ, усни опять.

(~~Молчалину~~) (*Молчалину*)

Идемъ, бумаги разбирать

С. 24. Молчалинъ

несъ

Я только ихъ для докладу,

Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, безъ иныхъ,

Противуречья есть, и многое недѣльно.

Фмсвъ.

Боюсь сударь, я однаго смертельно,

Чтобъ множество ненакопилось ихъ;

Дай волю вамъ, оно бы и засѣло;

А у меня, что дѣло, что не дѣло

Обычай мой такой:

Подписано, такъ съ плечь долой.

Уходитъ съ Молчалинымъ, въ дверяхъ пропускаетъ его впередъ.

С. 25.

ЯВЛЕНІЕ 5-е

Софія, Лиза.

Лиза.

Ну вотъ у праздника! ну вотъ вамъ и потѣха,!
Однако нѣтъ, теперь ужь не до смѣха,
Въ глазахъ темно, и замерла душа;
Грѣхъ не бѣда, молва нехороша.

Софія

Что мнѣ молва? Кто хочетъ такъ и судитъ,
да батюшка задуматься принудитъ:
Брюзгливъ, не угомоненъ, скоръ,
Таковъ всегда, а съ этихъ поръ....
Ты можешъ посудить...

Лиза

Сужу-съ не порасказамъ;
Запретъ онъ васъ;— добро еще со мной,
А то помилуй богъ, какъ разомъ
Меня, Молчалина, и всѣхъ съ двора долой.

С. 26.

Софія

Подумаешъ; какъ щастье своенравно!
Бываетъ хуже, съ рукъ сойдетъ,
Когдажъ печальное ничто наумъ нейдетъ,
Забылись музыкой, и время шло такъ плавно,
Судьба насъ будто берегла,
Ни безпокойства, ни сомнѣнья...
А горе ждетъ изъ за угла

зятя онъ съ звѣздами да съ чинами

Желалъ-бы ~~онъ звѣзду на зятя~~,

А при звѣздахъ не всѣ богаты, между нами,

Ну разумѣется къ тому-бъ,

И деньги, чтобъ пожить, чтобъ могъ давать онъ балы,

Вотъ на примѣръ Полковникъ Скалозубъ,

И золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ генералы.

Софія

Куда какъ милъ! и весело мнѣ страхъ

Выслушивать о фрунтѣ и рядахъ,

Онъ слова умнаго невыговорилъ съ роду, —

~~Самъ на ряду со всѣми дураками.~~

Мнѣ все равно, что за него, что въ воду)

Лиза

~~Да-съ, правду молвить между нами,~~

[-съ, такъ сказать] Рѣчистъ, а больно нехитёръ;

Но будь военный, будь онъ Статскій,

Кто такъ чувствителенъ, и веселъ, и остеръ,

Какъ Александръ Андрѣичъ Чацкій!

Не для того, чтобъ васъ смутить,

Давно прошло, неворотить,

А помнится....

Страница 27-ая рукописи.

Лиза

Вотъ то-то-съ, моего вы глупаго сужденья
Нежалуете никогда:
Анъ вотъ бѣда.
На что вамъ лучшаго пророка?
Твердила я въ любви не будетъ въ этой прока
Ни во вѣки вѣковъ.
Какъ всѣ Московскіе вашъ батюшка таковъ:
зятя онъ съ звѣздами, да съ чинами.
С. 27. Желалъ-бы ~~онъ звѣзду на зятѣ,~~
ы,
А при звѣздахъ не всѣ богаты, *между нами,*
Ну разумѣется къ тому-бъ,
И деньги, чтобъ пожить, чтобъ могъ давать онъ балы,
Вотъ на примѣръ Полковникъ Скалазубъ,
И золотой мѣшокъ, и метитъ въ генералы.

Софія

Куда какъ милъ! и весело мнѣ страхъ
Выслушивать о фрунтѣ и рядахъ,
Онъ слова умнаго невыговорилъ съ роду,—
~~Самъ на ряду со всѣми дураками.~~
Мнѣ все равно, что за него, что въ воду.

Лиза

Да-съ, такъ сказать
Да-съ, правду молвить между нами,
р
Рѣчистъ, а больно нехитёръ;
Но будь военный, будь онъ Статскій,
Кто такъ чувствителенъ, и веселъ, и остеръ,
Какъ Александръ Андрѣичь Чацкій!
Не для того, чтобъ васъ смутить,

давно прошло, невороτить,
А помнится.....

С. 28.

Софія

Что помнится? Онъ славно
Пересмѣять умѣетъ всѣхъ,
Болтаетъ, шутитъ, мнѣ забавно,
Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ.

Лиза

И только? будто-бы? — Слезами обливался,
Я помню, бѣдный онъ, какъ съ вами разставался.—
живите-ка смѣясь
— Что Сударь плачете? ~~богъ неоставитъ васъ~~ —
А онъ въ отвѣтъ: — „Не даромъ, Лиза, плачу,
„Кому извѣстно что найду я воротясь?
„И сколько можетъ быть утрачу!“ —
Бѣдняшка будто зналъ, что года черезъ три.....

Софія.

Послушай, вольности ты лишней небери
Я очень вѣтрено быть можетъ поступила,
И знаю, ивинюсь, но гдѣ-же измѣнила?

С. 29.

Кому? Чтобъ укорять невѣрностью могли.
Да, съ Чацкимъ, правда, мы воспитаны, росли,
Привычька вмѣстѣ быть день каждый неразлучно
Связала дѣтскою насъ дружбой, но потомъ
Онъ съ ѣхалъ, ужь у насъ ему казалось скучно,
И рѣдко посѣщалъ нашъ домъ,
Потомъ опять прикинулся влюблённымъ,

Взыскательнымъ и огорчённымъ!!...
Остеръ, уменъ, краснорѣчивъ,
Въ друзьяхъ особенно щастливъ,
Вотъ объ себѣ задумалъ онъ высоко - - - - -
Охота странствовать напала на него,
Ахъ! естьли любитъ кто кого,
За Чѣмъ ума искать, и ѣздить такъ далёко?

Лиза

Гдѣ носится? въ какихъ краяхъ?
Лечился говорятъ, на кислыхъ онъ водахъ
Не отъ болезни чай, отъ скуки;—повольнѣе.

С. 30.

Софія

И вѣрно щастливъ тамъ, гдѣ люди посмѣшнѣе.
Кого люблю я не таковъ:
Молчалинъ, за другихъ себя забыть готовъ,
Врагъ дерзости, всегда застѣнчиво, несмѣло
Ночь цѣлую, съ кѣмъ можно такъ провесть!
Сидимъ, а на дворѣ давно ужь побелѣло,
Какъ думаешъ? чѣмъ заняты?

Лиза

Богъ вѣсть,
Сударыня, мое-ли это дѣло?

Софія

Возьметъ онъ руку, късердцу жметъ,
Изъ глубины души вздохнетъ,
Ни слова вольнаго, и такъ вся ночь проходитъ,
Рука съ рукой, и глазъ съ меня не сводитъ.—

Смѣешься! Можно-ли! чѣмъ поводъ подала
Тебѣ я къ хохоту такому!

С. 31.

Лиза.

на умъ теперь пришла
Мнѣ-съ?.... ваша тетушка на мысли набрела,
Какъ молодый французъ сбѣжалъ у ней изъ дому.
Голубошка! хотѣла схоронить.
свою досаду, не съ умѣла:
Забыла волосы чернить,
И черезъ три дни поседѣла
(продолжаетъ хохотать)

Софія. (съ Огорченіемъ)

Вотъ такъ же обо мнѣ потомъ заговорятъ.—

Лиза.

Простите, право, какъ Богъ святъ,
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ дурацкій
Васъ нѣсколько развеселить помогъ.

ЯВЛЕНІЕ 6-е

Софія Павловна, Лиза, Слуга, занимъ Чацкій.

Слуга

Къ вамъ Александръ Андрѣичь Чацкій
(уходитъ

С. 32.

ЯВЛЕНІЕ 7-е

Софія—П-вна, Лиза, Чацкій.

Чацкій.

Чуть свѣтъ ужь на ногахъ! и я у вашихъ ногъ.
(съ жаромъ цѣлуетъ руку)
Ну поцѣлуйте же, неждали? Говорите

Чтожъ раде? Нѣтъ? Въ лице мнѣ посмотрите,
Удивлены? и только? вотъ пріемъ!
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто-бы вчера, вдвоемъ
Мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли,
Ни на валосъ любви! куда какъ хороши!
И мѣжду тѣмъ, невспомнюсь безъ души,
Я сорокъ пять часовъ глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше седьми сотъ пронесся вѣтеръ, буря,
И растворялся весь, и падалъ сколько разъ,—
И вотъ за подвиги награда!

С. 33.

Софія

Ахъ! Чацкій, я вамъ очень рада.

Чацкій.

Вы раде? Въ добрый часъ
Однако искренно, ктожь радуется эдокъ?
Мнѣ кажется, такъ напослѣдокъ.
Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ сѣбя.

Лизынька

Вотъ, сударь, естьлибы вы были за дверями,
Ей Богу! нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали васъ мы тутъ.
Сударыня скажите сами.—

Софія

Всегда, не только, что теперь.—

Не можете мнѣ сдѣлать вы упрёка,
Кто промелькнетъ, отворитъ дверь,
С. 34. Проѣздомъ, случаемъ, изъ чужи, изъ далёка:
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ,
Не повстрѣчалъ-ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ?

Чацкій

Положемте, что такъ.
Блаженъ кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ:—
Ахъ! Боже мой: ужь ли я здѣсь опять
Въ Москвѣ! у васъ! да какъ же васъ узнать!
Гдѣ время то? гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда бывало въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ тутъ и тамъ.
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ.
Или вашъ батюшка съ Мадамой за пикетомъ:
Мы въ темномъ уголкѣ и кажется что въ этомъ
Вы помните? вздрогнемъ, что скрипнетъ столикъ,
дверь....

Софія

Ребячество.

С. 35. Чацкій

Да-съ, а теперь
Въ семнадцать лѣтъ вы разцвѣли прелестно,
Не подражаемо, и это вамъ извѣстно,
И потому скромны, не смотрите на свѣтъ.
Невлюблены-ли вы? прошу мнѣ дать отвѣтъ,
Безъ думы, полноте смущаться.

Софія

Да хоть кого смутятъ
~~Какъ не смутиться мнѣ? отъ васъ нѣтъ оборонъ;~~
Вопросы быстрые, и любопытный взглядъ....
~~Обозрѣваете меня со всѣхъ сторонъ.~~

Чацкій

Помилуйте, не вамъ чему же удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два.
Тотъ сватался: — успѣлъ, а тотъ далъ промахъ.
Все тотъ же толкъ, и тѣжъ стихи въ Альбомахъ.

С. 36.

Софія.

Гоненье на Москву. Что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣжь лучше?

Чацкій.

Гдѣ насъ нѣтъ.

Ну что вашъ батюшка? все Англійскаго Клоба
Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ-ли свой вѣкъ?
А этотъ, какъ его, онъ Турокъ или Грекъ?
Тотъ черномазинькій, на ножкахъ журавлиныхъ,
Не знаю какъ его зовутъ,
Куда ни сунься: тутъ, какъ тутъ,
Въ столовыхъ и въ гостиныхъ.
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которыя съ полвѣка молодятся?

С. 37.

Родныхъ милльонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей Европой породнятся.

А наше солнышко? нашъ кладъ?
На лбу написано: Театръ и Маскерадъ,
Домъ зеленью раскрашенъ въ видѣ рощи,
Самъ толстъ, его артисты тощи,
На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ
За ширмами въ одной изъ комнатъ, посекретнѣй,
Былъ спрятанъ человѣкъ и щолкалъ соловьемъ,
Певѣцъ зимой погоды лѣтнѣй.
А тотъ чахоточный родня вамъ, книгамъ врагъ,
Въ ученный комитетъ, который поселился,
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ ни кто не зналъ, и не учился?
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой.
С. 38. Жить съ ними надоѣстъ и въ комъ не съищемъ пятенъ?
Когдажь пространствуешь, воротишься домой,
И дымъ Отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Софія.

Вотъ васъ-бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть.

Чацкій.

А тетушка? все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?
Ахъ! къ воспитанью перейдемъ,
Что нынче, такъ же, какъ издревле.
Хлопочатъ набирать учителей полки,
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?

С. 39. Не то, чтобы въ наукѣ далеки,
Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и Географомъ.
Нашъ Менторъ помните калпакъ его, халатъ,
Перстъ указательный, всѣ признаки ученья
Какъ наши робкіе тревожили умы,
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ Нѣмцевъ нѣтъ спасенья!—
А Гильоме, французъ, подбитый вѣтеркомъ?
Онъ неженатъ еще?—

Софія.

На комъ?

Чацкій

Хоть на какой ни будь княгинѣ
Пулхеріи Андрѣвнѣ на примѣръ?

С. 40. Софія.

Танцмейстеръ! можно-ли!

Чацкій.

Чтожъ? онъ икавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ,
А Гильоме...—Здѣсь нынче тонъ каковъ?
На съѣздахъ на большихъ по праздникамъ приходскимъ,
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ Нижегородскимъ?—

Софія.

Смѣсь языковъ?

Чацкій

Да, двухъ, безъ этаго нельзяжь.

Лиза

Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ.

С. 41. Чацкій.

Покрайнѣй мѣрѣ ненадутой.
Вотъ новости!—Я пользуюсь минутой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ,
И говорливъ, а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе. Гдѣ онъ кстати?
Еще-ли несломилъ безмолвія печати?
Бывало пѣсенокъ гдѣ новинькихъ тетрать
Увидитъ, пристаетъ: пожалуйте списать
онъ дойдетъ до степеней *хъ*
А впрочемъ, ~~быть ему у насъ въ людяхъ~~ извѣстнымъ~~ъ~~,
Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.—

Софія.

Не человѣкъ, змѣя! (въ сторону)
(громко и принужденно)
Хочу у васъ спросить

С. 42. Случалось-ли, чтобъ вы смѣясь? или въ печали?
Ошибкою? добро о комъ нибудь сказали?
Хоть нетеперь, а въ дѣтствѣ можетъ быть.
~~Когда пора была безвреднѣйшимъ забавамъ?—~~

Чацкій.

Когда все мягко такъ? и нѣжно, и незрѣло?
доброе вамъ дѣло
На что-же такъ давно? вотъ ~~доброты черта вамъ:~~

Звонками только что гремя,
И день и ночь по снѣговой пустынѣ,
Спѣшу къ вамъ голову сломя.
И какъ васъ нахожу? въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю!
Лице святѣйшей богомолки!...—
И все таки я васъ безъ памяти люблю.—
(Минутное молчаніе)
С. 43. Послушайте ужь-ли слова мои всѣ колки?
И клонятся къ чьему ни будь вреду?
Но естли такъ: умъ съ сердцемъ не въ ладу.
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду:
Велитежь мнѣ въ огонь: пойду какъ на обѣдъ:

Софія

Да, хорошо сгорите, естлижъ нѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ 8-Е

Софія П-вна, Лиза, Чацкій, Фамусовъ.

Фамусовъ

Вотъ и другій.

Софія

Ахъ батюшка, сонъ въ руку.
(уходитъ)

С. 44. Фамусовъ. (ей въ слѣдъ въ полголоса)

Проклятый сонъ:

ЯВЛЕНІЕ 9-е

Фамусовъ, Чацкій. (смотритъ на дверь, въ которую софія вышла)

Фмсвъ.

Ну выкинулъ ты штуку!
Три года неписалъ двухъ словъ!
И грянулъ вдругъ какъ съ облаковъ.
(Обнимаются)
Здорово другъ, здорово братъ, здорово.
Расказывай, чай у тебя готово
Собранье важное вѣстей?
Садись-ка, обьяви скорѣй.
(Садятся)

С. 45. Чацкій. (разсѣянно)

Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

Фмсвъ.

2 *1*
Вамъ молодымъ людямъ другаго нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты;
Сказала что-то вскользь, а ты
Я чай надеждами занесся, заколдованъ!

Чацкій

Ахъ! нѣтъ: надеждами я мало избалованъ:

Фамусовъ.

„Сонъ въ руку мнѣ она изволила шепнуть,
Вотъ ты задумалъ.....

Чацкій

Я ни чуть.

Фамусовъ

О комъ ей снилось? что такое?

С. 46. Чацкій.

Я не отгадчикъ сновъ.

Фмсвъ.

Невѣрь ей, все пустое.

Чацкій.

Я вѣрю собственнымъ глазамъ,
Вѣкъ невстрѣчалъ подписку дамъ,
Чтобъ было ей хоть нѣсколько подобно!

Фмсвъ.

Онъ все свое. Да раскажи подробно,
Гдѣ былъ? скитался столько лѣтъ!
Откудова теперь?

Чацкій.

Теперь мнѣ до того-ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ.
И необъѣхалъ сотой доли
(встаетъ поспѣшно)
С. 47. Простите; я спѣшилъ скорѣе видить васъ,
Незаѣзжалъ домой. Прощайте черезъ часъ
Явлюсь, подробности малѣйшей незабуду
Вамъ первымъ, вы потомъ расказывайте всюду.
(въ дверяхъ)
Какъ хороша!
(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 10-е

Фамусовъ одинъ

Который-же изъ двухъ?
„Ахъ! батюшка, сонъ въ руку!“
И говоритъ мнѣ это вслухъ!
С. 48. Ну виноватъ. Каковожъ далъ я крюку!
Молчалинъ давиче въ сомнѣнье ввелъ меня.
Теперь.... да въ полмя изъ огня:
Тотъ нищій, этотъ франтъ-пріятель
Отъявленъ мотомъ, сорванцемъ,
Что за коммисія, создатель,
Быть взрослой дочери отцемъ!—
(уходитъ)

Конецъ перваго дѣйствія.

С. 49.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНІЕ 1-Е

Фамусовъ, Слуга.

Фамусовъ.

Петрушка, вѣчно ты съ обновкой,
Съ разодраннымъ локтемъ. Достань-ка календарь,
Читай не такъ, какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстоновкой.
Постой-же. — На листѣ черкни на записномъ,
Противу будущей недѣли:
Къ Просковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я на форели
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
С. 50. Пофилософствуй, умъ вскружится,
То бережешься, то обѣдъ:
Ѣшь три часа, и въ три дни несварится!
Отмѣть-ка въ тотъ-же день.... Нѣтъ нѣтъ.
Въ Четвергъ я званъ на погребенье,
Охъ родъ людской! Пришло въ забвенье,
Что всякій самъ тудаже долженъ лезть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ нистать, ни сѣсть.

Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ, вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный Камергеръ.
Съ ключемъ, и сыну ключь умѣлъ доставить,
Богатъ, и на богатой былъ женатъ,
Переженилъ дѣтей, внучатъ,
С. 51. Скончался; всѣ онемъ прискорбно поминаютъ,
Кузьма Петровичь! Миръ ему,—
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!—
—Пиши въ четвергъ, одно ужь къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу,
Я долженъ у вдовѣ у докторшѣ крестить.
Она неродила, но по ращоту
По моему: должна родить.—

ЯВЛЕНІЕ 2-Е

Фамусовъ, слуга, Чацкій.

Фамусовъ

А! Александръ Андрѣичь просимъ,
Садитеська.

С. 52. Чацкій.

Вы заняты?

Фамусовъ (слугѣ)

Поди. (Слуга уходитъ)

Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ,
Забудется того гляди.—

Чацкій.

Вы что-то невеселы стали,
Скажите, отъ чего? Пріѣздъ не въ пору мой?
Ужь Софьѣ Павловнѣ какой
Неприключилось-ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.

Фамусовъ

Ахъ! батюшка нашелъ загадку,
Не веселъ я!..... Въ мои лѣта
С. 53. Не можно же пускаться мнѣ въ присядку!

Чацкій.

Ни кто неприглашаетъ васъ,
Я только, что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ, быть можетъ нездорова.

Фамусовъ.

Тьфу Господи прости! Пять тысячь разъ
Твердитъ одно и тоже!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригожѣ,
То Софья Павловна больна,
Скажи тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ; нехочешь-ли жениться?

Чацкій

А вамъ на что?

С. 54. Фамусовъ.

Меня нехудо-бы спроситься.
Вѣдь я ей нѣсколько сродни,

По крайнѣй мѣрѣ искони,
Отцомъ недаромъ называли.

Чацкій.

Пусть я посватаюсь, вы что-бы мнѣ сказали?

Фамусовъ

Сказалъ-бы я во первыхъ: неблажи,
Имѣньемъ братъ не управляй оплошно,
А главное, поди-тка послужи:

Чацкій

Служить бы радъ, прислуживаться тошно

С. 55. Фамусовъ.

Вотъ-то-то всѣ вы гордецы!
Спросилибы какъ дѣлали отцы?
Училисьбы на старшихъ глядя:
Мы на примѣръ или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичь: онъ, не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ, сто человѣкъ къ услугамъ,
Весь въ орденахъ, ѣзжалъ-то вѣчно *цугомъ*,
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ,
При Государынѣ служилъ Екатеринѣ.
А въ тѣ поры всѣ важны! въ сорокъ пудъ...
Раскланяйся, тупеемъ не кивнутъ,
Вельможа, въ случаѣ, тѣмъ паче,
С. 56. Не какъ другой, и пилъ и ѣлъ иначе.
А дядя! что твой Князь? что Графъ?

Сурьіозный взглядъ, надмѣнный нравъ,
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ:
На Куртагѣ ему случилось обступиться,
Упалъ, да такъ, что чуть затылка непришибъ,
Старикъ заохалъ, голосъ хрипкой:
Былъ Высочайшею пожалованъ улыбкой,
Изволили смѣяться, какъ же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ,
редь
~~*й разъ*~~
Упалъ въ друго~~реть~~—ужь нарочно—
А хохотъ пуще, онъ и въ третій такъ же точно,
А? Какъ по вашему? по нашему смышленъ.
С. 57. Упалъ онъ больно, всталъ здорово.
За то бывало въ вистъ кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичь. Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичь Шутка!
Въ чины выводитъ кто? и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичь. Да. Вы нынѣшніе нут-ка! —

Чацкій.

И точно началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній, и вѣкъ минувшій:
Свѣжо̀ преданіе, а вѣрится съ трудомъ,
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
С. 58. Какъ не въ Войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ,

Стучали объ полъ нежалѣя!
Кому нужда:—тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли,
А тѣмъ, кто выше лесть какъ кружево плели,
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха,
Всё подъ личиною усердія къ Царю,
Я не объ дядюшкѣ объ вашемъ говорю,
Его не возмутимъ мы праха;
Но между тѣмъ кого охота заберетъ,
Хоть въ роболѣпствѣ самомъ пылкомъ
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничикъ, а старичёкъ,
Иной глядя на тотъ скачёкъ,
С. 59. И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговаривалъ: ахъ! естлибы мнѣ тоже!
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ, и держитъ стыдъ въ уздѣ,
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо Государи.—

Фамусовъ.

Ахъ! Боже мой! онъ карбонари!

Чацкій.

Нѣтъ нынче свѣтъ ужь не таковъ

Фамусовъ

Опасный человѣкъ!

Чацкій.

Вольнѣе всякій дышетъ,
И неторопится вписаться въ полкъ шутовъ

С. 60. Фамусовъ

Что говоритъ! и говоритъ, какъ пишетъ!

Чацкій.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ.

Фамусовъ.

Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

Чацкій

Кто путешествуетъ въ деревнѣ кто живетъ.

Фамусовъ.

С. 61. Да онъ властей не признаетъ!

Чацкій.

Кто служитъ дѣлу а не лицамъ.

Фамусовъ.

Строжайшебъ запретилъ я этимъ Господамъ
На выстрѣлъ подъ ѣзжать къ столицамъ.

Чацкій.

Я наконецъ вамъ отдыхъ дамъ...

Фамусовъ

Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно.

Чацкій.

С. 62. Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно.
Предоставляю вамъ во власть:

Откиньте часть,
Хоть нашимъ временамъ въ придачу,
Ужь такъ и быть, я не поплачу

Фамусовъ

И знать васъ нехочу, разврата не терплю.

Чацкій.

Я досказалъ

Фамусовъ

Добро, заткнулъ я уши

С. 63. Чацкій.

На чтожь? я ихъ не оскорблю.

Фамусовъ. (скороговоркой)

Вотъ рыскаютъ по свѣту бьютъ баклуши,
Воротятся, отъ нихъ порядка жди.

Чацкій.

Я пересталъ....

Фамусовъ

Пожалуй пощади.

Чацкій.

Длить споры не мое желанье.

С. 64. Фамусовъ

Хоть душу отпусти на покаянье!—

ЯВЛЕНІЕ 3-Е

Слуга входитъ

Полковникъ Скалазубъ.

Фамусовъ. (ничего не видитъ и неслышитъ)

Тебя ужь упекутъ.

Подъ судъ, какъ пить дадутъ.

Чацкій.

Пожаловалъ къ вамъ кто-то на домъ.

Фамусовъ.

Не слушаю, подъ судъ!

Чацк:

Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ.

Фамус:

С. 65. *Не слушаю. Подъ судъ! подъ судъ!*

Чацкій

Да обернитесь, васъ зовутъ.

Фамусовъ. (Оборачивается)

А? бунтъ? ня у такъ и жду содома.

Слуга

Полковникъ Скалазубъ. Прикажите принять?

Фамусовъ. (встаетъ)

Ослы! сто разъ вамъ повторять?

Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,

Что очень радъ. Пошелъ же, торопись.
Слуга уходитъ

С. 66. Пожало-ста, сударь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличья нахваталъ,
Не по лѣтамъ, и чинъ завидный,
Не нынче завтра Генералъ.
Пожало-ста при немъ веди себя скромненько,
Эхъ! Александръ Андрѣичь, дурно братъ!
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько,
Я всякому ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:
Вотъ будто женится на Сонюшкѣ. Пустое.
Онъ можетъ быть и радъ-бы былъ душой,
~~Объ этомъ онъ молчитъ со мной,~~
Да надобности самъ не вижу я большой
~~Мнѣ тоже нѣтъ нужды большой~~

С. 67. Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня,
Вѣдь Софья молода. А впрочемъ власть Господня.
Пожало-сто принемъ не спорь ты вкривь и вкось.
И завиральныя идеи эти брось,
Однако нѣтъ его! какую-бы причину....
А. знать ко мнѣ пошелъ въ другую половину.
(поспѣшно уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ 4-е

Чацкій.

Какъ суетится! Что за прыть!
А Софья?—Нѣтъ-ли впрямъ тутъ жениха какого?
Съ которыхъ поръ меня дичатся какъ чужого!

С. 68. Какъ здѣсь-бы ей не быть!!...

Кто этотъ Скалазубъ? Отецъ имъ сильно бредитъ,
А можетъ быть нетолько что отецъ.....
Ахъ! тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года въ даль уѣдитъ.

ЯВЛЕНІЕ 5-Е

Чацкій, Фамусовъ, Скалазубъ.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичь, къ намъ сюда-съ.
Прошу покорно, здѣсь теплѣе,
Прозябли вы, согрѣемъ васъ,
Отдушничикъ отвернемъ поскорѣе.

С. 69.

Скалазубъ. (густымъ басомъ)

За чѣмъ же лазить на примѣръ
Самимъ!.... Мнѣ совѣстно, какъ честный Офицеръ,

Фамусовъ.

Неужъ-то для друзей недѣлать мнѣ ни шагу!
Сергѣй Сергѣичь дорогой,
Кладите шляпу сдѣньте шпагу,
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой.

Скалазубъ

Куда прикажите, лишь только-бы усѣсться.
(Садятся всѣ трое, Чацкій по одаль)

Фамусовъ.

Ахъ! батюшка, сказать, чтобъ незабыть
Позвольте намъ своими счесться,

С. 70. Хоть дальними, наслѣдства недѣлить,
Незнали вы, а я подавна,
Спасибо научилъ двоюродный вашъ братъ,
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

Скалазубъ.

Незнаю-съ виноватъ,
Мы съ нею вмѣстѣ неслужили.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичь это вы ли!
ней
Нѣтъ! я передъ ~~родствомъ~~ идя встрѣтится, ползкомъ;
~~А я такъ дорожу родствомъ,~~
ее
Съ *С*ыщу его на днѣ морскомъ.
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки,
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки,
С. 71. Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то за тѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку-ли, къ мѣс-
течьку
Ну какъ не порадѣть родному человѣчьку!..
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ

Скалазубъ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тритцатомъ Егерьскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.

Фамусовъ.

Да, щастье у кого есть эдакій сынокъ;
Имѣетъ кажется въ петличкѣ орденокъ?—

Скалазубъ.

За третье Августа, засѣли мы въ траншею:
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ нашею.

С. 72. Фамусовъ.

Любезный человѣкъ, и посмотрѣть такъ хватъ,
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ.

Скалазубъ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ.
Чинъ слѣдовалъ ему: онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

Фамусовъ.

Вотъ молодость!.—читать!.... а послѣ хвать!....
Вы повели себя исправно,
Давно Полковники, а служите недавно.

Скалазубъ

Довольно щастливъ я въ товарищахъ моихъ,
Вакансіи какъ разъ открыты,
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты,

С. 73. Фамусовъ.

Да, чѣмъ кого Господь поищетъ, вознесетъ.

Скалазубъ.

Бываетъ моего щастливѣе везетъ.
У насъ въ пятнадцатой Дивизіи недалѣ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ Генералѣ.

Фамусовъ.

Помилуйте, а вамъ чего недостаётъ?

Скалазубъ.

Нежалуюсь, необходили,
Однако за полкомъ два года поводили.—

Фамусовъ

Въ погонь-ли за полкомъ?
За то конечно въ чемъ другомъ,
За вами далеко тянуться.

С. 74.

Скалазубъ.

Нѣтъ-съ старѣе меня по Корпусу найдутся,
Я—съ восемьсотъ девятаго служу,
Да, чтобъ чины добыть, есть многіе каналы,
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу,
Мнѣ толькобы досталось въ Генералы.

Фамусовъ.

И славно судите, дай Богъ здоровье вамъ,
И Генеральскій чинъ; а тамъ
За чѣмъ откладывать бы дальше,
Рѣчь завести объ Генеральшѣ?

Скалазубъ.

Жениться? я ни чуть не прочь.

С. 75.

Фамусовъ

Чтожь? у кого сестра, племянница есть, дочь,
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода,

Чего? Плодятся годъ отъ года,
А батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ съ ищется столица какъ Москва.

Скалазубъ

Дистанціи огромнаго размѣра.

Фамусовъ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
На все свои законы есть:
Вотъ на примѣръ у насъ ужь изстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
С. 76. Будь плохинькій, да естли наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другій хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ
Пускай себѣ разумникомъ слыви,
А въ семью невключатъ, на насъ неподиви,
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ.—
— Да это-ли одно? возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать.—Изволь,
Дверь отперта для званыхъ и незванныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ,
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ равнёхонько, про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ Московскихъ есть особый отпечатокъ:—
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,
С. 77. На юношей сынковъ и внучатъ,

Журимъ мы ихъ, а естли разберешь,
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старичьки??—Какъ ихъ возметъ задоръ,
Засудятъ объ дѣлахъ, что слово:—приговоръ,—
Вѣдь столбовые все, въ усъ никого недуютъ,
И объ правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что естлибъ кто подслушалъ ихъ.....бѣда.
Не то, чтобъ новизны вводили,—никогда
Спаси насъ Боже! Нѣтъ. а придерутся
Къ тому къ сему а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ, и.....разойдутся.
Прямые Канцлеры въ отставкѣ по уму,
Я вамъ скажу, знать время не приспѣло,
Но, что безъ нихъ необойдется дѣло.—
С. 78. А дамы?—сунься кто, попробуй овладѣй,
Судьи всему, вездѣ, надъ ними нѣтъ судей,
За картами, когда возстанутъ общимъ бунтомъ,
Дай богъ терпѣніе, вѣдь самъ я былъ женатъ.
Скомандовать велите передъ фрунтомъ,
Присудствовать пошлите ихъ въ Сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пулхерія Андрѣвна!—
— А дочекъ, кто видалъ всякъ голову повѣсь,
Его Величество Король былъ Прусскій здѣсь,
Дивился непутемъ Московскимъ онъ дѣвицамъ,
Ихъ благонравью, а не лицамъ,
И точно можно-ли воспитаннѣе быть!
Умѣютъ-же себя принарядить

Тафтицей, бархатцемъ и дымкой,
С. 79. Словечька въ простотѣ нескажутъ, все съ ужимкой,
Французскіе Романсы вамъ поютъ,
И верьхнія выводятъ нотки,
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому, что Патріотки.
Рѣшительно скажу: едва
Другая съ ищется столица какъ Москва.

Скалазубъ.

По моему сужденью
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

Фамусовъ.

Не поминайте намъ, ужь мало-ли крехтятъ!
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома, и все на новый ладъ.

С. 80. Чацкій.

Дома новы, но предразсудки стары,
Порадуйтесь, не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

Фамусовъ. (Чацкому)

Эй завяжи на память узелокъ,
Просилъ я помолчать, невелика услуга.
(Скалазубу)
Позвольте батюшка Вотъ-съ Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ:
Не служитъ, то есть въ томъ онъ пользы ненаходитъ,
Но захоти: такъ былъ-бы дѣловой.

Жаль, очень жаль, онъ малый съ головой,
И славно пишетъ, переводитъ.
Нельзя непожалѣть, что съ эдакимъ умомъ.....

С. 81.

Чацкій.

Нельзя-ли пожалѣть объ комъ нибудь другомъ?
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.

Фамусовъ.

Не я одинъ, всѣ такъ же осуждаютъ.

Чацкій.

А судьи кто?—За древностію лѣтъ
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима,
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Времянъ Очаковскихъ, и покоренья Крыма
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и туже,
Не замѣчая объ себѣ:
Что старѣе, то хуже.

С. 82.

Гдѣ? укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не эти-ли грабительствомъ богаты?
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли въ родствѣ,
Великолепныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ невоскресятъ кліенты — иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты
Да икому въ Москвѣ незажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?!

Не тотъ-ли вы къ кому меня еще съ пелёнъ
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ
Дитёй возили на поклонъ?
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ;
Усердствуя они въ часы вина и драки,
С. 83. И честь и жизнь его не разъ спасали: вдругъ
На нихъ онъ вымѣнилъ борзыя три сабаки!!!
Или вонъ тотъ еще? Который для затѣй,
На крѣпостный балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцевъ отторженныхъ дѣтей?!
Самъ погруженъ умомъ въ Зефирахъ и въ Амурахъ,
Заставилъ ~~и~~ *всю* Москву дивиться ихъ красѣ!
Но должниковъ несогласилъ къ отсрочькѣ:—
Амуры и Зефиры всѣ
Распроданы по одиночькѣ!!!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы не безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ
Изъ молодыхъ людей найдется: врагъ исканій
С. 84. Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ, умъ алчущій познаній
Или въ душѣ его самъ богъ возбудитъ жаръ
Къ искуствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ
Они тотчасъ:— разбой! пожаръ!
И прослыветъ у нихъ мечтателемъ опаснымъ!!—
Мундиръ! Одинъ мундиръ! онъ въ прежнемъ ихъ быту

Когда-то укрывалъ разшитый и красивый
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету
~~Ничтожность, шалости, пороки, пустоту~~
И намъ за ними въ путь щастливый,
И въ женахъ, дочеряхъ, къ мундиру таже страсть!
Я самъ къ нему давноль отъ нѣжности отрекся?!
Теперь ужь въ это мнѣ ребячество невпасть,
Но кто-бъ тогда за всѣми не повлекся?
Когда изъ гвардіи, иные отъ двора
С. 85. Сюда на время пріѣзжали:
Кричали женщины: Ура!
И въ воздухъ чепчики бросали?

Фамусовъ. (про себя)
Ужь втянетъ онъ меня въ бѣду.
Сергѣй Сергѣичь я пойду, (громко)
И буду ждать васъ въ кабинетѣ
(уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ 6-Е

Скалазубъ, Чацкій.

Скалазубъ.
Мнѣ нравится, при этой сметѣ
Искусно какъ коснулись вы
С. 86. Предубежденія Москвы
Къ любимцамъ, къ Гвардіи, къ Гвардѣйскимъ, къ Гвардіонцамъ,
Ихъ золотцу, шитью дивятся будто солнцамъ!
А въ первой Арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено, и тальи всѣ такъ узки,

И офицеровъ вамъ начтёмъ,
Что даже говорятъ, иные, по французски.—

ЯВЛЕНІЕ 7-е

Скалазубъ, Чацкій, Софья Павловна, Лиза.

Софія. (Бѣжитъ къ окну)

Ахъ! Боже мой! упалъ убился!—

Чацкій.

Кто?

Кто Это?

С. 87. Скалазубъ.

Съ кѣмъ бѣда?

Чацкій

Она мертва со страху!

Скалазубъ

Да кто откудова?

Чацкій.

Ушибся обо что?

Скалазубъ.

Ужь не старикъ-ли нашъ далъ маху?

Лиза. (хлопочетъ около барышни)

Кому назначено-съ: неминовать судьбы,
С. 88. Молчалинъ на лошадь садился, ногу въ стремя,
А лошадь на дабы,
Онъ объ землю и прямо въ темя.

Скалазубъ

Поводья затянулъ, ну жалкій-же ѣздокъ.
Вглянуть, какъ треснулся онъ грудью или въ бокъ?
(уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ 8-Е

Тѣже безъ Скалазуба

Чацкій.

Помочь ей чѣмъ? Скажи скорѣе.

С. 89. Лиза.

Тамъ въ комнатѣ вода стоитъ
(Чацкій бѣжитъ и приноситъ)
(Все слѣдующее въ пол-голоса до того, какъ Софья очнется)
Стаканъ налейте.

Чацкій

Ужь налитъ.
Шнуровку отпусти вольнѣе,
Виски ей уксусомъ потри,
Опрыскивай водой. Смотри,
Свободнѣе дыханье стало.
Повѣять чѣмъ?

С. 90. Лиза.

Вотъ опахало.

Чацкій.

Глядя и въ окно,
Молчалинъ на ногахъ давно!
Бездѣлица ее тревожитъ.

Лиза.

Да-съ; барышнинъ нещастенъ нравъ,
Со стороны смотрѣть не можетъ,
Какъ люди падаютъ стремглавъ

Чацкій.

Опрыскивай еще водою
Вотъ такъ. Еще. Еще.

С. 91. Софія. (Съ глубокимъ вздохомъ)

Я точно какъ воснѣ. Кто здѣсь со мною?
(Торопко, и громко)
Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Скажите мнѣ.

Чацкій.

Пускай себѣ сломилъ бы шею,
Васъ чуть было не уморилъ:

Софія.

Убійственны холодностью своею!
Смотрѣть на васъ, васъ слушать нѣту силъ.

С. 92. Чацкій.

Прикажите мнѣ за него терзаться?

Софія.

Туда бѣжать, тамъ быть, помочь ему стараться

Чацкій.

Чтобъ оставались вы безъ помощи однѣ?

Софія.

На что вы мнѣ?

Да правда не свои бѣды для васъ забавы,
Отецъ родной убейся, все равно.
(Лизѣ)
Пойдемъ туда, бѣжимъ.

С. 93.

Лиза. (Отводитъ ее въ сторону)
Опомнитесь куда вы?
Онъ живъ здоровъ, смотрите здѣсь въ окно.
(Софія въ окошко высовывается)

Чацкій.

Смятенье! обморокъ! поспѣшность! гнѣвъ! испуга!
Такъ можно только ощущать,
Когда лишаешься единственнаго друга.

Софія.

Сюда идутъ. Руки не можетъ онъ поднять.—

Чацкій.

Желалъ-бы съ нимъ убиться....

С. 94.

Лиза.
для компаньи?

Софія.

Нѣтъ, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНІЕ 9-е

Софія Павловна, Лиза, Чацкій, Полковникъ Скалазубъ, Молчалинъ. (съ подвязанною рукою)

Пол: Скалазубъ.

Воскресъ и не вредимъ, рука

Ушиблена слегка,
И впрочемъ все фальшивая тревога.

Молчалинъ

Я васъ перепугалъ, простите ради Бога,

С. 95.

Пол: Скалазубъ.

Ну! я не зналъ, что будетъ изъ того
Вамъ ирритація. Опрометью вбѣжали.—
Мы вздрогнули.—Вы въ обморокъ упали,
И чтожь?—весь страхъ изъ ничего.

Софія. (не глядя ни на кого)

Ахъ! очень вижу; изъ пустова,
А вся еще теперь дрожу.

Чацкій. (про себя)

съ Молчалинымъ ни слова!

Софія. (по прежнему)

Однако осебѣ скажу
Что не труслива. Такъ бываетъ
С. 96. Карета свалится, подъимутъ: я опять
Готова съ изнова скакать;
Но все малѣйшее въ другихъ меня пугаетъ,
Хоть нѣтъ великаго нещастья отъ того,
Хоть незнакомый мнѣ, до этаго нѣтъ дѣла.

Чацкій. (про себя)

Прощенья проситъ у него,
Что разъ окомъ-то пожалѣла!

Пол: Скалазубъ.

Позвольте раскажу вамъ вѣсть:
Княгиня Ласова, какая-то здѣсь есть,
Наѣздница, вдова, но нѣтъ примѣровъ,
Чтобъ ѣздила съ ней много кавалеровъ.
На дняхъ разшиблась въ пухъ,—
С. 97. Жоке не поддержалъ, щиталъ онъ видно мухъ.
И безъ того она, какъ слышно неуклюжа,
Теперь ребра недостаетъ,
Такъ для поддержки ищетъ мужа.

Софія.

Ахъ Александръ Андрѣичь вотъ,
Явитесь вы вполнѣ великодушны,
Къ нещастью ближняго вы такъ неравнодушны.

Чацкій.

Да-съ, это я сей часъ явилъ,
Моимъ усерднѣйшимъ стараньемъ,
И прысканьемъ, и оттираньемъ,
Не знаю для кого, но васъ я воскресилъ.
(беретъ шляпу и уходитъ)

С. 98.

ЯВЛЕНІЕ 10-е

Тѣже кромѣ Чацкаго

Софія.

Вы вечеромъ къ намъ будете?

Пол: Скалазубъ

Какъ рано?

Софія.

Пораньше; съѣдутся домашніе друзья,
По танцовать подъ фортопіяно,
Мы въ траурѣ, такъ балу дать нельзя.

Пол: Скалазубъ.

Явлюсь, но къ батюшкѣ зайти я обѣщался
Откланяюсь.

С. 99.

Софія.

Прощайте.

Пол. Скалазубъ. (жметъ руку Молчалину)

Вашъ слуга.
(уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ 11-е

Софія, Лиза, Малчалинъ.

Софія.

Молчалинъ! Какъ вомнѣ разсудокъ, цѣлъ остался!
Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога!
За чѣмъ-же ей играть, и такъ не осторожно?
Скажите, что у васъ съ рукой?
Недать-ли капель вамъ? не нуженъ-ли покой?
Пошлемте къ доктору, пренебрегать недолжно.

С. 100.

Молчалинъ.

Платкомъ перевязалъ, небольно мнѣ съ тѣхъ поръ.

Лиза.

Ударюсь объ закладъ, что вздоръ,
И естлибъ не къ лицу, не нужно перевязки,

А то не вздоръ, что вамъ неизбѣжать огласки.
На смѣхъ того гляди подъ~~имет~~имѣтъ Чацкій васъ,
И Скалозубъ какъ свой хохолъ закрутитъ,
Раскажетъ обморокъ, прибавитъ сто прикрасъ:
Шутить ионъ гораздъ, вѣдь нынѣче кто не шутитъ!—

Софія

А кѣмъ изъ нихъ я дорожу?
Хочу люблю, хочу скажу,
С. 101. Молчалинъ! будто я себя не принуждала?
Вошли вы, слова несказала,
При нихъ не смѣла я дохнуть,
У васъ спросить, на васъ взглянуть;—

Молчалинъ.

Нѣтъ Софья Павловна, вы слишкомъ откровенны

Софія.

Откуда скрытность почерпнуть!
Готова я была въ окошко, къ вамъ прыгнуть
Да что мнѣ до кого? до нихъ? до всей вселенны?
Смѣшно?—пусть шутятъ ихъ; досадно?—пусть бранятъ.

Молчалинъ.

Не повредила-бы намъ откровенность эта.

С. 102.

Софія.

Не ужь-то на дуэль васъ вызвать захотятъ?

Молчалинъ.

Ахъ! злые языки страшнѣе пистолета

Лиза

Сидятъ они у батюшки теперь,
Вотъ ко-бы вы порхнули въ дверь
Съ лицемъ веселымъ, беззаботно:
Когда намъ скажутъ, что хотимъ,
Куда какъ вѣрится охотно!
И Александръ Андрѣичь, съ нимъ
О прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ,
Поразвернитесь-ка въ расказахъ,
С. 103. Улыбочька и пара словъ;
И кто влюбленъ на все готовъ.

Молчалинъ

Я вамъ совѣтовать не смѣю.
(Цѣлуетъ ей руку)

Софія.

Хотите вы?... Пойду любезничить сквозь слезъ,
Боюсь, что выдержать притворства не съ умѣю.
За чѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ!
(уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ 12-Е

Молчалинъ, Лиза.

Молчалинъ

Веселое созданье ты! живое!

С. 104. Лиза.

Прошу пустить, и безъ меня васъ двое.

Молчалинъ

Какое личико твое!
Какъ я тебя люблю!

Лиза

А барышню?

Молчалинъ

Ее
Подолжности, тебя.....

Лиза.

Отъ скуки.
Прошу подальше руки.

С. 105.

Молчалинъ.

Есть у меня вещицы три:
Есть туалетъ, прехитрая работа:
Снаружи зеркальцо и зеркальцо внутри,
Кругомъ все прорѣзь, позолота,
Подушечька, изъ бисера узоръ,
И перломутровый приборъ:
Игольничикъ и ножинки, какъ милы!
Жемчужинки, растертыя въ бѣлилы!
Помада есть для губъ, и для другихъ причинъ,
Съ духами стклянночьки: резеда и жасминъ.—

Лиза.

Вы знаете, что я нельщусь на интересы,
Скажите лучше, почему
С. 106. Вы съ барышней скромны, а съ горнишной повѣсы?

Молчалинъ.

Сего дня боленъ я, обвязки не ~~съ~~ *сни* ~~иму~~,
Приди въ обѣдъ, побудь сомною,
Я тайну всю тебѣ открою
(уходитъ въ боковую дверь)

ЯВЛЕНІЕ 13-Е

Софія. Лиза

Софія.

Была у батюшкѣ, тамъ нѣту никого.
Сегодня я больна, и не пойду обѣдать,
Скажи Молчалину, и позови его,
Чтобъ онъ пришелъ меня провѣдать.
(Уходитъ къ себѣ)

С. 107.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНѢЕ.

Лиза.

Ну! люди въ здѣшней сторонѣ!
Она къ нему, а онъ ко мнѣ,
А я.... одна лишь я любви до смерти трушу.—
А какъ неполюбить буфетчика Петрушу!

Конецъ втораго дѣйствія.

С. 108.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ

ЯВЛЕНІЕ 1-Е

Чацкій потомъ **Софія**

Чацкій

Дождусь ее, и вынужу признанье:
Кто наконецъ ей милъ? Молчалинъ! Скалазубъ!
Молчалинъ прежде былъ такъ глупъ!....
Жал*л*чайшее созданье!
Ужь развѣ по умнѣлъ?... А тотъ—
Хрипунъ, удавленникъ, фаготъ,
Созвѣздіе маневровъ и мазурки!
Судьба любви, играть ей въ жмурки,
А мнѣ....

С. 109.

(входитъ Софія)

Вы здѣсь? я очень радъ,
Я этого желалъ.

Софія (про себя)

И очень не въ попадъ.

Чацкій.

Конечно ~~на~~ *не* меня искали?

Софія

Я не искала васъ.

Чацкій.

Дознаться мнѣ нельзя-ли,
Хоть и некстати нужды нѣтъ,
Кого вы любите?

С. 110. Софія.

Ахъ! Боже мой! весь свѣтъ.

Чацкій.

Кто болѣе вамъ милъ?

Софія.

Родные.
~~Вотъ спросы пречудные.~~

Чацкій.

Всѣ болѣе меня?

Софія.

Иные.

Чацкій.

И я чего хочу когда все рѣшено?
Мнѣ въ петлю лезть, а ей смѣшно.

С. 111. Софія.

Хотите-ли знать истинны два слова?
Малѣйшая въ комъ странность чуть видна,
Веселость ваша нескромна,
У васъ тотчасъ ужь острота готова,
А сами вы....

Чацкій.

Я самъ? не правдали смѣшонъ?

Софія.

Да! грозный взглядъ, и рѣзкій тонъ,
И этихъ въ васъ особенностей бездна,
А надъ собой гроза куда небезполезна.

С. 112. Чацкій.

Я страненъ, а не страненъ ктожь?
Тотъ, кто на всѣхъ глупцевъ *п* похожь,
Молчалинъ на примѣръ.

Софія

Примѣры мнѣ *не* новы,
Замѣтно, что вы желчь на всѣхъ излить готовы,
А. я, чтобъ немѣшать отсюда уклонюсь.

Чацкій.

(Держитъ ее)
Постойтеже (въ сторону) Разъ въ жизни притворюсь.
(Громко)
Оставемъ-те мы эти пренья,
Передъ Молчалинымъ не правъ я, виноватъ,
С. 113. Быть можетъ онъ нето, что три года назадъ:
Есть на землѣ такія превращенья
Правленій, климатовъ, и нравовъ, и умовъ,
Есть люди важные, слыли за дураковъ:
Иный по арміи, иный плохимъ Поэтомъ,
Иный.... Боюсь назвать, но признаны всѣмъ свѣтомъ,
Особенно въ послѣдніе года,

Что стали умны хоть куда,
Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, Геній смѣлый,
Но есть-ли въ немъ та страсть? то чувство? пылкость та?
Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый
Казался прахъ ~~и смѣхъ? дымъ, мѣлочь, суета~~ *и суета.*;
Чтобъ сердца каждое біенье
Любовью ускорялось къ вамъ?
С. 114. Чтобъ мыслямъ были всѣмъ, и всѣмъ дѣламъ *его*
Душою-вы? вамъ угожденье?..... *е*
Самъ это чувствую, сказать я немогу,
Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуетъ, бѣситъ,
Непожелалъ-бы я и личному врагу,
А онъ?... смолчитъ и голову повѣситъ.
Конечно смиренъ, всѣ такіе нерѣзвы;
Богъ знаетъ въ немъ какая тайна скрыта;
Богъ знаетъ за него, что выдумали вы,
Чѣмъ голова его въ вѣкъ не была набита;
Быть можетъ качествъ вашихъ тьму
Любуясь имъ, вы придали ему;
Не грѣшенъ онъ ни въ чёмъ, вы во сто разъ грѣшнѣе
С. 115. Нѣтъ! нѣтъ! пускай уменъ, часъ отъ часу умнѣе,
Но васъ онъ стоитъ-ли? вотъ вамъ одинъ вопросъ,
Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,
Какъ человѣку вы, который съ вами взросъ;
Какъ другу вашему, какъ брату
Мнѣ дайте убедится въ томъ;
Потомъ,
Отъ сумашествія могу я остеречься;

Пущусь подалѣе простыть охолодѣть,
Недумать о любви, но буду я умѣть
Теряться по свѣту, забыться и развлечься.

Софія. (про себя)

Вотъ нехотя съ ума свела.

С. 116. Что притворяться? (вслухъ)

Молчалинъ давиче могъ безъ руки остаться,
Я живо въ немъ участье приняла;
А вы случалось на эту пору
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всѣмъ и безъ разбору,
Но можетъ истинна въ догадкахъ вашихъ есть,
И горячо его беру я подъ защиту:
За чѣмъ же быть, скажу вамъ на прямикъ,
Такъ не воздержну на языкъ?
Въ презреньи къ людямъ такъ не скрыту?
Что и смирнѣйшему пощады нѣтъ!.. чего?
Случись кому назвать его:
Градъ колкостей и шутокъ вашихъ грянетъ.
Шутить! и вѣкъ шутить! какъ васъ на это станетъ.—

С. 117.

Чацкій.

Ахъ! Боже мой! не ужь-ли я изъ тѣхъ,
Которымъ цѣль всей жизни смѣхъ?
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
А чаще съ ними я скучаю.

Софія.

Напрасно: это все относится къ другимъ,

Молчалинъ вамъ наскучилъ-бы едва-ли,
Когда бъ сошлись короче съ нимъ.

Чацкій. (съ жаромъ)

За чѣмъ же вы его такъ коротко узнали?

С. 118.

Софія.

Я нестаралась, Богъ насъ свёлъ.
Смотрите дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрёлъ,
При батюшкѣ три года служитъ,
Тотъ часто безъ толку сердитъ,
А онъ безмолвіемъ его обезоружитъ,
Отъ доброты души проститъ;
И между прочемъ
Веселостей искать-бы могъ;
Ни чуть; отъ старичьковъ неступитъ запорогъ,
Мы рѣзвимся, хохочемъ,
Онъ съ ними цѣлый день засядетъ, радъ нерадъ,
Играетъ.....

С. 119.

Чацкій.

Цѣлый день играетъ!
Молчитъ когда его бранятъ!
(въ стор:)
Она его не уважаетъ:

Софія.

Конечно нѣтъ въ немъ этаго ума,
Что Геній для иныхъ, а для иныхъ чума,
Который скоръ, блестящь и скоро опротивитъ,
Который свѣтъ ругаетъ на повалъ,

Чтобъ свѣтъ объ немъ хоть что нибудь сказалъ,
Да эдакій-ли умъ семейство ощастливитъ?

С. 120.

Чацкій.

Сатира и Мораль, смыслъ этаго всего?
(въ сторону)
Она нестaвитъ въ грошь его.

Софія.

Чудеснѣйшаго свойства
Онъ наконецъ: уступчивъ, скроменъ, тихъ,
Въ лицѣ ни тѣни безпокойства,
И на душѣ проступковъ никакихъ,
Чужихъ и вкривъ и вкось нерубитъ,
Вотъ я за что его люблю.

С. 121.

Чацкій. (въ сторону)
Шалитъ, она его нелюбитъ
(вслухъ)
Докончить я вамъ пособлю
Молчалина изображенье,
Но Скалазубъ? вотъ загляденье
За Армію стоитъ горой,
И прямизною стана,
Лицемъ и голосомъ Герой....

Софія.

Не моего романа.

Чацкій.

Не вашего? кто разгадаетъ васъ?

С. 122.

ЯВЛЕНІЕ 2-Е

Чацкій, Софія, Лиза.

Лиза. (шопотомъ)

Сударыня, за мной, сей часъ
Къ вамъ Алексѣй Степаночь будетъ.

Софія.

Простите, надобно идти мнѣ поскорѣй

Чацкій.

Куда?

Софія.

Къ Прихмахеру

С. 123.

Чацкій.

Богъ съ нимъ.

Софія.

Щипцы простудитъ

Чацкій.

Пускай себѣ....

Софія

Нельзя, ждемъ на вечеръ гостей.

Чацкій.

Богъ съ вами, остаюсь опять съ моей загадкой.
Однако дайте мнѣ зайти, хотя украдкой
Къ вамъ въ комнату на несколько минутъ,

С. 124.

Тамъ стѣны, воздухъ, все пріятно.

Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдахнуть дадутъ
Воспоминанія, объ томъ, что не возвратно!
Незасижусь, войду, всего минуты двѣ,
Потомъ подумайте, членъ Англійскаго Клуба,
Я тамъ дни цѣлые пожертвую молвѣ,
Про умъ Молчалина, про душу Скалазуба.
(Софія пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается, занею и Лиза)

ЯВЛЕНІЕ 3-е

Чацкій. потомъ **Молчалинъ**

Чацкій.

Ахъ! Софья! Не ужь-ли Молчалинъ избранъ ей!
С. 125. А чѣмъ не мужь? Ума въ немъ только мало,
Но чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума недоставало?
Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ есть
(входитъ Молчалинъ)
Вонъ онъ на ципочькахъ, и не богатъ словами,
Какою ворожбой умѣлъ къ ней въ сердце влезть!
(Обращается къ нему)
Намъ Алексѣй Степаночь съ вами
Неудалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче? безъ печали?

Молчалинъ

Попрежнему-съ.

С. 126.

Чацкій.

А прежде какъ живали?

Молчалинъ

День за день, нынче какъ вчера:

Чацкій.

Къ перу отъ картъ? и къ картамъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ?

Молчалинъ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по Архивамъ,
Три награжденья получилъ.

Чацкій.

Взманили почести и знатность?

С. 127. Молчалинъ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ...

Чацкій.

У васъ?

Молчалинъ.

Два-съ:
Умѣренность и акуратность.

Чацкій.

Чудеснѣйшіе два! и стоятъ нашихъ всѣхъ.

Молчалинъ.

Вамъ недались чины, по службѣ не успѣхъ?

Чацкій.

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

Молчалинъ.

С. 128. Какъ удивлялись мы!

Чацкій.

Какое жь диво тутъ?

Молчалинъ.

Жалѣли васъ.

Чацкій.

Напрасной трудъ.

Молчалинъ.

Татьяна Юрьевна расказывала что-то.
Изъ Петербурга воротясь.
Съ Министрами про вашу связь
Потомъ разрывъ...

С. 129.

Чацкій.

Ей почему забота?

Молчалинъ.

Татьянѣ Юрьевнѣ!

Чацкій.

Я съ нею не знакомъ.

Молчалинъ.

Съ Татьяной Юрьевной!!

Чацкій.

Съ ней вѣкъ мы невстрѣчались,
Слыхалъ что вздорная.

Молчалинъ.

Да это полно та-ли-съ?

С. 130. Татьяна Юрьевна!!! Извѣстная, притомъ
Чиновные и должностные,
Всѣ ей друзья, и всѣ родные,
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ, хоть разъ бы съ ѣздить вамъ,

Чацкій.

На Что-же?

Молчалинъ.

Такъ: частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ неметимъ

Чацкій.

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

С. 131. Молчалинъ.

Какъ обходительна! добра! мила! проста!
Балы даетъ нельзя богачѣ
Отъ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну право что-бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Чацкій.

Когда въ дѣлахъ; я отъ веселій прячусь,
Когда дурачиться; дурачусь,
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ, я не изъ ихъ числа:

С. 132.

Молчалинъ.

Простите, впрочемъ тутъ невижу преступленья,
Вотъ самъ Ѳома Ѳомичь, знакомъ онъ вамъ?

Чацкій.

Ну чтожъ?

Молчалинъ.

При трехъ Министрахъ былъ Начальникъ отдѣленья,
Переведенъ сюда...

Чацкій.

Хорошъ,
Пустѣйшій человѣкъ, изъ самыхъ безтолковыхъ.

С. 133.

Молчалинъ.

Какъ можно! слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ,
Читали вы?

Чацкій.

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

Молчалинъ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть,
Не сочинитель я...

Чацкій.

И по всему замѣтно

С. 134.

Молчалинъ.

Не смѣю моего сужденья произнесть.

Чацкій.

За чѣмъ же такъ секретно?

Молчалинъ.

Въ мои лѣта, недолжно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

Чацкій.

Помилуйте мы съ вами неребяты,
За чѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

С. 135. Молчалинъ.

Вѣдь надобножь зависѣть отъ другихъ.

Чацкій.

За чѣмъ-же надобно?

Молчалинъ.

Въ чинахъ мы небольшихъ.

Чацкій. (почти громко)

Съ такими чувствами! съ такой душою
Любимъ!..... Обманщица смѣялась надо мною!

ЯВЛЕНІЕ 4-Е

Вечеръ.

Всѣ двери настижь, кромѣ въ спальню къ
С. 136. Софіи. Въ перспективѣ раскрывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ, слуги суетятся, одинъ изъ нихъ Главный говоритъ:

Эй! Ѳилька, Ѳомка, ну ловчѣй,
Столы для картъ, мѣлъ, щетокъ и свѣчей
(стучится къ Софіѣ въ дверь)
Скажите, барышнѣ скорѣе, Лизавета:
Дмитревна
Наталья ~~Юрьевна,~~ и съ мужемъ, икъ крыльцу
Еще подъ ѣхала карета
(Расходятся, остается одинъ Чацкій)

С. 137. ЯВЛЕНІЕ 5-е

Чацкій, Наталья Дмитревна (молодая дамочька)

Нат: Дмитр:

Не ошибаюсь-ли!.. онъ точно по лицу
Ахъ! Александръ Андрѣичь, вы-ли?

Чацкій.

Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы,
Не ужь-то такъ меня три года измѣнили?

Нат. Дмит:

Я полагала васъ далеко отъ Москвы.
Давно-ли?

С. 138. Чацкій.

Ныньче лишъ...

Нат. Дмит.

На долго?

Чацкій.

Какъ случится.
Однако кто смотря навасъ неподивится,?
Полнѣе прежняго, по хорошѣли страхъ.
Моложе вы, свѣжѣе стали;
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ.

Нат: Дмит:

Я замужемъ.

С. 139. Чацкій

Давно-бы вы сказали.

Нат: Дмит:

Мой мужь, прелестный мужь, вотъ онъ сейчасъ войдетъ.
Я познакомлю васъ, хотите?

Чацкій.

Прошу.

Нат: Дмит:

И знаю напередъ,
Что вамъ понравится. Взгляните исудите.

Чацкій.

Я вѣрю, онъ вамъ мужь.

С. 140.

Нат: Дмит:

О нѣтъ-съ, не потому,
Самъ по себѣ, по нраву, по уму.
Платонъ Михайлочь мой единственный, безцѣнный,
Теперь въ отставкѣ, былъ военный,
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда-бы службу продолжалъ,
Конечно былъ-бы онъ Московскимъ Комендантомъ.

ЯВЛЕНІЕ 6-е

Чацкій, Натал: Дмит: Платонъ Михайловичь

Нат: Дмит:

Вотъ мой Платонъ Михайлочь.

С. 141.

Чацкій.

Ба!
Другъ старый, мы давно знакомы, вотъ судьба.

Плат: Михай:

Здорово, Чацкій братъ.

Чацкій.

Платонъ любезный, славно.
Похвальный листъ тебѣ, ведешь себя исправно.

Плат: Мих:

Какъ видишь, братъ:
Московскій житель и женатъ.

Чацкій

Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и ленивъ?

С. 142.

Плат: Мих:

Нѣтъ, есть таки занятья
На флейтѣ я твержу дуэтъ
Амольный.....

Чацкій.

Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну постоянный вкусъ! въ мужьяхъ всего дороже.

Плат: Мих:

Братъ, женишься, тогда меня вспомянь,
Отъ скуки будешь ты свистѣть одно и тоже:

Чацкій

Отъ скуки! какъ? ужь ты ей платишь дань?

Нат: Дмитр:

Платонъ Михайлочь мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,

С. 143. Которыхъ нѣтъ теперь, къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу...иногда скучаетъ поутрамъ.

Чацкій

А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть празднымъ?
Въ полкъ, эскадронъ дадутъ. Ты Оберъ или штабъ?

Нат: Дмитр:

Платонъ Михаилочь мой здоровьемъ очень слабъ,

Чацкій.

Здоровьемъ слабъ! давно-ли?

Нат: Дмитр:

Все рюматизмъ, и головныя боли.

Чацкій.

Движенья болѣе. Въ деревню, въ теплый край.
Будь чаще наконѣ. Деревня лѣтомъ рай.

С. 144. Нат: Дмитр:

Платонъ Михайлочь городъ любитъ,
Москву; за что въ глуши онъ дни свои погубитъ!

Чацкій

Москву и городъ.... Ты чудакъ,
А помнишь прежнее?

Плат: Мих:

Да, братъ, теперь не такъ....

Нат: Дмитр:

Ахъ! мой дружочикъ!

Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ,
Ты распахнулся весь, и растегнулъ жилетъ,

С. 145. Плат: Мих:

Теперь братъ, я не тотъ....

Нат: Дмитр:

Послушайся разочикъ,
Мой милый, застегнись скорѣй.

Плат: Мих: (хладнокровно)

Сей часъ.

Нат: Дмитр:

Да отайди подальше отъ дверей,
Сквозный тамъ вѣтеръ дуетъ сзади.

Плат: Мих:

Теперь братъ я не тотъ....

С. 146. Нат: Дмитр:

Мой Ангелъ, Бога ради
Отъ двери дальше отойди.

Плат: Мих: (глаза къ небу)

Ахъ! матушка!

Чацкій

Ну Богъ тебя суди;
Ужь точно сталъ не тотъ въ короткое ты время,
Не въ прошломъ-ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? лишь утро: ногу въ стремя
И носишь-ся на борзомъ жеребцѣ;
Осенній вѣтеръ дуй, хоть спереди хоть съ тыла

С. 147. Плат: Мих: (со вздохомъ)

Славное тогда житье-то было.
Эхъ! братецъ! ~~кровь была не та, теперь остыла.~~

ЯВЛЕНІЕ 7-Е

Тѣже, Князь Тугоуховскій и Княгиня съ 6-ю Дочерьми

Нат: Дмитр: (тоненькимъ голоскомъ)

Князь Петръ Ильичь, Княгиня Боже мой!

Княжна Зизи! Мими!

{ Громкія лобызанія потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ. }

1-я Княжна

Какой фасонъ прекрасный

2-я Княжна.

Какія складочьки!

С. 148. 1-я Княжна

Обшито бахромой

Нат: Дмитр:

Нѣтъ, естли-бъ видѣли, мой тюрлюрлю атласный!

3-я Княжна

Какой эшарпъ cousin мнѣ подарилъ

4-я Княжна.

Ахъ! да, барежевый.

5-я Княжна.

Ахъ прелесть!

6-я Княжна

Ахъ! какъ милъ!

С. 149.

Княгиня

Ссъ!—Кто это въ углу? взошли мы, поклонился.

Нат: Дмитр:

Пріѣзжій, Чацкій.

Княгиня

От - став - ный?

Нат: Дмитр:

Да, путешествовалъ, недавно воротился.

Княгиня.

И хо - ло - стый?

Нат: Дмитр:

Да, неженатъ.

С. 150.

Княгиня.

Князь, Князь, сюда.—Живѣе.

Князь. (къ ней обращаетъ слуховую трубку)

О! хмъ!

Княгиня.

Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣе
Дмитревны
Натальи ~~Юрьевны~~ знакомаго: вонъ онъ

Князь.

И хмъ! (отправляется, вьется около Чацкаго и покашливаетъ)

Княгиня.

Вотъ то-то дѣтки,
Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ;

Танцовщики ужасно стали рѣдки!...
— Онъ Камеръ-юнкеръ?

С. 151. Нат: Дмитр:

Нѣтъ

Княгиня.

Бо - гатъ?

Нат: Дмитр:

О! Нѣтъ!

Княгиня (громко, что есть мочи)

Князь, Князь. Назадъ.

ЯВЛЕНІЕ 8-Е

Тѣже и Графини, Хрюмины бабушка и внучька

Графиня внучька.

Ахъ! grand' maman. Ну кто такъ рано пріѣзжаетъ
Мы первыя!

(пропадаетъ въ боковую комнату)

С. 152. Княгиня.

Вотъ насъ честитъ!
Вотъ первая и насъ за никого щитаетъ!
Зла, въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ, ужь Богъ ее проститъ.

Графиня внучька.

(вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойный лорнетъ)

Мсьё Чацкій! вы въ Москвѣ! какъ были, все такіе?

Чацкій.

На что мѣняться мнѣ?

С. 153.

Графиня внучька.

Вернулись холостые?

Чацкій.

На комъ жениться мнѣ?

Графиня внучька.

Въ чужихъ краяхъ накомъ!
О! нашихъ тьма безъ дальнихъ справокъ
Тамъ женятся и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ.

Чацкій.

Нещастные! должныль упреки несть
Отъ подражательницъ модисткамъ?
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ?

ЯВЛЕНІЕ 9-е

Тѣже и множество другихъ Гостей Между прочемъ Загарѣцкій. Мущины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и проч. Софія отъ себя выходитъ всѣ къ ней на встрѣчу:

С. 154.

Графиня внучька. (къ нейже)

~~Eh! bon soir! comment vont les rubans les guirlandes~~
Eh! bon soir! Vous voilà! Jamais trop diligente
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente.
~~Toujours le désespoir de ceux, qui Vous attendent?~~

Загарѣцкій.

На завтрешній Спектакль имѣете билетъ?

Софія.

Нѣтъ.

Загарѣцкій.

Позвольте вамъ вручить, напрасно-бы кто взялся
Другій вамъ услужить, зато
С. 155. Куда я некидался!
Въ контору:— все взято,
Къ Директору, онъ мнѣ пріятель,
Съ зарей въ шестомъ часу, и кстатель!
Ужь съ вечера ни кто достать немогъ,
Къ тому, къ сему, всѣхъ сбилъ я съ ногъ.
И этотъ наконецъ похитилъ уже силой
У одного, старикъ онъ хилой,
Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ,
Пусть дома просидитъ въ покоѣ.

Софія.

Благодарю васъ за билетъ,
А за старанье вдвое.

(являются еще кое-какіе, тѣмъ временемъ Загорѣцкій отходитъ къ мущинамъ)

С. 156. Загарѣцкій.

Платонъ Михайлочь...

Платонъ Михай:

Прочь.
Поди ты къ женщинамъ, лги имъ, и ихъ морочь;
Я правду объ тебѣ пораскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вотъ братъ.

(Чацкому)

Рекомендую.

Какъ едакихъ людей учтивѣе зовутъ?
Нѣжнѣе?— человѣкъ онъ свѣтскій
Отъявленный мошенникъ, плутъ:
Антонъ Антоночь Загорѣцкій.
При немъ остерегись, переносить гораздъ,
С. 157. И въ карты несадись: продастъ.

Загарѣцкій.

Оригиналъ! брѣзгливъ, а безъ малѣйшей злобы.

Чацкій.

И оскорбляться вамъ смѣшно-бы,
Окромѣ честности есть множество отрадъ:
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

Плат: Мих:

Охъ нѣтъ! братецъ унасъ ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ.
(Загарѣцкій мѣшается въ толпу)

С. 158.

ЯВЛЕНІЕ 10-е

Тѣже и Хлёстова.

Хлёстова.

Легко-ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащиться мнѣ къ тебѣ? племянница, мученье!
Часъ битый ѣхала съ Покровки, силы нѣтъ;
Ночь— свѣтопредставленье.
Отъ скуки я взяла съ собой
Арапку-дѣвку, да собачьку;

Вели ихъ накормить, ужо дружочикъ мой;
Отъ ужина сошли подачьку.
Княгиня, здравствуйте. (сѣла) Ну, Софьюшка, мой другъ.
Какая у меня Арапка для услугъ,
Курчавая! Горбомъ лопатки!
С. 159. Сердитая! всѣ кошечьи ухватки!
Да какъ черна! да какъ страшна!
Вѣдь создалъ же Господь такое племя!
Чортъ сущій; въ дѣвичей она;
Позвать-ли?

Софія.

Нѣтъ-съ; въ другое время.

Хлёстова.

Представь: ихъ какъ звѣрѣй выводятъ напоказъ,
Я слышала, тамъ..... городъ есть Турецкій,
А знаешь-ли, кто мнѣ припасъ?
—Антонъ Антоночь Загорѣцкій
(онъ выставляется впередъ)
Лгунишка онъ, картежникъ, воръ.
(Загарѣцкій исчезаетъ)
С. 160. Я отъ него было и двери на запоръ;
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковьѣ
Двоихъ Арапченковъ на ярмонкѣ досталъ;
Купилъ онъ говоритъ, чай въ карты сплутовалъ;
А мнѣ подарочикъ, дай: Богъ ему здоровье

Чацкій (съ хохотомъ Платону Михайлочу

Не поздаровится отъ едакихъ похвалъ,
И Загарѣцкій самъ невыдержалъ, пропалъ.

Хлёстова.

Кто этотъ весельчакъ! изъ званія какого?

Софія.

Вонъ этотъ? Чацкій.

С. 161. Хлёстова

Ну? а что нашелъ смѣшного?
Чему онъ радъ? какій тутъ смѣхъ?
Надъ старостью смѣяться грѣхъ,
Я помню ты дитей съ нимъ часто танцовала,
Я дирала, только мало.
~~И~~ за уши его ~~знать мало я дирала.~~

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣже и Фамусовъ.

Фамусовъ (Громогласно)

Ждемъ Князя Петра Ильича,
А Князь ужь здѣсь! а я забился тамъ въ портретной.
Гдѣ Скалазубъ Сергѣй Сергѣичь? а?
Нѣтъ; кажется, что нѣтъ.—Онъ человѣкъ замѣтной,
Сергѣй Сергѣичь Скалазубъ.

Хлёстова.

С. 162. Творецъ мой! оглушилъ, звончѣе всякихъ трубъ.

ЯВЛЕНІЕ 12-е

Тѣже и Скалазубъ, потомъ Молчалинъ

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичь, запоздали;

А мы васъ ждали, ждали, ждали.
(Подводитъ Хлёстовой)
Моя невѣстушка, которой ужь давно
Объ васъ говорено.

Хлёстова. (сидя)

Вы прежде были здѣсь... въ полку... въ томъ... гренадерскомъ?

С. 163.

Скалазубъ. (басомъ)

Въ Его Высочества, хотите вы сказать,
Ново-Земляномъ Мушкетерскомъ.

Хлёстова.

Не мастерица я полки-та различать.

Скалазубъ.

А форменныя есть отличьки:
Въ мундирахъ выпушки, погончики, петличьки.

Фамусовъ.

Тамъ васъ я насмѣшу
Пойдемте, батюшка; ~~тамъ ожидаютъ васъ~~
Курьёзный вистъ у насъ. За нами Князь! Прошу.—
~~Мой братъ и многіе. Прошу покорно. Князь!~~
(его, и Князя уводитъ съ собою)

С. 164.

Хлёстова. (Софіи)

Ухъ! я точнёхонько избавилась отъ петли;
Вѣдь полоумный твой отецъ;
Дался ему трехъ сажень удалецъ,
Знакомитъ, неспросясь пріятно-ли намъ? нѣтъ-ли?

Молчалинъ. (Подаетъ ей карту)

Я вашу партію составилъ: Мосьё Кокъ,
Ѳома Ѳомичь, и я.

Хлёстова.

Спасибо мой дружокъ.
(встаетъ)

Молчалинъ.

Вашъ шпицъ, прелестный шпицъ; неболѣе наперстка;
Я гладилъ все его; какъ шелковая шерстка.

С. 165. Хлёстова.

Спасибо, мой родной.
(уходитъ; за ней Молчалинъ и многіе другіе.)

ЯВЛЕНІЕ 13-е

Чацкій, Софія, и нѣсколько постороннихъ, которые въ продолженіи расходятся

Чацкій

Ну! тучу разогналъ...

Софія

Нельзяль не продолжать?

Чацкій

Чѣмъ васъ я напугалъ?
За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью
Хотѣлъ я похвалить,

С. 166. Софія

А кончили-бы злостью.

Чацкій.

Сказать вамъ, что я думалъ? Вотъ:
Старушки всѣ; народъ сердитый,
Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ, какъ громовой отводъ.
Молчалинъ!—Кто другій такъ мирно все уладитъ!
Тамъ моську во время погладитъ!
Тутъ въ пору карточьку вотретъ!
Въ немъ Загарѣцкій не умретъ;
Вы давиче его мнѣ исчисляли свойства;
Но многіе забыли?—да?
(уходитъ)

С. 167.

ЯВЛЕНІЕ 14-Е

Софія потомъ Г. N*

Софія. (про себя)

Ахъ! этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть; завидливъ, гордъ и золъ!

Г. N* (подходитъ)

Вы въ размышленьи.

Софія.

Объ Чацкомъ.

Г. N.

Какъ его нашли по возвращеньи?

С. 168.

Софія.

Онъ не въ своемъ умѣ.

Г. N*

Ужь-ли съ ума сошёлъ!

София. (помолчавши)

Не то, чтобы совсѣмъ

Г. N*

Однако есть примѣты?

София (смотритъ нанего пристально)

Мнѣ кажется.

Г. N*

Какъ можно въ эти лѣты!

С. 169.

София.

Какъ быть!

(въ стор:)

Готовъ онъ вѣрить!

А! Чацкій; любите вы всѣхъ въ шуты рядить,

Угодно ль на себя примѣрить?

(уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ 15-Е.

Г. N* потомъ Г. D*

N*

Съ ума сошелъ!.. Ей кажется, вотъ на!

Не даромъ? Стало быть.... съ чего-бъ взяла она!

Ты слышалъ?

С. 170.

D*

Что?

N*

Объ Чацкомъ?

D*

Что такое?

N*

Съ ума сошёлъ!

D*

Пустое.

N*

Не я сказалъ, другіе говорятъ.

D*

А ты разславить это радъ?

С. 171. N*

Пойду, освѣдомлюсь; чай кто-нибудь да знаетъ.

(Уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Г. D* потомъ Загарѣцкій.

D*

Вѣрь болтуну!

Услышитъ вздоръ, и тотчасъ повторяетъ!

Ты знаешь-ли объ Чацкомъ?

Загарѣцкій.

Ну?

D*

Съ ума сошелъ!

С. 172.

Загарѣцкій

А знаю, помню, слышалъ.
Какъ мнѣ незнать? примѣрный случай вышелъ;
Его въ безумные упряталъ дядя, плутъ;
Схватили, въ желтый домъ, и на цѣпь посадили.

D*

Помилуй, онъ сей часъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ.

Загарѣцкій.

Такъ съ цѣпи стало быть спустили.

D*

Ну милый другъ, съ тобой не надобно газетъ,
Пойду-ка я расправлю крылья;
У всѣхъ повыспрошу; Однако чуръ! секретъ.

С. 173.

ЯВЛЕНІЕ 17-Е

Загарѣцкій потомъ Графиня внучька

Загарѣцкій.

Который Чацкій тутъ? -- Извѣстная фамилья.
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.—
Вы слышали объ немъ?

Графиня внучька

Объ комъ?

Загарѣцкій

Объ Чацкомъ, онъ сей часъ здѣсь въ комнатѣ былъ

Графиня внучька

Знаю,
Я говорила съ нимъ.

С. 174. Загарѣцкій.

Такъ я васъ поздравляю:
Онъ сумасшедшій....

Графиня внучька

Что?

Загарѣцкій

да, онъ сошёлъ съ ума;

Графиня внучька

Представьте я замѣтила сама;
И хоть пари держать; сомной въ одно вы слово.

ЯВЛЕНІЕ 18-Е
Тѣже и Графиня Бабушка

Графиня внучька

Ah! grand' maman, вотъ чудеса! вотъ ново!
С. 175. Вы неслыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте. Вотъ прелести! вотъ мило!

Графиня Бабушка

Мой тругъ, мнѣ уши залошило;
Скаши погромче...

Графиня внучька.

Время нѣтъ;
Jl vous dira toute l'histoire.
Пойду, спрошу.

(уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ 19-е

Загарѣцкій, Графиня Бабушка.

Графиня бабушка.

что? что? ужь нѣтъ-ли здѣсь пошара?

Загарѣцкій.

С. 176. Нѣтъ, Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.

Графиня бабушка.

Какъ Чацкаго? кто свёлъ въ тюрьму?

Загарѣцкій.

Въ горахъ израненъ, въ лобъ, сошелъ съ ума отъ раны

Графиня бабушка.

Что? къ фармазанамъ въ клобъ? Пошелъ онъ въ бусурманы!

Загарѣцкій

Ее невразумишь.

(уходитъ)

С. 177. Графиня бабушка.

Антонъ Антоночь. Ахъ!
И онъ бѣжитъ, всѣ въ страхѣ, въ попыхахъ.

ЯВЛЕНІЕ 20-е

Графиня бабушка и Князь Тугоуховскій

Графиня бабушка.

Князь, Князь; Охъ этотъ Князь, по баламъ, самъ чуть дышитъ.
Князь слышали?—

Князь.

А! хмъ.

Графиня бабушка.

Онъ ничего неслышитъ.
Хоть мошетъ видѣли, здѣсь Полицмейстеръ пылъ?

С. 178. Князь.

Э хмъ!

Граф: бабу:

Въ тюрьму-та Князь, кто Чацкаго схватилъ?

Князь

И хмъ!

Граф: баб:

Тесакъ ему, да ранецъ,
т
Въ Салдаты, шутка-ли! перемѣнилъ законъ!

Князь.

У хмъ!

Граф: баб:

б
Да!.. въ пусурманахъ онъ!
С. 179. Ахъ! окоянный Волтерьянецъ!
Что? а? Глухъ мой отецъ; достаньте свой рожокъ.
Охъ! глухота большой порокъ.

ЯВЛЕНІЕ 21-е

Тѣже и Хлёстова, Софія, Молчалинъ, Платонъ Михайловичь, Наталья Дмитревна, Графиня внучька, Княгиня съ дочерьми, Загарѣцкій, Скалазубъ, потомъ Фамусовъ и многіе другіе

Хлёстова

Съ ума сошёлъ! Прошу покорно!
Да невзначай! Да какъ проворно!
Ты Софья слышала?

Плат: Миха:

Кто первый разгласилъ?

С. 180.

Нат: Дмитр:

Ахъ другъ мой, всѣ.

Плат: Миха:

Ну, всѣ, такъ вѣрить поневоли,
А мнѣ сомнительно.

Фамусовъ (входя)

О чемъ? О Чацкомъ что-ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открылъ;
Давно дивлюсь я, какъ ни кто его несвяжетъ!
Попробуй о властяхъ, и ни вѣсть, что наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцемъ
Хоть предъ Монаршіимъ лицёмъ,
Такъ назоветъ онъ подлецёмъ!..

С. 181.

Хлёстова.

Туда же, изъ смѣшливыхъ;
Сказала что-то я: онъ началъ хохотать.

Молчалинъ

Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ Архивахъ.

Графиня внучька

Меня Модисткою изволилъ величать!

Нат: Дмитр:

А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ;

Загарѣцкій

Безумный по всему.

Графиня внучька

Я видѣла изъ Глазъ.

С. 182. Фамусовъ.

По матери пошелъ, по Аннѣ Алексевнѣ;
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

Хлёстова.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай пилъ не по лѣтамъ.

Княгиня.

О! вѣрно....

Графиня внучька.

Безъ сомнѣнья.

Хлёстова

Шампанское стаканами тянулъ.

С. 183.

Нат: Дмитр:

Бутылками-съ, и пребольшими.

Загарѣцкій. (съ жаромъ)

Нѣтъ-съ бочьками сороковыми.

Фамусовъ.

Ну вотъ! великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мущина!
Ученье,—вотъ чума, ученость,—вотъ причина,
Что нынѣче пуще, чѣмъ когда
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній.

Хлёстова.

И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ, отъ однихъ
Отъ Пансіоновъ, школъ, Лицеевъ, какъ бишъ ихъ,
Да отъ Ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.

С. 184.

Княгиня.

Нѣтъ, въ Петербургѣ Институтъ
Пе—да—го—гическій, такъ кажется зовутъ:
Тамъ упражняются въ ~~р~~*а*сколахъ и въ безвѣрьи.
Профессоры!! унихъ учился нашъ родня,
И вышелъ! хоть сей часъ въ Аптеку, въ подмостерьи.
Отъ женщинъ бѣгаетъ, и даже отъ меня!
Чиновъ нехочетъ знать! Онъ химикъ, онъ ботаникъ,
Князь Ѳедоръ мой племянникъ.

Скалазубъ.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что эсть проэктъ на щетъ Лицеевъ, школъ, Гимназій,

Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два;
А книги сохранятъ такъ: для большихъ оказій;

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичь, нѣтъ. Ужь коли зло пресѣчь:
Забрать всѣ книги-бы, да сжечь.

С. 185.

Загарѣцкій.

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь. А естлибъ между нами,
Былъ Ценсоромъ назначенъ я,
На басни-бы налегъ, охъ! басни смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами! надъ Орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а все таки Цари.

Хлёстова.

Отцы мои, ужь кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ всё равно, отъ книгъ-ли, отъ питьяля,
А Чацкаго мнѣ жаль.
По Христіански такъ, онъ жалости достоинъ,
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

Фамусовъ.

Четыре.—

С. 186.

Хлёстова.

Три сударь.

Фамусовъ.

Четыреста.

Хлёстова.

Нѣтъ! триста.

Фамусовъ.

Въ моемъ Календарѣ....

Хлёстова.

Все врутъ Календари.

Фамусовъ.

555 Какъ разъ четыреста, охъ! спорить голосиста!

Хлёстова.

Нѣтъ! триста, ужь чужихъ имѣній мнѣ незнать.

С. 187. Фамусовъ.

Четыреста прошу понять.

Хлестова.

Нѣтъ! триста, триста, триста.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНѢЕ.

Тѣже всѣ, и Чацкій.

Дми

Нат: ~~Юръ:~~

Вотъ онъ.

Графиня внучька

Шшъ!

Всѣ.

Шшъ!

(пятятся отъ него въ противную сторону)

С. 188.

Хлёстова.

Ну какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ, потребуетъ къ раздѣлкѣ!

Фамусовъ.

О Господи! помилуй грѣшныхъ насъ!
(опасливо)
Любезнѣйшій! Ты не въ своей тарелкѣ.
Съ дороги, нуженъ сонъ. Дай пульсъ. Ты нездоровъ.

Чацкій.

Да, мочи нѣтъ: милльонъ терзаній
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ.
(Подходитъ къ Софьѣ)

С. 189.

Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой;
Нѣтъ! не доволенъ я Москвой.

Хлестова.

Москва вишь виновата.

Фамусовъ.

Подальше отъ него.
(дѣлаетъ знаки Софіи)
Гмъ, Софья!—Не глядитъ!

Софія. (Чацкому)

Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?

Чацкій.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча.

С. 190. Французикъ изъ бордо, надсаживая грудь,
Собралъ округъ себя родъ вѣча,
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ, и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца;
Ни звука Рускаго, ни Рускаго лица
Невстрѣтилъ: будто-бы въ отечествѣ; съ друзьями;
II
Своя провинція. ~~/~~осмотришь, вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ Царькомъ;
Такойже толкъ у дамъ, такіе-же наряды...
~~Ну словомъ отпустилъ возъ цѣлый многолѣтствій,~~
но *не*
Онъ радъ, мы ~~больше~~ рады
~~И въ восхищеніи отъ насъ,~~
~~Отъ нашихъ округленныхъ фразъ,~~
~~Отъ нашихъ гладинькихъ привѣтствій,~~
и
Умолкъ, ~~И~~ тутъ совсѣхъ сторонъ,
Тоска, и оханье, и стонъ
Ахъ! Ф *я!*
~~Объ южной~~ /Франціи/. Нѣтъ въ мірѣ лучше края,
Рѣшили двѣ Княжны, сестрицы, повторяя
С. 191. Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ Княженъ!
Я одаль возсылалъ желанья
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
3 *2* *1*
Слѣпаго, рабскаго, пустаго подражанья;
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ нибудь съ душой,
Кто могъ-бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжой,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.

Пускай меня отъявятъ старовѣромъ,
Но хуже, для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ, на новый ладъ,
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду, на другую
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какій-то выемъ чудный,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ
С. 192. ~~Лишь только въ пору намъ, чтобъ кашель дать про-~~
~~студный;~~
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки!
Какъ платья, волосы, такъ и умы коротки!....
Ахъ! если рождены мы все перенимать,
Хоть у Китайцевъ-бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья Иноземцевъ;
Воскреснемъ-ли когда отъ чужевластья модъ?
Что бъ умный, бодрый нашъ народъ,
Хотя по языку насъ не считалъ за Нѣмцевъ.
—„Какъ Европейское поставить въ паралель,
„Съ національнымъ странно что-то!
„Ну какъ перевести Мадамъ и Мадмуазель?
„Ужь-ли сударыня!!“—Заборматалъ мнѣ кто-то...
Вообразите тутъ у всѣхъ,
На мой-же щетъ поднялся смѣхъ.
„Сударыня! Ха! Ха! Ха! Ха! прекрасно!
С. 193. „Сударыня! Ха! Ха! Ха! Ха! ужасно!!“—
Я разсердясь и жизнь кленя
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый;

Но всѣ оставили меня.—
Вотъ случай вамъ со мною, онъ не новый;
Москва и Петербургъ, во всей Россіи то,
Что человѣкъ изъ города бордо;
Лишь ротъ открылъ, имѣетъ щастье
Во всѣхъ Княжонъ вселять участье;
И въ Петербургѣ и въ Москвѣ,
Кто не другъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей по нещастью головѣ
Пять, шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно обьявлять,
Глядь.....

(оглядывается, всѣ въ вальсѣ кружатся съ величайшимъ усердіемъ. Старики разбрелись къ карточнымъ столамъ)

Конецъ Третьяго Дѣйствія

С. 194.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

У Фамусова въ домѣ Парадныя сѣни, большая Лѣстница изъ втораго жилья, къ которой примыкаютъ многія побочныя изъ Антресолей, внизу справа {отъ дѣйствующихъ} выходъ на крыльцо и Швейцарская ложа, съ лѣва на одномъ-же планѣ комната Молчалина.

Ночь.

Слабое освѣщеніе. Лакеи иные суетятся,
иные спятъ въ ожиданіи Господъ своихъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-Е

Графиня бабушка, Графиня внучька, впереди ихъ Лакей

Лакей.

Графини Хрюминой Карета.

С. 195.

Графиня внучька (покуда ее укутываютъ)

Ну балъ! Ну Фамусовъ! умѣлъ гостей назвать!
Какіе-то уроды съ того свѣта,
И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцовать.

Графиня бабушка.

т ф
Поѣдемъ матушка, мнѣ право не подъ силу,
п т
Когда нибудь я съ бала да въ могилу.

(Обѣ уѣзжаютъ)

ЯВЛЕНІЕ 2-е

Платонъ Михайловичь и Наталья Дмитревна

{одинъ лакей около ихъ хлопочетъ,
другій у подъ ѣзда кричитъ:}

Карета Горича.

С. 196. Нат: Дмитр:

Мой Ангелъ, жизнь моя,
Безцѣнный, душечька, Попошь, что такъ уныло?
(цѣлуетъ мужа въ лобъ)
Признайся весело у фамусовыхъ было.

Плат: Миха:

Наташа—матушка, дремлю набалахъ я,
До нихъ смертельный неохотникъ,
А непротивлюсь, твой работникъ,
Дежурю за полночь, подъ часъ
Тебѣ въ угодность, какъ ни грустно
Пускаюсь по командѣ въ плясъ

С. 197. Нат: Дмит:

Ты притворяешься, и очень неискусно,
Охота смертная прослыть за старика.
(уходитъ съ Лакеемъ)

Плат: Михай: (хладнокровно)

Балъ вещь хорошая, неволя-то горька,
И кто жениться насъ неволитъ!
Вѣдь сказаножь иному народу....

Лакей. (съ крыльца)

Въ каретѣ барыня-съ, и гнѣваться изволитъ

Плат: Михай:

(со вздохомъ)

Иду, иду.

(Уѣзжаетъ)

С. 198.

ЯВЛЕНІЕ 3-Е.

Чацкій и Лакей его впереди.

Чацкій.

Кричи, чтобы скорѣе подавали.

(Лакей уходитъ)

Ну вотъ и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли:
Чего я ждалъ? Что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчь? участье въ комъ живое?
II
Крикъ! радость! обнялись! пустое;
Въ повозкѣ такъ-то на пути
Не обозримою равниной, сидя праздно,
Все что-то видно впереди
ё
Свѣтло, синее, разнообразно,
И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый, вотъ рѣзво
Но *и*
С. 199. Домчались къ отдыху: начлегъ: куда ни взглянешь,
а
Все тоже гладь, и степь, и пусто и мертво;
Досадно мочи нѣтъ, чѣмъ больше думать станешь
(лакей возвращается)
Готово?

Лакей.

Кучера-съ нигдѣ вишь ненайдутъ

Чацкій.

Пошелъ, ищи, не ночевать-же тутъ.

(Лакей опять уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ 4-е

Чацкій, Репетиловъ (вбѣгаетъ съ крыльца при самомъ входѣ падаетъ со всѣхъ ногъ и поспѣшно оправляется)

Репетиловъ

Тьфу! оплошалъ.—Ахъ мой Создатель!
С. 200. Дай протереть глаза; откудова? Пріятель!..
Сердечный другъ! Любезный другъ! Mon cher!
Вотъ фарсы мнѣ, какъ часто были пѣты,
Что пустомѣля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты;
Сей часъ...растолковать прошу,
Какъ будто зналъ сюда спѣшу,
Хвать объ порогъ задѣлъ ногою,
И растянулся во весь ростъ.
Пожалуй смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ;
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть,
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такаго друга,
Такаго вѣрнаго, ей, ей,
Пускай лишусь жены, дѣтей,
С. 201. Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
И разразитъ меня Господь.....

Чацкій.

Да полно вздоръ молоть.

Репетиловъ.

Не любишь ты меня, естественное дѣло:
Съ другими я и такъ и сякъ,
Съ тобою говорю несмѣло,
Я жалокъ, я смѣшенъ, я неучь, я дуракъ.

Чацкій.

Вотъ странное уничиженье!—

Репетиловъ

Ругай меня, я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю какъ время убивалъ!
Скажи, который часъ?—

С. 202.

Чацкій.

Часъ ѣхать спать ложиться;
Коли явимся ты на балъ,
Такъ можешь воротиться:

Репетиловъ.

Что балъ? братецъ, гдѣ мы всю ночь до бѣла дня,
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига,
Читалъ-ли ты? есть книга....

Чацкій.

А ты читалъ? задача для меня,
Ты Репетиловъ-ли?

Репетиловъ

Зови меня Вандаломъ;
Я это имя заслужилъ

Людьми пустыми дорожилъ!
С. 203. Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ.
Объ дѣтяхъ забывалъ! Обманывалъ жену!
Игралъ! проигрывалъ! въ опеку взятъ указомъ!
Танцовщицу держалъ! и не одну
Трехъ разомъ!
Пилъ мертвую! неспалъ ночей по девяти!
Все отвергалъ: законы! совѣсть! вѣру!

Чацкій.

Послушай ври да знай же мѣру
Есть отъ чего въ отчаянье придти
~~Отъ пустяковъ твоихъ въ отчаянье придти~~.

Репетиловъ.

Поздравь меня, теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими!!—всю ночь не рыщу на пролётъ.

Чацкій.

Вотъ нынѣче на примѣръ.

С. 204. Репетиловъ.

Что ночь одна, не въ щётъ,
За то спроси, гдѣ былъ?

Чацкій.

И самъ я догадаюсь.
Чай въ Клубѣ?

Репетиловъ.

Въ Англійскомъ. ~~И~~ чтобъ исповѣдь начать:
Изъ шумнаго я засѣданья.

Пожалосто молчи, я слово далъ молчать,
У насъ есть общество, и тайныя собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ....

Чацкій.

Ахъ! я братецъ, боюсь.
Какъ? въ Клубѣ?

С. 205.

Репетиловъ

Имянно.

Чацкій.

Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ въ зашеи прогнать ивасъ, и ваши тайны.

Репетиловъ.

Напрасно страхъ тебя беретъ,
Въ слухъ, громко говоримъ, ни кто неразберетъ.
Я самъ какъ схватятся объ Камерахъ, Присяжныхъ,
Объ Бейронѣ, ну объ матерьяхъ важныхъ,
Частенько слушаю, неразжимая губъ,
Мнѣ не подъ силу братъ, и чувствую, что глупъ.
Ахъ Alexandre! У насъ тебя недоставало,
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало,

С. 206.

Поѣдимъ-ка сей-часъ; мы благо на ходу,
Съ какими я тебя сведу
Людьми!!!... ужь на меня ни сколько непохожи,
Что за люди, mon cher! сокъ умной молодёжи!—

Чацкій.

Богъ съ ними, и съ тобой. Куда я поскачу?
За чѣмъ? въ глухую ночь? домой я спать хочу.

Репетиловъ.

Ну полно безъ прелюдій,
Э! брось! кто ныньче спитъ? ~~будь образецъ Геройства,~~
ые люди
~~Рѣшись, а мы! у насъ.... рѣшительнаго свойства~~
Горячихъ дюжина головъ!
Кричимъ, подумаешь, что сотни голосовъ!...

Чацкій.

Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?

С. 207. Репетиловъ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ...

Чацкій.

Шумите вы? и только?

Репетиловъ.

Немѣсто обьяснять, теперь и недосугъ,
Но Государственное дѣло:
Оно вотъ видишь не созрѣло,
Нельзяже вдругъ.
Что за люди! mon cher! безъ дальнихъ я Исторій
Скажу тебѣ: вопервыхъ: Князь Григорій!!
Чудакъ единственный! насъ со смѣху моритъ!
Вѣкъ съ Англичанами, вся Англійская складка,
И такъ же онъ сквозь зубы говоритъ,
С. 208. И такъ же коротко обстриженъ для порядка.
Ты не знакомъ? О! познакомся съ нимъ.
Другій Воркуловъ Евдокимъ,
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? о! диво!

Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
„А! нонъ лашьяръ ми, но, но, но.“
Еще унасъ два брата:
Левонъ и Боринька, чудесные рѐбята!
Объ нихъ незнаешь что сказать;
Но естли Генія прикажете назвать:
Удушьевъ Ипполитъ Маркелочь!!!
Ты сочиненія его
Читалъ-ли что ни-будь? хоть мѣлочь?
Прочти братецъ, да онъ непишетъ ничего,
Вотъ эдакихъ людей-бы сѣчь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать,
С. 209. Въ Журналахъ можешь ты однако отъ искать
Его отрывокъ, взглядъ и нѣчто.
Объ чемъ бишь нѣчто?—обо всемъ,
Все знаетъ, мы его на черный день пасемъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночный, разбойникъ, дуэлистъ,
Ка ч
Въ ~~комнатку~~ сосланъ былъ, вернулся Алеутомъ,
И крѣпко на руку нечистъ;
Да умный человѣкъ неможетъ быть неплутомъ;
Когда жь объ честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ:
Глаза въ крови, лице горитъ,
ть
Самъ плачетъ, и мы всѐ рыдаемъ
Вотъ люди, есть-ли имъ подобные? на врятъ,

Ну, между ими я конечно за урядъ,
Немножко по отсталъ, лѣнивъ, подумать ужасъ!
С. 210. Однакожь я, когда умишкомъ понатужась
Засяду, часу несижу,
И какъ-то невзначай, вдругъ Каламбуръ рожу.
Другіе у меня мысль этуже подцѣпятъ,
И въ шестеромъ глядь водевильчикъ слѣпятъ,
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ.
Братъ, смѣйся, а что любо, любо:
Способностями Богъ меня не наградилъ,
Далъ сердце доброе, вотъ чѣмъ я людямъ милъ
Совру, простятъ.—

Лакей. (у подъѣзда)

Карета Скалазуба.

Репетиловъ.

Чья?

С. 211. ЯВЛЕНІЕ 5-Е

Тѣже и Скалазубъ (спускается съ лѣстницы)

Репетиловъ. (къ нему навстрѣчу)

Ахъ! Скалазубъ, душа моя,
Постой, куда же? сдѣлай дружбу.
(душитъ его въ объятіяхъ)

Чацкій.

Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ!
(входитъ въ Швейцарскую.)

Репетиловъ. (Скалазубу)

Слухъ объ тебѣ давно затихъ,
Сказали, что ты въ полкъ отправился на службу
Знакомы вы?
(ищетъ Чацкаго глазами)
Упрямецъ! ускакалъ!
С. 212. Нѣтъ нужды, я тебя нечаянно сыскалъ,
И просимъ-ка сомной, сей часъ безъ отговорокъ:
У Князя—Григорія теперь народу тьма,
Увидишь человѣкъ насъ сорокъ,
Фу! сколько братецъ тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ, не наскучатъ,
Вопервыхъ напоятъ Шампанскимъ наубой,
А во вторыхъ такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ конечно намъ невыдумать съ тобой.

Скалазубъ.

Избавь. Ученностью меня необморочешь,
Скликай другихъ, а естли хочешь,
Я Князю-Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ,
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикнете; такъ мигомъ успокоитъ.

С. 213. Репет:

Всё служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда:
И я въ чины-бы лезъ, да неудачи встрѣтилъ
Какъ можетъ быть ни кто и ни когда,
По Статской я служилъ, тогда
Баронъ фонъ Клоцъ въ Министры мѣтилъ,

А я,
Къ нему въ зятья.
Шелъ на прямикъ безъ дальней думы,
Съ его женой и съ нимъ пускался въ́реверси
Ему и ей какія суммы
Спустилъ, что Боже упаси!
Онъ на фонтанкѣ жилъ, я возлѣ домъ построилъ,
Съ колонами! огромный! сколько стоилъ!
Женился наконецъ надочери его,
Приданаго взялъ: шишъ, по службѣ:—ничего
С. 214. Тесть нѣмецъ, а что проку?—
Боялся видишь онъ упрёку
За слабость будто-бы, къ роднѣ!
Боялся, прахъ его возьми, да легчель мнѣ?
Секретари его всѣ хамы, всѣ продажны
Людишки, пишущія тварь,
Всѣ вышли въ знать, всѣ нынѣче важны,
Гляди-ка въ Адресъ-Календарь.
Тьфу! служба и чины, кресты душѣ мытарства
Лахмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что радикальныя потребны тутъ лѣкарства.
Желудокъ дольше неваритъ.

(Останавливается, увидя, что Загарѣцкій заступилъ мѣсто Скалазуба, который покудова уѣхалъ)

С. 215. ЯВЛЕНІЕ 6-е

Репетиловъ Загарѣцкій

Загар:

Извольте продолжать, вамъ искренно признаюсь,

Такій же я какъ вы: ужасный Либералъ!
И отъ того, что прямъ и смѣло обьясняюсь,
Куда какъ много потерялъ! --

Репет: (съ досадой)

Все врозь, неговоря ни слова худаго
Чуть изъ виду одинъ, гляди ужь нѣтъ другаго.
Былъ Чацкій, вдругъ исчезъ, потомъ и Скалазубъ.

Загарѣцкій

Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

Репетиловъ

Онъ не глупъ,
С. 216. Сей часъ столкнулись мы, тутъ всякіе турусы,
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль.
Да! водевиль есть вещь, а прочее все гиль,
Мы съ нимъ.... у насъ.... одни и тѣже вкусы.

Загарѣцкій.

А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ сурьёзно поврежденъ?

Репетиловъ

Какая чепуха!

Загарѣцкій.

Объ немъ всѣ этой вѣры.

Репетиловъ

Вранье

С. 217. Загарѣцкій.

Спросите всѣхъ.

Репетиловъ.

Химеры.

Загарѣцкій.

А кстати вотъ Князь Петръ Ильичь,
Княгиня и съ Княжнами.

Репетиловъ

Дичь.

ЯВЛЕНІЕ 7-е

Репетиловъ, Загарѣцкій, Князь и Княгиня съ шестью дочерями, немного погодя Хлёстова спускается съ парадной лѣстницы, Молчалинъ ведетъ ее подъ руку. Лакеи въ суетахъ.

С. 218. Загарѣцкій.

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мнѣнье,
Безумный Чацкій или нѣтъ?

1-я Княжна.

Какоежь въ этомъ есть сомнѣнье?

2-я Княжна.

Про это знаетъ цѣлый свѣтъ.

3-я Княжна.

Дрянскіе, Хворовы, Варлянскіе, Скачьковы.—

4-я Княжна.

Ахъ! вѣсти старыя, кому онѣ *ужъ* новы?

5-я Княжна.

Кто сомнѣвается?

С. 219. Загарѣцкій.

Да вотъ невѣритъ...

6-я Княжна.

Вы!

Всѣ вмѣстѣ

Мсьё Репетиловъ! вы Мсьё Репетиловъ что вы!
Дакакъ вы! можноль противъ всѣхъ!
Да почему вы? стыдъ и смѣхъ.

Репетиловъ. (затыкаетъ себѣ уши)

Простите, я незналъ, что это слишкомъ гласно.

Княгиня.

Еще негласно-бы, съ нимъ говорить опасно,
Давно-бы запереть пора,
С. 220. Послушать, такъ его мизинецъ
Умнѣе всѣхъ, и даже Князь—Петра!
Я думаю, онъ просто Якобинецъ
Вашъ Чацкій!!!.. Ѣдемъ-те. Князь, ты везти-бы могъ
Катишь или Зизи, мы сядемъ въ шестимѣстной.

Хлёстова. (съ лѣстницы)

Княгиня, карточный должокъ.

Княгиня.

За мною матушка.

Всѣ. (другъ другу)

Прощайте.
(Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загарѣцкій тоже)

С. 221.

ЯВЛЕНІЕ 8-е

Репетиловъ, Хлестова, Молчалинъ.

Репетиловъ.

Царь Небесный!

Амфиса Ниловна!
Амфиса Карповна! Ахъ! Чацкій! бѣдный! вотъ!
Что нашъ высокій умъ! и тысяча заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ!

Хлёстова

Такъ Богъ ему судилъ, а впрочемъ
Полѣчатъ, вылѣчатъ авось,
А ты мой батюшка, не изцѣлимъ хоть брось.
Изволилъ во время явиться!—
Молчалинъ, вонъ чуланчикъ твой,
Не нужны проводы, поди, Господь съ тобой.
(Молчалинъ уходитъ къ себѣ въ комнату)

С. 222. Прощайте, батюшка, пора перебѣситься.
(Уѣзжаетъ)

ЯВЛЕНІЕ 9-е

Репетиловъ съ своимъ Лакеемъ.

Репетиловъ.

Куда теперь направить путь?
А дѣло ужь идетъ къ разсвѣту.
а
Поди, сужай меня въ Карету,
Вези куда нибудь.
(уѣзжаетъ)

ЯВЛЕНІЕ 10-Е.

(Послѣдняя лампа гаснетъ)

Чацкій выходитъ изъ Щвейцарской.

Что это? слышалъ-ли моими я ушами!
С. 223. Не смѣхъ а явно злость. Какими чудесами?
Черезъ какое колдовство
Не лѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ!
И для иныхъ какъ словно торжество,
Другіе будто сострадаютъ...
О! естлибъ кто въ людей проникъ:
Что хуже въ нихъ? душа или языкъ?
Чье это сочиненье!
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ,
Старухи въ мигъ тревогу бьютъ,
И вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ та родина....нѣтъ, въ нынѣшній пріѣздъ,
Я вижу, что она мнѣ скоро надоѣстъ.
А Софья знаетъ-ли?—Конечно расказали,
Она не то, чтобы мнѣ имянно во вредъ
Потѣшилась, и правда или нѣтъ
Ей все равно, другій-ли я-ли,
Никѣмъ посовѣсти она недорожитъ.
С. 224. Но этотъ обморокъ? безпамятство, откуда??—
Нервъ избалованность, причуда,
Возбудитъ малость ихъ, и малость утишитъ,
Я признакомъ почелъ живыхъ страстей.—Ни крошки,
Она конечно-бы лишилась такъ же силъ,

Когда-бы кто-нибудь ступилъ
На хвостъ сабачьки или кошки.

София. (надъ лѣстницей во второмъ этажѣ сосвѣчою)

Молчалинъ. вы?
(поспѣшно опять дверь припираетъ)

Чацкій.

Она! Она сама!
Ахъ! голова говоритъ, вся кровь моя въ волненьи.
Явилась! нѣтъ ее! не ужели въ видѣньи?
Не впрямъ-ли я сошелъ съ ума?
Къ необычайности я точно приготовленъ
~~Нѣтъ, нѣтъ, къ говорячькѣ я конечно подготовленъ~~,
С. 225. Но невидѣнье тутъ, свиданья часъ условленъ.
Къ чему обманывать себя мнѣ самаго?
Звала Молчалина, вотъ комната его.

Лакей. его съ крыльца.

Каре....

Чацкій. (выталкиваетъ его вонъ)

Ссъ!..
Будь здѣсь, и не смыкаю глазу,
Хоть до утра. Ужь коли горе пить,
Такъ лучше съ разу,
Чѣмъ медлить, а бѣды медленьемъ неизбыть.
Дверь отворяется.
(прячется за колонну)

ЯВЛЕНІЕ 11-Е

Чацкій спрятанъ **Лиза** со свѣчькой

Лиза.

Ахъ! мочи нѣтъ! робѣю:
С. 226. Въ пустыя сѣни! въ ночь! боишься домовыхъ,
Боишься и людей живыхъ.
Мучительница,—барышня, Богъ съ нею.
И Чацкій, какъ бельмо въ глазу;
Вишь, показался ей онъ гдѣ-то, здѣсь въ низу.
(Осматривается)
Да! какъ же? по сѣнямъ бродить ему охота!
Онъ чай давно ужь за ворота,
Любовь на завтра поберёгъ,
Домой, и спать залёгъ.
Однако велѣно къ сердечному толконуться.
(стучится къ Молчалину)
Послушайте-съ. Извольте-ка проснуться.
Васъ кличетъ барышня, васъ барышня зоветъ.
Да поскорѣй, чтобъ незастали.

ЯВЛЕНІЕ 12-Е

С. 227. **Чацкій** за колонною, **Лиза**, **Молчалинъ** (потягивается и зѣваетъ)

Софія (крадется съ верху)

Лиза.

Вы, сударь, камень сударь, лёдъ.

Молчалинъ.

Ахъ! Лизанька, ты отъ себя-ли?

Лиза

Отъ барышни-съ

Молчалинъ.

Кто-бъ отгадалъ
Что въ этихъ щечькахъ, въ этихъ жилкахъ.
Любви еще румянецъ не игралъ!
Охота быть тебѣ лишь только на посылкахъ?

Лиза.

С. 228. А вамъ искателямъ невѣстъ
Ненѣжиться и незѣвать-бы;
Пригожь и милъ, кто недоѣстъ,
И недоспитъ до свадьбы:

Молчалинъ.

Какая свадьба? съ кѣмъ?

Лиза

А съ барышней?

Молчалинъ.

Поди,
Надежды много впереди,
Безъ свадьбы время проволочимъ.

Лиза.

Что вы, сударь! да мы когожь
Себѣ въ мужья другаго прочимъ?

С. 229. Молчалинъ.

Незнаю. А меня, такъ разбираетъ дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павелъ Аѳанасьичь разъ,
Когда нибудь поимаетъ насъ,
Разгонитъ, проклянетъ!... да что? открыть-ли душу?
Я въ Софьѣ Павловнѣ не вижу ничего
Завиднаго. Дай богъ ей вѣкъ прожить богато,
Любила Чацкаго когда-то,
Меня разлюбитъ, какъ его.
Мой Ангельчикъ, желалъ-бы въ половину.
Къ ней тоже чувствовать, что чувствую къ тебѣ,
Да нѣтъ, какъ ни твержу себѣ,
Готовлюсь нѣжнымъ быть, а свижусь, и простыну.

Софія. {въ сторону}

Какія низости!

С. 230. Чацкій. (за колоною)

Подлецъ!

Лиза

И вамъ несовѣстно?

Молчалинъ.

Мнѣ завѣщалъ отецъ:
Вопервыхъ угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья;
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платья,

Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была.

Лиза.

Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

С. 231. Молчалинъ.

И вотъ любовника я принимаю видъ
Въ угодность дочери такаго человѣка....

Лиза.

Который кормитъ и поитъ,
А иногда, и чиномъ наградитъ?
Пойдемтеже, довольно толковали.

Молчалинъ.

Пойдемъ любовь дѣлить плачевной нашей крали.
Дай, обниму тебя отъ сердца полноты.
{Лиза недается}
Зачѣмъ она не ты!
{хочетъ идти, Софья не пускаетъ}

Софія. (почти шопотомъ, вся сцена въ пол-голоса)

Нейдите далѣе. Наслушалась я много,
Ужасный человѣкъ! Себя я, стѣнъ стыжусь.

С. 232. Молчалинъ.

Какъ! Софья Павловна....

Софія.

Ни слова ради бога,
Молчите, я на все рѣшусь.

Молчалинъ. (бросается на колѣна)
(София отталкиваетъ его)

Ахъ! вспомните! не гнѣвайтеся, взгляньте!..

Софія.

Не помню ничего, недокучайте мнѣ.
Воспоминанія! какъ острый ножь онѣ.

(*ползаетъ у ногъ ея*)
Молчалинъ. (~~валяется въ ногахъ у нее~~)

Помилуйте.....

С. 233. Софія.

Не подличайте, встаньте.
Отвѣта не хочу, я знаю вашъ отвѣтъ,
Солжете.....

Молчалинъ.

Сдѣлайте мнѣ милость....

Софія.

Нѣтъ. Нѣтъ. Нѣтъ.

Молчалинъ.

Шутилъ, и несказалъ я ничего, окромѣ....

Софія.

Отстаньте, говорю, сей-часъ,
Я крикомъ разбужу всѣхъ въ домѣ,
И погублю себя и васъ.
{Молчалинъ встаетъ}
С. 234. Я съ этихъ поръ, васъ будто незнавала.
Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ

Не смѣйте ожидать не стоите вы ихъ,
Но чтобы въ домѣ здѣсь, заря васъ незастала,
Чтобъ никогда объ васъ я больше неслыхала.

Молчалинъ

Какъ вы прикажете.

Софія.

Иначе раскажу
ю правду *съ* *ы*
Всѣ батюшкѣ, ~~въ моей~~ досадѣ
Вы знаете, что я собой недорожу.
ы
Подите.—Стойте, будьте радѣ,
Что при свиданіяхъ со мной въ ночной тиши,
Держались болѣе вы робости во нравѣ,
Чѣмъ даже днемъ, и при людяхъ, и въ явѣ,
Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ кривизны души.
С. 235. Сама довольна тѣмъ, что ночью все узнала;
Нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ,
Какъ давиче когда я въ обморокъ упала,
Здѣсь Чацкій былъ.....

Чацкій (бросается между ними)

щ
Онъ здѣсь притворница.

Лиза и Софія.

Ахъ! Ахъ!..

(Лиза свѣчьку раняетъ съ испугу. Молчалинъ скрывается къ себѣ въ комнату)

ЯВЛЕНІЕ 13-Е

Тѣже кромѣ Молчалина

Чацкій.

Скорѣе въ обморокъ, теперь оно въ порядкѣ,
С. 236. Важнѣе давишной причина есть тому,
Вотъ наконецъ рѣшеніе загадкѣ!
Вотъ я пожертвованъ кому!
Незнаю какъ въ себѣ я бѣшенство умѣрилъ!
Глядѣлъ, и видѣлъ, и невѣрилъ!
А милый для каго забытъ,
И прежній другъ, и женскій страхъ и стыдъ:
За двери прячется, боится быть въ отвѣтѣ.
Ахъ! какъ игру судьбы постичь?
Людей съ душой гонительница, бичь!—
Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ!

Софія.

(вся въ слезахъ)

Не продолжайте, я виню себя кругомъ.
Но кто-бы думать могъ, чтобъ былъ онъ такъ коваренъ!

С. 237.

Лиза.

Стукъ! шумъ! Ахъ! Боже мой! сюда бѣжитъ весь домъ.
Вашъ батюшка, вотъ будетъ благодаренъ.

ЯВЛЕНІЕ 14-Е

Чацкій, Софія, Лиза, Фамусовъ, толпа Слугъ со свѣчами

Фамусовъ.

Сюда! За мной! Скорѣй! Скорѣй!

Свѣчей, побольше. Фонарей!
Гдѣ домовые? Ба! знакомыя все лица!
Дочь, Софья Павловна, Страмница.
Бестыдница! Гдѣ! съ Кѣмъ! Ни дать, ни взять она,
Какъ мать ее, покойница жена;
Бывало я съ дражайшей половиной
С. 238. Чуть врозь:—ужь гдѣ нибудь съ мущиной!
Побойся Бога, какъ? чѣмъ онъ тебя прельстилъ?
Сама его безумнымъ называла!
Нѣтъ! глупость на меня и слѣпота напала!
Все это заговоръ и въ заговорѣ былъ
Онъ самъ, и гости всѣ. За что я такъ наказанъ!...

Чацкій. (Софіи)

Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще обязанъ?

Фамусовъ.

Братъ не финти, недамся я въ обманъ,
Хоть подеретесь не повѣрю.
Ты Филька, ты прямой чурбанъ,
Въ Швейцары произвелъ ленивую тетерю,
Не знаетъ ни про что, нечуетъ ничего.
Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?
С. 239. Сѣнѣй незаперъ для чего?
И какъ недосмотрѣлъ? и какъ ты недослышалъ?
Въ работу васъ. На поселенье васъ.
За грошь продать меня готовы.
Ты быстроглазая, все отъ твоихъ проказъ;
Вотъ онъ Кузнецкій мостъ, наряды иобновы;

За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать.
А васъ, сударь, прошу я толкомъ
Туда не жаловать ни прямо, ни просёлкомъ;
И ваша такова послѣдняя черта,
Что чай ко всякому дверь будетъ заперта:
Я постараюсь, я, въ набатъ я приударю,
По городу всему, надѣлаю хлопотъ,
И оглашу во весь народъ:
Въ Сенатъ подамъ, Министрамъ, Государю.

Чацкій (послѣ нѣкотораго молчанія)

Не образумлюсь... виноватъ,
И слушаю, не понимаю,
Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотятъ.
Растерянъ мыслями... чего-то ожидаю.

(съ жаромъ)

Слѣпецъ! я въ комъ искалъ награду всѣхъ трудовъ!
Спѣшилъ!.. летѣлъ! дрожалъ! вотъ щастье думалъ, близко.
Предъ кѣмъ я давиче такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!
А вы! о Боже мой! кого себѣ избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли!
За чѣмъ меня надеждой завлекли?
За чѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что же прошедшее вы обратили въ смѣхъ?!

Страница 240-ая рукописи.

Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ, въ обоихъ насъ движеній сердца тѣхъ,
Которыя во мнѣ ни даль не охладила,
Ни развлеченій, ни перемѣна мѣстъ,
Дышалъ, и ими жилъ, былъ занятъ безпрерывно!
Сказали-бы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки, все противно —
Я съ вами тотчасъ-бы сношенія пресѣкъ,
И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,
Не сталъ-бы очень добираться,
Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ?...

Вы помиритесь съ нимъ, по размышленьи зрѣломъ.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и спосылать за дѣломъ.
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ жениныхъ пажей,
Высокій идеалъ Московскихъ всѣхъ мужей! —

Довольно!.. съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.

Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить,
Постой-же я тебя исправлю:
Изволь-ка въ избу, маршъ, за птицами ходить;
Да и тебя мой другъ я дочька не оставлю;
Еще дни два терпѣніе возьми,
Не быть тебѣ въ Москвѣ, нежить тебѣ съ людьми.
Подалѣе отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ,
Тамъ будешь горе горевать,
С. 240. *За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать.*
А васъ, сударь, прошу я толкомъ
Туда нежаловать ни прямо, ни просёлкомъ;
И ваша такова послѣдняя черта,
Что чай ко всякому дверь будетъ заперта:
Я постараюсь, я, въ набатъ я приударю,
По городу всему, надѣлаю хлопотъ,
И оглашу во весь народъ:
Въ Сенатъ подамъ, Министрамъ, Государю.

Чацкій {*послѣ некотораго молчанія*}

Необразумлюсь... виноватъ,
И слушаю, непонимаю,
Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотятъ,
Растерянъ мыслями... чего-то ожидаю.
{*съ жаромъ*}
Слѣпецъ! я въ комъ искалъ награду всѣхъ трудовъ!
Спѣшилъ!.. летѣлъ! дрожалъ! вотъ щастье думалъ, близко,
Предъ кѣмъ я давиче такъ страстно и такъ низко

былъ расточитель нѣжныхъ словъ.
А вы! о боже мой! кого себѣ избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли!
За чѣмъ меня надеждой завлекли?
За чѣмъ мнѣ прямо несказали,
Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ:?!
даже
С. 241. *Что память вамъ ~~давно~~ постыла*
Тѣхъ чувствъ, въ обоихъ насъ движеній сердца тѣхъ,
Которыя во мнѣ ~~неохлад~~ ни даль неохладила,
Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ,
Дышалъ, и ими жилъ, былъ занятъ безпрерывно!
Сказали-бы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки, все противно—
съ вами сношенія прекъкъ,
Я тотчасъ-бы ~~бѣжалъ, чтобъ не при васъ тужить,~~
передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,
И ~~сладко съ миленькимъ могли бы вы прожить~~
Несталъ-бы очень добираться,
Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ?...
{насмѣшливо}
Вы помиритесь съ нимъ, по размышленьи зрѣломъ.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
беречь, и пеленать, и спосылать за дѣломъ,
Мужъ—мальчикъ, мужъ—слуга, изъ женщинъихъ Пажей,
Высокій Идеалъ Московскихъ всѣхъ мужей.—
Довольно!.. съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.×
С. 242. ~~Предъ кѣмъ я давиче, такъ страстно и такъ низко~~
~~Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!!~~
×~~Но что? наказаны вы горемъ справедливымъ.~~

страстные къ
А вы, сударь отецъ, вы ~~жертвуйте къ~~ чинамъ
Желаю вамъ дрематъ въ невѣденьи о
~~Собой и дочерью; желаю быть~~ щастливымъ,
Я сватаньемъ моимъ неугрожаю вамъ.
Другій найдется благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами наконецъ
Онъ будущему тестю равный.
Такъ! отрезвился я сполна,
Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена;
Теперь нехудобъ было съ ряду
На дочь и на отца,
И на любовника-глупца,
С. 243. И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду.
Съ кѣмъ былъ! Куда меня закинула судьба!
клянутъ!
Всѣ гонятъ! всѣ ~~вредятъ!~~ Мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разскащиковъ не укротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ *выдумками, вздоромъ.*
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ,
И въ немъ разсудокъ уцѣлѣетъ.
Вонъ изъ Москвы! сюда я больше неѣздокъ.

Бѣгу, неоглянусь, пойду искать по свѣту,
С. 244. Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ?—
Карету мнѣ, Карету!
(Уѣзжаетъ)

ЯВЛЕНІЕ 15-е

Кромѣ Чацкаго

Фамусовъ.

Ну что? невидишь ты, что онъ съ ума сошёлъ?
Скажи сурьіозно;
Безумный! что онъ тутъ зачепуху мололъ!
Низкопоклонникъ! тесть! и про Москву такъ грозно!
А ты меня рѣшилась уморить?
Моя судьба еще-ли неплачевна?
Ахъ! Боже мой! что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!

Конецъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Рукопись заключена въ старинный простой переплетъ съ чернымъ кожанымъ корешкомъ, на которомъ оттиснуто: „Горе отъ ума“; форматъ ея: 21×28 сантиметровъ; плотная желтоватая бумага не имѣетъ никакихъ водяныхъ знаковъ. На листахъ имѣется двойная пагинація, нанесенная въ позднѣйшее время карандашомъ, по листамъ—римскими цифрами (всего нумерованныхъ CXXVII листовъ) и по страницамъ—арабскими (всего нумерованныхъ 244 стр.[1]). На первомъ, вклеенномъ отъ переплетчика, листѣ находится слѣдующая запись карандашомъ: „Въ этой рукописи двѣсти сорокъ четыре (244) писанныхъ страницы, изъ коихъ страницы 20, 21, 240 и 241 писаны собственною рукою Александра Сергѣевича Грибоѣдова, а—4, 5, 6, 10, 11, 12, 14, 15, 18, 19, 22, 23, 24, 27, 28, 31, 35, 41, 42, 56, 64, 65, 66, 70, 84, 102, 105, 106, 108, 112, 113, 136, 147, 150, 154, 155, 161, 163, 190, 192, 201, 203, 206, 209, 212, 214, 215, 218, 219, 220, 221, 224, 232, 234, 235, 239, 242, 243—содержатъ собственноручно сдѣланныя имъ поправки и измѣненія списка. Страницы 20, 21, 240 и 241 вклеены взамѣнъ вырѣзанныхъ. Н. Шаломытовъ. Москва, сентября 20 дня 1904 года.“ Къ этому показанію Н. В. Шаломытова, извѣстнаго изслѣдователя Грибоѣдова, коего заботами Жандровская рукопись передана московскому Историческому Музею, слѣдуетъ сейчасъ же добавить, что собственноручныя поправки Грибоѣдова имѣются и на другихъ страницахъ рукописи; см. выше текстъ комедіи и ниже—примѣчанія. Вся рукопись, за исключеніемъ четырехъ страницъ и многочисленныхъ поправокъ, данныхъ рукою Грибоѣдова, переписана однимъ и тѣмъ-же крупнымъ, четкимъ канцелярскимъ почеркомъ, рыжеватыми, во многихъ мѣстахъ сильно поблекшими, чернилами, весьма тщательно. Всѣ описки и ошибки, какія переписчикъ самъ замѣчалъ, онъ старательно исправлялъ, перечеркивая неправильности, или даже выскабливая отдѣльныя слова и цѣлыя фразы. Боль-

[1]) Эту послѣднюю пагинацію мы воспроизводимъ, для облегченія справокъ въ рукописи, на лѣвыхъ поляхъ страницъ нашего изданія. Тамъ же помѣщаемъ введенный нами счетъ стиховъ (для каждаго дѣйствія отдѣльно).

шинство же исправленій, дополненій, сокращеній и измѣненій сдѣлано самимъ Грибоѣдовымъ, что обыкновенно легко узнается какъ по характерному почерку поэта, такъ и по цвѣту чернилъ—обыкновенно болѣе черныхъ, чѣмъ у переписчика. Впрочемъ, есть нѣсколько случаевъ, когда трудно рѣшить, кому принадлежитъ передѣлка—переписчику или автору; всѣ такіе случаи оговариваются въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ. Иногда и чернила авторскихъ поправокъ по цвѣту приближаются къ черниламъ переписчика; отсюда можно заключить, что Грибоѣдовъ дѣлалъ исправленія въ нѣсколько пріемовъ. Помимо исправленій чернилами, принадлежащихъ переписчику и Грибоѣдову, въ рукописи имѣются еще многочисленныя отмѣты карандашомъ. Однѣ изъ нихъ имѣютъ нѣкоторое значеніе для изученія текста, другія нѣтъ. Иныя изъ исправленій, писанныхъ Грибоѣдовымъ чернилами, сдѣланы по предварительному обозначенію карандашомъ. Можно думать, что Грибоѣдовъ, исправляя рукопись въ нѣсколько пріемовъ, предварительно отмѣчалъ карандашомъ нѣкоторыя неисправности. Въ двухъ—трехъ случаяхъ имѣются карандашныя исправленія и отмѣтки, очевидно, болѣе поздняго происхожденія,—вѣроятно принадлежащія владѣльцу рукописи, А. А. Жандру, и вызванныя нѣкоторыми погрѣшностями, дѣйствительными или мнимыми, въ написаніи того или другого слова. Всѣ такіе случаи отмѣчены нами въ примѣчаніяхъ. Но кромѣ того въ рукописи много другихъ карандашныхъ помѣтъ, не имѣющихъ текстуальнаго значенія. Онѣ принадлежатъ лицу, въ позднее время читавшему рукопись и настойчиво подчеркивавшему карандашомъ всѣ исправленія, принадлежащія или приписанныя имъ Грибоѣдову, которыя и безъ того замѣтны каждому внимательному читателю. Такія карандашныя подчеркиванія замѣтны на приложенномъ у насъ снимкѣ стр. 27-ой рукописи. Кромѣ того, черезъ весь текстъ рукописи тянутся разставленныя карандашемъ (мелкимъ почеркомъ) передъ каждымъ стихомъ арабскія цифры 1, 2, 3, иногда 4, 5 или 6, чередующіяся неправильно, происхожденіе и смыслъ коихъ намъ остался совершенно неясенъ. Карандашныя помѣты двухъ послѣднихъ категорій мы игнорируемъ въ своемъ описаніи.

Всѣ описки и ошибки переписчика, имъ самимъ замѣченныя и исправленныя, мы не отмѣчаемъ, какъ совершенно чуждыя грибоѣдовскому тексту. Въ остальномъ же мы воспроизводимъ текстъ рукописи съ буквальной точностью, не исправляя ни одной ошибки, какъ бы она ни

была груба на современный взглядъ. Въ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ стихамъ мы оговариваемъ только явныя описки, искажающіяся смыслъ слова или фразы. Въ изданіи, имѣющемъ научныя, а не учебныя цѣли, орѳографическія неправильности не могутъ никого смутить, между тѣмъ какъ перестройка текста по современному условному школьному правописанію могла бы повлечь къ искаженію подлинной грибоѣдовской манеры письма. Дѣло въ томъ, что многія, на теперешній взглядъ странныя, особенности правописанія принадлежатъ не переписчику, а тогдашнему произношенію и говору или, чаще всего, самому Грибоѣдову. Самъ Александръ Сергѣевичъ, напр., всюду—и въ письмахъ, и въ поэтическихъ опытахъ—писалъ отрицаніе *не* слитно съ глаголомъ, ставилъ *ь* вмѣсто *ъ* въ словахъ: сокровищь, Михайлочь, обьяснить и подобныхъ. Форма другій вм. другой настойчиво пишется Грибоѣдовымъ вездѣ и представляетъ собою одинъ изъ отголосковъ его шишковизма. Въ общемъ, Грибоѣдовъ писалъ „грамотно“ въ сравненіи съ иными поэтами, напр., Лермонтовымъ; но случалось и ему дѣлать крупныя ошибки, и теперь трудно или прямо невозможно установить, кому принадлежитъ та или другая погрѣшность или особенность въ нашей рукописи—автору или переписчику. Исправлять же правописаніе самого Грибоѣдова мы считаемъ недоступимымъ въ научной транскрипціи текста. Сличеніе съ Музейнымъ автографомъ и Булгаринскимъ спискомъ показываетъ, что текстъ Жандровской рукописи тщательно копировался переписчикомъ съ его оригинала, и количество допущенныхъ имъ оплошностей, оставшихся незамѣченными и самимъ Грибоѣдовымъ, очень невелико. Поэтому мы воспроизводимъ текстъ во всей неприкосновенности, и если въ нашемъ изданіи найдутся какія либо разногласія съ рукописью, они являются не редакторскими „исправленіями“, а просто корректурными недосмотрами, небольшое количество коихъ, быть можетъ, проскользнуло въ печать, несмотря на тщательное сличеніе съ оригиналомъ и многочисленныя корректуры.

Все, написанное Грибоѣдовымъ,—не только цѣлыя страницы, фразы, отдѣльныя слова, но и буквенныя исправленія—набрано у насъ для наглядности курсивомъ. Всѣ слова и буквы, зачеркнутыя авторомъ, перечеркнуты въ нашемъ наборѣ тонкою чертою. Слова, подчеркнутыя въ рукописи, отмѣчены и въ нашемъ текстѣ чертою.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Ст. 28—29. Въ словахъ: „зельи“, „баловницы“ и „лицы“ сдѣланы карандашомъ сверху (не рукою Грибоѣдова) исправленія, такъ что получается: зелье, баловница, лица.

Ст. 36. „Софія“ — вѣроятно, описка переписчика, нарушающая правильный размѣръ стиха. Въ Музейномъ автографѣ и Булгаринскомъ спискѣ—„Софья“.

Ст. 87. Восклицательный знакъ изъ запятой.

Ст. 97. Первые три восклицательныхъ знака—изъ запятыхъ.

Ст. 105. Восклицательный знакъ изъ запятой.

Ст. 153. Въ ремаркѣ вм. „садится“ сначала было написано: „всѣ садятся“, но потомъ переправлено; однако, трудно сказать, кѣмъ: переписчикомъ или самимъ Грибоѣдовымъ.

Ст. 154—172. О первоначальномъ текстѣ сна Софьи, потомъ вырѣзанномъ самимъ Грибоѣдовымъ, см. въ вводной статьѣ, стр. XLVIII—XLIX.

Ст. 173. Конецъ слова „чудовищъ“ обрѣзанъ при переплетѣ такъ, что недостаетъ твердаго знака и ожидаемаго знака препинанія (въ Музейномъ автографѣ здѣсь стоитъ восклицательный знакъ).

Ст. 190. „На еву“ передано переписчикомъ, вѣроятно, въ соотвѣтствіи съ оригиналомъ; Грибоѣдовъ и самъ иногда писалъ „еву“ вм. „яву“, ср. стихъ 157 на снимкѣ.

Ст. 201 и 202. Точки съ запятою передѣланы изъ запятыхъ.

Ст. 206. Восклицательные знаки изъ запятыхъ.

Ст. 208. Точка съ запятою изъ запятой.

Ст. 280. Двоеточіе изъ запятой.

Ст. 293. Слова: „на умъ теперь пришла“ надписаны Грибоѣдовымъ надъ строкой по первоначальной карандашной помѣтѣ, но послѣднія три слова прежней редакціи не зачеркнуты чернилами, а только слегка перечеркнуты (быть можетъ, кѣмъ нибудь другимъ) карандашомъ.

Ст. 341. Двоеточіе изъ запятой.

Ст. 367. Запятая изъ вопросительнаго знака.

Ст. 368. Вопросительный знакъ изъ запятой.

Ст. 393. Первая запятая вмѣсто зачеркнутаго знака вопроса.

Ст. 456. Цифры надъ вторымъ и третьимъ словами поставлены самимъ Грибоѣдовымъ въ измѣненіе ихъ порядка, даннаго еще въ Музейномъ автографѣ; въ Булгаринскомъ спискѣ уже: „людямъ молодымъ“.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Ст. 64. Двоеточіе вм. запятой.

Ст. 153—154. Реплики Чацкаго и Фамусова, вписанныя самимъ Грибоѣдовымъ, были пропущены переписчикомъ.

Ст. 157. Въ словѣ „Скалазубъ“ вторая, третья, четвертая, пятая и шестая буквы написаны по выскобленному, но трудно опредѣлить, чьею рукою.

Ст. 191. Первоначально было: „отдушничекъ“, кѣмъ исправлено — трудно сказать.

Ст. 209. Точка поставлена вм. зачеркнутой запятой.

Ст. 218—219. Написаны по выскобленному.

Ст. 252. Послѣ „тамъ“ стояла точка съ запятой; потомъ зачеркнута.

Ст. 287. Слово „Никого“ подчеркнуто карандашомъ, и противъ стиха слѣва приписано карандашомъ же, рукою, кажется, А. А. Жандра: „Я думаю, никому“. Однако, и въ Музейномъ автографѣ, и въ Булгаринскомъ спискѣ стоитъ „никого“.

Ст. 310. Въ концѣ стиха зачеркнута точка.

Ст. 313. Первоначально было „Романы“; кѣмъ вставлено *с*, переписчикомъ или авторомъ, трудно сказать.

Ст. 326. Точка поставлена вмѣсто зачеркнутой запятой.

Ст. 344. Точка вм. зачеркнутой точки съ запятою.

Ст. 347. Послѣ слова „укажите“ зачеркнуто двоеточіе.

Ст. 374. Явная описка переписчика: „не“ исправлена сверху карандашомъ: „на“.

Ст. 386 и 387. Послѣ слова „нищету“ блѣдными чернилами поставлены двоеточіе и тире, а послѣ „щастливый“ (въ отмѣну запятой) восклицательный знакъ; трудно сказать, кому принадлежитъ такая пунктуація, но она приближается къ пунктуаціи Булгаринскаго списка (въ Музейномъ автографѣ текстъ даннаго стиха построенъ иначе).

Ст. 440. Въ словѣ „прикажите“ (очевидно, описка переписчика, такъ какъ и въ Музейномъ автографѣ и въ Булгаринскомъ спискѣ стоитъ: „прикажете“) сверху карандашомъ надписано *е*.

Ст. 447. Точка осталась отъ зачеркнутаго знака вопроса.

Ст. 452. Многоточіе поставлено въ отмѣну запятой.

Ст. 467. Въ словѣ „подъимутъ“ *ъ* зачеркнутъ и между *д* и *и* проведена соединительная черта, такъ что выходило бы: „подимутъ“.

Ст. 512. Восклицательный знакъ изъ точки съ запятой.

Ст. 521. Точка вм. зачеркнутой запятой.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Ст. 15. Къ слову „родные“, надписанному самимъ Грибоѣдовымъ, приписано еще слѣва карандашомъ, чужою рукою (А. А. Жандра?): „есть многіе“,— въ соотвѣтствіи съ текстомъ въ „Русской Таліи“ 1825 г. и Булгаринскимъ спискомъ.

Ст. 46. Послѣднія пять словъ, въ отмѣну коихъ Грибоѣдовъ надписалъ сверхъ карандашной помѣты „и суета“, перечеркнуты только карандашомъ.

Ст. 55, 56, 58, 60, 67. Точка съ запятою изъ запятыхъ.

Ст. 219. Въ концѣ стиха сначала было и потомъ зачеркнуто: !....

Ст. 224 и 305. Трудно опредѣлить точно, чьимъ почеркомъ надписано слово „Дмитревна [ы]“ но скорѣе—Грибоѣдова (ср. ст. 559).

Ст. 231. Въ концѣ стиха точка—изъ запятой.

Ст. 234. Точка съ запятою изъ запятой.

Ст. 249 и 268. Первоначально было: „Михайловичь“, потомъ ***вичь*** выскоблено и приписано ***чь***.

Ст. 256. Въ концѣ стиха можно предполагать знакъ препинанія (въ Музейномъ автографѣ здѣсь стоитъ запятая), обрѣзанный переплетчикомъ.

Ст. 299. Знаки препинанія, совпадающіе здѣсь съ пунктуаціей Музейнаго автографа, потомъ переправлены карандашомъ въ соотвѣтствіи съ Булгаринскимъ спискомъ: „Кто это въ углу, вошли мы, поклонился?“.

Ст. 326. Слово „donnez“ написано поверхъ другого слова: „laissez“.

Ст. 353. „Брѣзгливъ“—очевидно, описка переписчика; въ Музейномъ автографѣ, въ Булгаринскомъ спискѣ и въ первопечатномъ текстѣ: „брюзгливъ“.

Ст. 362. Карандашомъ исправлено: „свѣтапреставленье“ — какъ въ Булгаринскомъ спискѣ.

Ст. 384. Въ словѣ „здоровье“ ***е*** было переправлено карандашомъ на ***я***, потомъ эта буква вновь зачеркнута, и поставлено опять ***е***.

Ст. 407. Двоеточіе изъ запятой.

Ст. 424. Точка съ запятой перечеркнута карандашомъ.

Ст. 465. Точка и тире въ концѣ стиха вмѣсто зачеркнутой запятой.

Ст. 475, 476 и 478. Въ словахъ графини бабушки буквы *т* и *ш* подчеркнуты сверху и снизу короткой волнистой линіей ~~~~; буквы *ш* притомъ исправлены слегка (повидимому, самимъ Грибоѣдовымъ) такъ, что ихъ можно прочесть и какъ *ж*. Ср. Музейный автографъ и Булгаринскій списокъ.

Ст. 481—482. Здѣсь въ рукописи стянуты въ двѣ строки четыре стиха:

Въ горахъ израненъ, въ лобъ,
Сошелъ съ ума отъ раны.
— Что? Къ фармазонамъ въ клобъ?
Пошелъ онъ въ бусурманы!

Въ томъ же видѣ эти стихи написаны и въ Булгаринскомъ спискѣ.

Ст. 482, 484, 490 и 491. Буквы *п, ш, т, б* надписаны (рукою переписчика) надъ строками, не отмѣнняя нижнихъ.

Ст. 539. Точка съ запятой передѣлана изъ точки.

Ст. 546. Двоеточіе поставлено въ отмѣнъ запятой и тире.

Ст. 560. Въ словѣ „Затѣетъ“ третья, четвертая и пятая буквы написаны по выскобленному.

Ст. 577. Въ словѣ „снаряжался“ первыя три буквы написаны по выскобленному.

Ст. 580. Въ словѣ „Рускаго“ третья и четвертая буквы написаны по выскобленному.

Ст. 582. Точка поставлена Грибоѣдовымъ въ отмѣну точки съ запятой.

Ст. 586. Первая запятая поставлена Грибоѣдовымъ въ отмѣну точки и тире.

Ст. 611. Слово „если“ написано по выскобленному.

Ст. 632. Точки съ запятой вм. запятой.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ст. 66. Восклицательный знакъ и тире поставлены Грибоѣдовымъ въ отмѣну запятой.

Ст. 87. Вписанъ Грибоѣдовымъ по первоначальной карандашной помѣтѣ.

Ст. 90. Первая запятая, пропущенная переписчикомъ, вставлена Грибоѣдовымъ.

Ст. 92. Двоеточіе поставлено Грибоѣдовымъ въ отмѣну запятой.

Ст. 108. Точка съ запятой поставлена Грибоѣдовымъ въ отмѣну запятой.

Ст. 152. Первая запятая перечеркнута карандашомъ.

Ст. 227. „Ни слова“ надписано по карандашной отмѣтѣ, слово же „худаго“ перечеркнуто только карандашомъ, то же слѣдуетъ сказать и объ исправленіи слѣдующаго 228-го стиха.

Ст. 248. Послѣ исправленій карандашомъ, получилъ такой видъ: „Мсьё Репетиловъ! Вы! Мсьё Репетиловъ! Что вы!“.

Ст. 261. Слова „Амфиса Ниловна!“ надписаны по карандашной помѣтѣ; слова же „Амфиса Карповна“ перечеркнуты только карандашомъ.

Ст. 302. Явная описка переписчика: „говоритъ“ (вм. „горитъ“) неисправлена чернилами; слогъ *во* только перечеркнутъ карандашомъ.

Ст. 305. Въ зачеркнутой строчкѣ слово „говорячкѣ“—явная описка переписка.

Ст. 309. Описка „будь“ вм. „буду“ исправлена только карандашомъ.

Ст. 323. „Толконуться“—явная описка переписчика, нарушающая размѣръ, вм. „толкнуться“.

Ст. 379. Въ первоначальной ремаркѣ надъ словомъ „валяется“ было надписано карандашомъ какое то слово („ползаетъ“?), потомъ оно зачеркнуто чернилами Грибоѣдовымъ, и вписана новая ремарка.

Ст. 417 и 418. Надъ этими стихами выскоблено двѣ короткихъ строки.

Ст. 432. Знакъ вопроса—изъ восклицательнаго знака.

Ст. 454—493. Вписаны рукою Грибоѣдова на отдѣльномъ листѣ, подклеенномъ вмѣсто вырѣзаннаго. На сохранившейся узкой полоскѣ вырѣзаннаго листа можно разобрать обрывки конечныхъ словъ всего нѣсколькихъ стиховъ: „васъ“, „...омъ“, „Пажей“, „[тр]удовъ?“, „[дума]лъ, близко“.

Ст. 475. Въ концѣ стиха сначала стояли вопросительный и восклицательный знаки; потомъ впереди поставлено двоеточіе, но прежняя пунктуація не отмѣнена.

Ст. 492. Точка осталась отъ зачеркнутаго восклицательнаго знака.

Ст. 512. Послѣ слова „стариковъ“ ошибкой было написано еще: „выдумками“, потомъ подскоблено.

КЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМЪ.

Первая страница обложки представляетъ fac-simile обложки перваго печатнаго изданія „Горя отъ ума“ 1833 года (стилизованы только надпись „Жандровская рукопись“ и годъ 1912).

Портретъ А. С. Грибоѣдова впервые воспроизводится въ краскахъ съ оригинала, писаннаго цвѣтными карандашами и вдѣланнаго въ переплетъ Булгаринскаго списка „Горя отъ ума“, хранящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Имя художника въ точности неизвѣстно; предполагаютъ, что это былъ Рабильяръ. По свидѣтельству Ел. Ив. Булгариной, портретъ „имѣетъ самое разительное сходство съ авторомъ“ (Изданіе „Горя отъ ума“ 1875 г., подъ редакціей И. Д. Гарусова, стр. 220—221). Переплетъ рукописи, снимокъ съ коего также впервые воспроизводится въ нашемъ изданіи, сдѣланъ изъ коричневатаго сафьяна, съ золотымъ тисненіемъ; стекло портрета заключено въ бронзовый ободокъ. Наше воспроизведеніе нѣсколько уменьшено въ сравненіи съ форматомъ переплета.

Портретъ А. А. Жандра впервые воспроизводится по фотографіи Захарьина начала семидесятыхъ годовъ, хранящейся у сына покойнаго, В. А. Жандра. У него же хранится другой портретъ покойнаго, писанный акварелью, работы Wagenheim 1848 года, по фотографіи воспроизведенный въ изданіи Ю. Э. Озаровскаго 1905 г. Портретовъ А. А. Жандра въ болѣе раннемъ возрастѣ, временъ Грибоѣдова, не сохранилось. Нѣтъ также портрета В. С. Миклашевичъ, по преданію, не позволявшей срисовывать себя.

Пять снимковъ съ Жандровской рукописи впервые воспроизводятся въ нашемъ изданіи. Страница 27-я писана рукою переписчика—съ исправленіями рукою Грибоѣдова; остальныя четыре—автографы поэта. Два другихъ снимка см. во второмъ томѣ академическаго изданія сочиненій А. С. Грибоѣдова.

CORRIGENDA.

Д. I, ст. 242. Слова; „Да-съ, правду молвить между нами“ должны быть перечеркнуты.

Д. II, ст. 209. Слова: „Съ“ и „его“ должны быть перечеркнуты.

Работы Н. К. Пиксанова:

1) Матеріалы для библіографическаго указателя произведеній А. С. Грибоѣдова и литературы о немъ. „Ученыя записки Импер. Юрьевскаго Университета“ 1903, № 4.

2) Столкновеніе Булгарина съ матерью Грибоѣдова. (Неизданный документъ.) „Русская Старина“ 1905, № 12.

3) Грибоѣдовъ и А. А. Бестужевъ. „Извѣстія II Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ“ т. XI (1906), кн. 4.

4) Къ литературной исторіи „Горя отъ ума“. (Цензурное дѣло объ изданіи П. Е. Басистова). Тамъ же; т. XVI (1911), книга 2.

5) А. С. Грибоѣдовъ. „Исторія русской литературы XIX вѣка“, подъ редакціей Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, т. I, вып. 3 (1908).

6) Къ характеристикѣ Грибоѣдова. Поэтъ и ссыльные декабристы (по архивнымъ даннымъ). „Русскія Вѣдомости“ 1911, № 263.

7) Грибоѣдовъ и декабристы. Эпизодическая программа домашняго чтенія. „Извѣстія Самарскаго Общества народныхъ университетовъ“ 1910, № 12.

8) А. С. Грибоѣдовъ. Біографическій очеркъ. СПБ. 1911. 147 стр.

9) „Горе отъ ума“. Комедія *А. С. Грибоѣдова*. Текстъ Жандровской рукописи, хранящейся въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ. Редакція, введеніе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. М. 1912. Изд. Л. Э. Бухгеймъ.

10) Академическая библіотека русскихъ писателей. Полное собраніе сочиненій *А. С. Грибоѣдова*. Т. I. Подъ редакціей Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкина. СПБ. 1911. (Второй томъ печатается.)

11) Универсальная библіотека. „Горе отъ ума“ *А. С. Грибоѣдова*. Редакція и примѣчанія Н. К. Пиксанова. М. 1912 (печатается).

12) Несостоявшаяся газета Пушкина „Дневникъ“ (1831 — 1832). „Пушкинъ и его современники“, вып. V (1907).

13) Замѣтки о Катенинѣ. Тамъ же, вып. XII (1909).

14) „Библіотека великихъ писателей“. Подъ редакціей С. А. Венгерова. *Пушкинъ*. Т. I (1907): Пушкинъ и Оссіанъ.—Кн. Д. П. Горчаковъ.—Н. Ѳ. Кошанскій. Т. V (1911): Дядя и племянникъ (В. Л. Пушкинъ).

15) Къ вопросу о Боярской Думѣ. „Журналъ Министерства Юстиціи“ 1903, № 3.

16) Изъ архива Ѳ. В. Булгарина (Неизданные документы). „Русская Старина“ 1903, № 12; 1905, № 4.

17) Памяти А. Н. Пыпина. „Извѣстія II Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ“, т. XV (1910), кн. 3.

18) Семинарій по новой русской литературѣ. Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская. Темы и библіографія. Составилъ Н. К. Пиксановъ, приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго Университета. СПБ. 1912.

БУ/БАЗА
15 р.

Изданія Л. Э. Бухгеймъ:

Отрывки изъ воспоминаній М. К. Рейхель и письма къ ней А. И. Герцена. Съ 4 портретами. М. 1909. Цѣна **1** р.

А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей „Два мѣсяца въ Прагѣ“ и „Вячеславъ Ганка“. Подъ ред. В. А. Ляцкой. Съ портретомъ и факсимиле А. Н. Пыпина. М. 1910. Цѣна **2** р.

К. С. Аксаковъ. Воспоминаніе студентства (1832—1835 гг.). Съ приложеніемъ портрета К. С. Аксакова, неизданнаго стихотворенія и отклика А. И. Герцена на его кончину. СПб. 1911. Цѣна **60** к.

Складъ изданія — Москва, Покровка, Введенскій пер., 28, Л. Э. Бухгеймъ.

Кромѣ того имѣются въ продажѣ (ограниченное число) портреты-фототипіи съ рис. худ. И. А. Астафьева, К. Д. Кавелина, К. Н. Бестужева-Рюмина и М. Ю. Лермонтова, по цѣнѣ 1 р. каждый.

Готовится къ печати:

Сочиненія М. Н. ЛОНГИНОВА.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00039812532